

Звезда Востока

Ежемесячный литературно-художественный журнал
писателей Узбекистана

11—12

НОЯБРЬ —
ДЕКАБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сабит
МАДАЛИЕВ
главный редактор

Карим
ЕГЕУБАЕВ

Райхат
САДЫКОВ
ответственный
секретарь

Алексей
УСТИМЕНКО

Лейла
ШАХНАЗАРОВА

ПРОЗА

- Тахир Малик. Прощай, «счастливое
детство»... Повесть 53
Владимир Васильев. И тьма не объяла
его... Роман-фантазия 163

ПОЭЗИЯ

- Сабит Мадалиев. Стихи 110

ПОЭЗИЯ ЭМИГРАЦИИ

- Максим Суханов. Стихи 115

МИР ЕДИН: ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЭЗИЯ СЕГОДНЯ

- Марк Стрэнд. Стихи 42

ЭССЕ О ПОЭЗИИ

- Жан Тодрани. Поэзия и Средиземно-
морье 47

ВОСТОЧНЫЙ ДИВАН

- Орден Накшбанди 120

ЭПОХА И ЛИЧНОСТЬ

- Евгений Кычанов. Жизнь Темучжина . 138

ИЗДАЕТСЯ
С 1932 ГОДА

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПУБЛИЦИСТИКА
СОВЕТ**

Абдуминап
АЛИМБАЕВ

Малик
АРИПОВ

Владимир
ВАСИЛЬЕВ

Мухсин
ГАНИЕВ

Валерий
ГЕРМАНОВ

Светлана
ГОРШЕНИНА

Рустем
ДЖАНГУЖИН

Пиримкул
КАДЫРОВ

Сайдулла
КАСЫМОВ

Михаил
КОСТЕЦКИЙ

Ниңа
ЛЫСАКОВА

Борис
МАЦКИН

Валентина
ПАВЛЕНКО

Джура
ПАЙЗИ

Акмаль
САИДОВ

Александр
САРКИСОВ

Валерий
ТАТЕОСОВ

Рахима
ТУЛАЕВА

Пулат
ХАБИБУЛЛАЕВ

Шакасым
ШАИСЛАМОВ

Шоир
УСМАНХОДЖАЕВ

Геннадий
ШТЕРН

Наталья Кривцова. Черный квадрат . 152

КРИПТОГРАММЫ

Карим Егеубаев. Роман-фантазия В. Васильева и Евангелие Василида . . 182

КОСМОС. ЖИЗНЬ. ЧЕЛОВЕК

Джидду Кришнамурти. Парижские беседы 3

Энциклопедическое изложение Массонской, Герметической, Каббалистической и Розенкрейцерской Символической Философии . . . 200

ДЕТЕКТИВ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА

Рашид Сухов, Алишер Гулямов. Инспектор Коллинз 212

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА ИМЕНИ ГАФУРА ГУЛЯМА

Джидду Кришнамурти

ПАРИЖСКИЕ
БЕСЕДЫ

Прежде всего тот, кто здесь говорит, выступает не как индеец; он не представляет Восток, хотя он родился в определенном географическом месте и имеет определенный паспорт. Наши проблемы — это общечеловеческие проблемы, и, в качестве таковых, они не имеют географических границ.

Позвольте вам сказать: слушать — это не одобрять, осуждать или перетолковывать, а исследовать факт во всей его полноте, с желанием понять. Для этой цели мозг должен быть очень спокоен и в то же время весьма оживлен, способен к правильному и разумному функционированию, без сентиментальности и эмоциональности. Только при таких условиях мы можем приступить к проблемам человеческого существования как к процессу в целом, а не взятому частично.

Если мы станем наблюдать не только внешние события, но также то, что происходит внутри нас, мы обнаружим, что являемся рабами известных идей, рабами авторитетов. На протяжении веков на нас воздействовала пропаганда, поэтому мы стали христианами, буддистами или еще чем-то; но для того, чтобы найти истину, нет необходимости исповедовать какую бы то ни было религию. Очень трудно не быть завербованным тем или иным образом действия или мысли. Я не знаю, пытались ли вы когда-нибудь не принадлежать ни к чему, отбросили ли вы окончательно традиционную веру в Бога, что не означает быть атеистом (это так же глупо, как верить), но отбросить влияние церкви с ее тысячелетней пропагандой.

Равным образом не так легко исключить наши особенности француза, индийца, русского или американца; это, пожалуй, еще более трудная задача. Легко отбросить что-либо, когда знаешь, куда это приведет; обычно же происходит лишь переход из одной тюрьмы в другую. Но если вы откажетесь от всех тюрем,

не зная наперед, куда это вас приведет, тогда вы окажетесь в полном одиночестве, без всяких влияний, и лишь тогда можно самому познать, что есть истина не только в этом мире повседневного существования, но и истину за пределами ценностей этого мира, за пределами мысли и ощущения, за пределами всех измерений. Лишь тогда мы узнаем, есть ли реальность за пределами пространства и времени, и это открытие есть творчество. Но для открытия того, что является истиной, надо осуществить отрешение от «я», а это и есть свобода. Вы не можете пуститься в дальний путь, если привязаны к чему бы то ни было, к вашей стране, к вашим традициям, к вашим привычным способам мышления. Это все равно, что быть привязанным к столбу.

Если вы хотите открыть то, что истинно, вам нужно порвать все, что вас связывает, и исследовать не только внешнее, не только ваши отношения с людьми и вещами, но видеть свое внутреннее «я»; все это образует познание себя: не только познание внешнего сознания, бодрствующего, но и подсознательного, скрытых уголков мозга и психики. Это требует непрерывного наблюдения и, если вы согласны так наблюдать за собой, то убедитесь, что в сущности нет разделения между наружным и внутренним, так как мысль, как прилив океана, движется взад и вперед, извне и изнутри. Это двойное движение является единственным процессом, ведущим к осознанию себя. Вы не можете отбросить внешний мир, так как не являетесь чем-то, существующим независимо от него. Проблема мира — ваша проблема; внешне и внутреннее — две стороны одной монеты. Отшельник, монах и так называемый верующий, которые отрекаются от мира, лишь убегают со своими верованиями и суевериями в мир собственных иллюзий.

Мы можем увидеть, что внешне мы не свободны. В своей работе, в своих религиях, в своих верованиях, в своих взаимоотношениях с женами, мужьями, детьми, в своих идеях, в политической жизни — мы не свободны. Мы не свободны и внутренне, так как не знаем, что представляют собой наши побудительные причины, импульсы, неосознанные потребности. Следовательно, нет свободы ни внешней, ни внутренней; это факт. Посмотреть в лицо факту — вот жизненно важно, факт же этот заключается в том, что все наше существование в течение веков механизировалось. Любая мысль стала механической, а для того, чтобы осознать это, чтобы это преодолеть, надо, прежде всего, это увидеть.

Вся наша жизнь в настоящее время ограничена временем и пространством; мы увязли в неотложных проблемах. Наши трудности, наши отношения с другими, проблемы ревности, страха смерти, старости и т. д. наполняют нашу жизнь; но способны ли мозг и психика преодолеть все это? Я говорю, что способны, так как побывал в самых далеких глубинах психики и преодолел их. Но вы не должны просто принять то, что было сказано, так как простое приятие не имеет цены. Единственное, что имеет цену — это и вам проделать тот же путь. Но для этого

необходимо, чтобы с первых шагов была свобода, чтобы было желание познать, а не принимать, не сомневаться, но открывать. Тогда вы увидите, по мере того, как будете углублять вопрос, что ум может быть свободным и что лишь свободный ум может открыть то, что есть истина.

Вопрос одного из слушателей: Как можно войти эмоционально в контакт с фактом?

Ответ: Чтобы войти в контакт с чем бы то ни было, необходимо, чтобы подход был полным, чтобы он был не только интеллектуальным или эмоциональным... Это требует целостного внимания.

Вопрос: Не должны ли мы обратить внимание на процесс двойственности, который в нас происходит, и не в этом ли состоит познание себя?

Ответ: Вы употребили слова «внимание», «двойственность», «познание себя». Давайте рассмотрим эти выражения одно за другим, ибо если мы их не понимаем, тогда мы не сможем достичь взаимопонимания.

Вы знаете, как заставляют школьника, который хочет смотреть в окно, склониться над книгой; но это не есть внимание. Внимание заключается в том, чтобы видеть то, что происходит за окном, и то, что находится перед вами. А наблюдать без выключения очень трудно.

Что вы хотите сказать словами «процесс раздвоения»? Мы знаем, что такой процесс существует: добро и зло, ненависть и любовь и т. п. Быть внимательным к этим противоречивым явлениям очень трудно, не правда ли? Но почему внутри нас происходит процесс двойственности? Существует ли он в действительности, или он — выдумка нашего мозга, который пытается уйти от фактов? Предположим, что я ревную или сержусь; это мне мешает, я недоволен; тогда я говорю себе: я не должен ревновать, не должен сердиться — в зависимости от наличия того или иного чувства, — и это есть попытка уйти от факта, не так ли? Идеал — выдумка мозга с тем, чтобы уйти от того, что есть; вот таким образом возникает двойственность. Но если я осознаю факт своей ревности, тогда двойственности уже не возникает. Встреча факта лицом к лицу означает возможность проникнуть в совокупность всего, что представляют собой ревность и гнев, и тогда либо я найду, что это состояние мне нравится, и в таком случае конфликт должен продолжаться; — либо, наоборот, я открываю всю полноту его значения, и тогда я свободен от конфликта.

Далее, что мы понимаем под «познанием себя»? Что значит знать самого себя? Разве я знаю себя? Представляет ли собой наше «я» нечто статическое или оно вечно меняется? Могу ли я познать самого себя? Знаю ли я свою жену, своего мужа, своего ребенка, или же я знаю лишь образ, созданный моим умом? По существу, мне невозможно «познать» то, что является живым; я не могу привести нечто живое к формуле. Единственно, что я могу сделать — это «последовать» за ним, куда оно меня при-

ведет; но если я за ним следую, я никогда не смогу сказать, что знаю его. Следовательно, познание себя состоит в том, чтобы «следовать» за «я», следовать за всеми его мыслями, чувствами, побудительными причинами и никогда, даже на один миг, не говорить себе: я их «познал». Знать можно только то, что статично, мертво.

Вопрос: Существует ли способ установить безмолвие в уме?

Ответ: Прежде всего, когда вы предлагаете этот вопрос, отдаете ли вы себе отчет в том, что ваш мозг находится в состоянии беспокойства? Осознаете ли вы, что ваш мозг никогда не находится в состоянии безмолвия, что он непрерывно болтает? Это факт. Ум все время говорит, либо с кем-нибудь, либо с самим собой. Он все время в действии. Почему вы ставите такой вопрос? Давайте разберемся вместе. Если это потому, что вы частично осознаете эту болтовню и хотите от нее избавиться, то ведь вы можете принять лекарство, проглотить таблетку и привести мозг в сонное состояние. Но если вы действительно хотите произвести исследование и узнать, почему ум болтает, тогда вопрос носит другой характер. В первом случае вы уклоняетесь от проблемы, во втором следуете за болтовней до конца.

Почему же ум занимается болтовней? Словом «болтовня» мы хотим сказать, что ум всегда чем-то занят: радио, своими проблемами, своей профессией, своими взглядами, своими эмоциями, своими мифами. Но почему он занят? И что произошло бы, если бы он не был занят? Пытались ли вы когда-нибудь не быть занятым? В этом случае вы могли бы констатировать, что, когда мозг не занят, появляется страх, так как это означает, что вы остались в одиночестве. Если вы ничем не заняты, тогда это состояние очень болезненно, не так ли? Находились ли вы когда-нибудь в полном одиночестве? Сомневаюсь. Вы можете гулять один; сидеть в одиночестве в автобусе или в своей комнате, но ваш ум все время занят. Ваши мысли непрерывно с вами. Прекращение занятости ума приводит к осознанию полного одиночества, изолированности; но это страшная вещь, и вот почему ум продолжает болтать, болтать, болтать.

II

Теперь я хочу побеседовать с вами о вопросе авторитета и свободы. Я хотел бы глубоко проникнуть в этот вопрос, так как считаю, что очень важно понять всю «анатомию» авторитета.

Поиски авторитета непрерывны, так как большинство из нас боится сбиться с правильного пути, дойти до банкротства. Успех является для нас предметом культа, а авторитет обеспечивает успех. Вам говорят, что, если вы будете придерживаться определенного образа действий, если вы подчинитесь определенным идеям, вам удастся достигнуть спасения, своего полного развития, свободы. Я же считаю абсурдом мысль, если какая-то дисциплина, регламентация, принуждение, подражание, сообра-

зование с другими могут привести к свободе. Очевидно, что нельзя калечить ум, перекручивать и перекраивать его, и этим способом обрести свободу. Перекраивание и свобода — вещи несовместимые, они исключают друг друга.

Так почему же психика и мозг человека всегда ищут образец, которому следовать?

Нет сомнений, что жажда безопасности и есть побудительная причина вашего желания примкнуть к чему-либо. А из этого вытекает чувство, что в случае успеха, благодаря согласованию с образцом, можно избежать чувства страха. Но разве существует внутренняя безопасность? Поиски безопасности это уже страх. Внешне, может быть, необходимо иметь некоторую степень безопасности; дом, еда три раза в день, одежда и все прочее; но существует ли — внутренне — безопасность? Находитесь ли вы в безопасности в своей семье, в своих отношениях друг с другом? Вы не решаетесь подвергнуть все это сомнению, не так ли? Вы признаете, что все это стало традицией, привычкой; но с того момента, когда вы ставите под вопрос ваши отношения с мужем, женой, ребенком, соседом — даже такое сомнение становится опасным.

Все мы ищем безопасности в той или иной форме, и для этого нам нужен авторитет. Поэтому мы говорим, что существует Бог; а когда мы лишимся всего, то он будет нашей последней безопасностью. Мы цепляемся за идеалы, надежды, верования, которые обещают нам перманентность здесь и в потустороннем мире. Но существует ли безопасность? Я думаю, каждый из вас должен вскрыть эту проблему, дать это сражение, до конца понять этот вопрос: разве существует безопасность?

Пробить все это, обнаружить истину во всем сложном вопросе означает совершить революцию, значительно превышающую по своим масштабам любую революцию. Это означает начать освобождаться от авторитета и обнаружить, что нет ничего перманентного внутри нас, никакой внутренней безопасности. Это означает обнаружить, что ум всегда должен находиться в состоянии неуверенности. Мы же опасаемся неуверенности, не правда ли? Мы думаем, что мозг, находясь в состоянии неуверенности, должен прийти в расстройство, заболеть психически. К несчастью, многие страдают психическими расстройствами, потому что они нигде не могут найти уверенности. Разбиты все цепи, которые прикрепляли их к якорям, к верованиям, к идеалам, иллюзиям, мифам; и тогда они заболевают психически. Но ум, находящийся в состоянии неуверенности, не содержит в себе страха. Лишь боязливый, покорный ум вызывает к авторитету. Возможно ли видеть все это и полностью до конца откатиться от авторитета и избавиться от страха?

Что мы подразумеваем под словом «понимать»? Означает ли слово «понимать» — получить интеллектуальное объяснение? Разве объяснения, рассуждения, здоровая логика помогут нам осознать факт, что всякий авторитет, послушание, приятие, что всякое сообразование с другими калечат ум? Для меня это

очень важный вопрос. «Понимать» не имеет ничего общего со словами, объяснениями. У меня такое ощущение, что понять что-либо можно непосредственно, без словесных убеждений, без аргументации, интеллектуальных рассуждений.

Для меня понимание — это немедленное действие, а не действие, совершающееся во времени.

Реальным фактом является то обстоятельство, что большинство из нас любит власть: власть мужа над женой, власть жены над мужем, власть, которую дают талант, сознание своего жизненного опыта, власть, которую дают самоистязание и господство над телом. Всякая форма власти рождает авторитет, будь это власть диктатора, власть политическая, религиозная, господство одного человека над другим. Почему же мы не можем просто и прямо увидеть, что всякая власть есть зло?

Мы можем отбросить внешний авторитет, как несерьезный, — например, факт принадлежности к определенной национальности, группе, семье, к определенному обществу с его специфическими правилами, законами и прочими глупостями, — но отбросить собственный опыт, авторитет знаний, которые вы сами накопили, — это очень трудно.

Я не знаю, пытались ли вы когда-нибудь разрешить эту проблему; в таком случае вы убедитесь, что ум, обремененный, загруженный знаниями и опытом, не является молодым, невинным; такой ум стар, он находится в состоянии разложения и никогда не способен подойти к чему бы то ни было свободно, в полноте, до конца.

В сущности, что представляет из себя опыт, наделяющий нас чувством благородства, мудрости, превосходства? Опыт, по-видимому, представляет собой ответ всех наших психических накоплений на внешние раздражения. Но поскольку этот ответ обусловлен такими накоплениями, они укрепляются с каждым новым опытом. Если вы прихожанин определенной церкви, последователь определенной секты, религии, то у вас могут быть переживания, видения, которые соответствуют состоянию вашего ума, и вы укрепляетесь в этом, не так ли? И эта обусловленность, эта религиозная пропаганда, имеет ли она давность двух тысяч лет или является совсем новой, формирует наши умы, воздействует на реакции нашего мозга. Вы не можете отрицать наличия таких влияний, они налицо.

Понять — это не есть вопрос времени. Если же вы поставите себе задачу понять каждое влияние в отдельности, вы умрете значительно раньше, чем поймете все. Но если вы способны до конца, полностью понять одно-единственное влияние, тогда вы превратите в прах все другие влияния; но, чтобы понять одно из них, вы должны проникнуть в него полностью до конца.

Понимание авторитета, как внешнего, так и внутреннего, не зависит от времени. Полагаться на время — одна из глубочайших ошибок, один из главных подводных камней. Время, по существу, только отсрочка, показывающая, что вы находите удовольствие в вашей безопасности, в вашем подражании дру-

гому, в вашей принадлежности тому или иному. Вы говорите: «Не мешайте мне, пожалуйста, я еще не приготовился к смятению». Но я не вижу, почему нельзя помешать, почему внутреннее смятение должно принести плохое. По существу, именно боязнь внутреннего хаоса и вызывает смятение. Тот, кто хочет открыть истину, независимо от того, принесет она беспокойство или нет, уже свободен от опасения испытать хаос. Я вижу, что некоторые из вас улыбаются, но вопрос слишком для того серьезен. Это факт, что никто из вас не хочет испытать внутреннего смятения. Мы попали на проторенную дорожку, в узкую рутину, интеллектуальную, эмоциональную или идеологическую, и мы не хотим, чтобы нам мешали. Во всем, в наших отношениях с другими и в остальном, мы хотим лишь жить жизнью буржуазной, спокойной, удобной и респектабельной. Желание быть антибуржуазным сводится к тому же.

Вопрос: Содержит ли ум в самом себе элементы, которые позволяют ему понять себя?

Ответ: Я думаю, что да, не так ли? Что может помешать пониманию? Препятствия могут создаваться лишь умом, самим умом. Следовательно, понимание — один из элементов психики, так же, как и препятствия, которые тормозят понимание.

Видите ли, жить с чувством неуверенности, не заболевая психическим расстройством, очень трудно, это требует глубокого понимания. Не правда ли, одним из главных препятствий является то, что я продолжаю настойчиво желать внутренней безопасности. Я вижу, что внешней безопасности нет; тогда внутренне психика создает свою собственную безопасность — в веровании, в Боге, в идее. И это мешает осознать, существует ли эта внутренняя безопасность или нет. Таким путем психика создает свое рабство, но в то же время она несет в себе элементы собственного освобождения.

Вопрос: Почему свободный человек не испытывает смятения?

Ответ: Правильно ли поставлен этот вопрос? Поскольку вы ничего не знаете о свободном человеке, ваш вопрос носит чисто умозрительный характер. Не обижайтесь, если я скажу, что этот вопрос лишен смысла и для вас и для меня. Но если бы вы спросили иначе, если бы вы задали вопрос так: «Почему я испытываю смятение?», тогда в таком вопросе будет смысл, и на него можно дать правильный ответ. Итак, почему я в смятении, если мой муж бросает меня, или умирает кто-нибудь из близких, или происходит крах, или я чувствую, что моя жизнь сложилась неудачно?

Если бы вы продумали все это до конца, до предельных границ, вы бы поняли всю сущность вопроса.

Вопрос: Всегда ли вера в Бога основана на страхе?

Ответ: Почему вы верите в Бога? Почему это необходимо? Захватывает ли вас вера в Бога, когда вы счастливы, или только тогда, когда начинаются затруднения? Не являетесь ли вы верующим только потому, что вас привели к этому условия? В

конце концов, в течение двух тысяч лет вам говорили, что Бог есть; а в обществе людей воспитывают в убеждении, что Бога нет. И в том и в другом случае на ум было оказано влияние. Слово «Бог» не есть Бог; гораздо более важно открыть самому, существует ли на свете нечто, что можно назвать Богом, чем привязывать себя к любому верованию или неверию. Но для того, чтобы открыть что-то самому, требуется огромная энергия, которая необходима для того, чтобы пройти через все верования; и это состояние не имеет ничего общего с атеизмом или сомнением. Вера — очень удобная вещь; но весьма мало людей, готовых разрушить себя внутренне. Вера не приведет вас к Богу. Ни один храм, ни одна церковь, никакая догма и никакой обряд не приведут вас к реальности. Эта реальность существует, но, если вы хотите ее познать, нельзя обладать ограниченным сознанием. Узкая и мелочная психика может найти лишь своих маленьких богов. Таким образом, мы должны согласиться на отказ от всех наших верований, от всей нашей респектабельности, для того, чтобы открыть реальное.

III

Я убежден, что большинство из вас стремится к какой-то форме мира. Политические деятели много говорят о нем во всех странах. Это их конек, их любимейшее слово. И каждый из нас тоже жаждет мира. Но все же мне кажется, что тот мир, который ищут человеческие существа, является скорее бегством; мы хотим найти такое состояние, в котором наш ум нашел бы убежище; но мы никогда не задумывались, возможно ли проложить путь через все конфликты и таким образом обрести реальный мир. Я хотел бы поговорить с вами о состоянии конфликта, так как мне кажется, что если бы конфликт внутри нас мог бы быть устранен до основания, полностью, за пределы сознания, то мы, может быть, нашли бы мир.

Тот мир, о котором я говорю, это не мир, который ищут психика и мозг; это нечто совершенно иное. Я думаю, что этот мир будет причиной смятения, так как он очень творческий, а стало быть, очень разрушительный. Для того, чтобы достичь такого понимания мира, основным, по-моему, является понимание конфликта, ибо, если мы не разрешим эту проблему радикально, до конца, мы не добьемся мира ни внешнего ни внутреннего, каким бы пламенным ни было наше желание его найти.

Мы приняли состояние конфликта как неизбежное: его рассматривают даже как достойное и необходимое для эволюции, роста, необходимое, чтобы достичь чего-либо. Внутри нас остается чувство, что если бы не было жизненной борьбы, не было бы конфликта, мы неизбежно оказались бы в застое. В итоге, интеллектуально и эмоционально, мы все время заостряем наши умы, боремся, вечно находимся в конфликте с самими собой, с нашими соседями, со всем миром. Это не преувели-

чение, это факт, и все мы знаем, как невероятно тяжело это состояние конфликта.

Ум, находящийся в конфликте, это ум в состоянии смятения. Чем напряженнее конфликт, тем более эффективна деятельность. Вы могли наблюдать, что писатели, ораторы, так называемые работники умственного труда непрерывно создают теории, философии, объяснения. Если у них есть хотя бы маленький талант, то чем больше их внутреннее напряжение, тем больше они производят; а мир говорит, что это — великие писатели, великие ораторы, великие религиозные вожди и т. д.

Если приглядеться поближе, то можно увидеть, что на самом деле конфликт деформирует, извращает. Он по своей сути является смятением, он уничтожает нас внутренне. Если человек способен действительно это понять, если он не будет говорить самому себе, что конфликт борьбы за существование неизбежен, что на нем основана вся социальная структура, что его надо принять безоговорочно, — тогда, я думаю, отношение к этой проблеме становится совершенно другим.

Есть способы уйти от конфликта, предаться алкоголизму, женщинам, церкви, Богу, стать предельно интеллектуальным, заполнить себя знаниями, включить радио, заняться чревоугодием. Но мы знаем, что ни один из этих способов не разрешает проблему конфликта, каждый лишь обостряет ее. А разве мы решаемся безбоязненно признать факт, что от конфликта нельзя убежать? Я думаю, наша основная трудность заключается в том, что мы придумали столько способов убежать от конфликта и стали неспособны увидеть факт непосредственно.

Конфликт в нашем сознании неизбежен, поскольку в нем есть деление на мыслящего и на мысль. Это деление вызывает противоречие, а где есть противоречие, там неизбежен конфликт. Мы знаем, не правда ли, что мы находимся в состоянии противоречия, одновременно внешнего и внутреннего. Внешние противоречия в наших действиях появляются тогда, когда мы хотим жить определенным образом, но подчинены деятельности другого порядка; внутренние противоречия зиждятся в наших мыслях, в наших чувствах и желаниях. Чувства, мысль, желания, воля и речь образуют совокупность нашего сознания, и в этой совокупности есть противоречия, так как в ней всегда есть разделение; с одной стороны — критик, наблюдатель, который все время приглядывается, выжидает, видоизменяет, отбрасывает; с другой стороны — чувство или мысль, которые подвергаются воздействию.

Возникает вопрос: как узнать, неизбежно ли подобное разделение в сознании? Существует ли в какой-нибудь форме отдельно мыслящий, или его создала мысль, чтобы иметь точку отправления, от которой она может исходить в мыслях и ощущениях?

Существует ли в какой-либо форме мыслящий, или существует только мысль? И если существует только мысль, почему же есть этот центр, из которого исходит всякая мысль?

Мы можем понять, почему мысль создала этот центр,— это «я», личность: безразлично, каким именем его назвать,— если осознаем, что центр существует, что он там, откуда исходит всякая мысль. Мысль стремится к перманентности; видя, что все ее способности выражения преходящи, она создает в качестве центра свое «я». И тогда возникают противоречия.

Чтобы действительно понять это, не только на словесном уровне, необходимо, прежде всего, уничтожить все попытки убежать, отрезать, отсечь, как хирург, все формы бегства. Это требует большой ясности ума, который не делает выбора; нельзя принять приятные формы бегства, равным образом нельзя пытаться избежать тех форм, которые неприятны. Это требует энергии и неослабного наблюдения, потому что мозг настолько привык убежать, что это бегство стало более важным, чем самый факт, от которого он стремится убежать. Лишь тогда, когда происходит полный отказ от всех форм бегства, человек способен встретить лицом к лицу состояние конфликта.

Когда достигнута эта точка, когда человек физически, эмоционально и интеллектуально свел на нет все формы бегства, что тогда происходит? Существует ли еще проблема? Несомненно; проблему создает попытка убежать. Если вы больше не находитесь в состоянии борьбы с вашим соседом, если вы не стремитесь проявить свое «я», если не пытаетесь быть другим, разве конфликт продолжается? Теперь вы способны видеть себя таким, каков вы в действительности. Отпадает суждение и деление на хорошее и плохое. Вы тот, кто вы есть. И действует сам факт: не существует «я», пытающегося воздействовать на факт.

Все это очень интересно, если вы в это погрузитесь. Рассмотрите ревность. Большинство из нас ревнивы, завистливы, либо в острой форме, либо в слабой. Если вы осознаете, как факт, что вы ревнуете, не отрицая и не осуждая, что тогда происходит? Не превращается ли тогда ревность просто в слово? Я надеюсь, что вы следите за мной, так как слова для большинства из нас имеют очень большое значение. Слово «Бог», слово «коммунист», слово «негр» имеют огромное эмоциональное содержание, действующее на нервную систему. Точно так же и слово «ревность» несет на себе добавочное бремя. И вот, если отбросить слово, остается лишь чувство, а не слово. И есть факт. Но для того, чтобы исследовать чувство без этого слова, нужно быть свободным от всякого осуждения и оправдания.

Как-нибудь, когда вы будете испытывать ревность или рассердитесь, или будете получать какое-нибудь удовольствие, попытайтесь отличить слово от чувства; отдайте себе отчет в том, что имеет главное значение: слово или чувство? Тогда вы сделаете открытие, что если рассматривать факт без участия слова, то происходит действие, которое не представляет собой интеллектуального процесса, факт действует сам по себе, и в результате нет ни противоречия, ни конфликта.

Действительно, это производит необыкновенное впечатление — открыть, что есть только мысль и нет мыслящего. Тогда вы узнаете, что можно жить в этом мире без противоречий, так как тогда нам нужно очень малое. Человек с большими потребностями, сексуальными, эмоциональными, психологическими или интеллектуальными, зависит от других людей, и с момента появления зависимости возникают противоречия и конфликты. Когда ум освобождается от состояния конфликта, из этой свободы рождается совсем новое состояние. Слово «мир» в том смысле, как мы его знаем, к этому состоянию не подходит, так как оно имеет много различных значений. Его употребляют все политические деятели и все служители культа. То, о чем я говорю, — это не мир, обещанный нам в раю после смерти; его нельзя найти ни в одной церкви, ни в одной идее, ни в одном культе какого-либо Бога. Такое состояние рождается, когда полностью прекратились все конфликты, существующие внутри нас, когда мы полностью свободны от всех потребностей, даже от потребности в Боге. Есть лишь неизмеримое движение, которое не могло быть нарушено никаким действием.

Вопрос: *Как можно жить в свободе, не нарушив и не отринув желания? Разве тот факт, что видишь желание без осуждения, заставляет его исчезнуть?*

Ответ: Мы считаем, что желание есть источник зла, так как оно вызывает самые разнообразные конфликты и противоречия; внутри нас очень много желаний; они вступают в борьбу между собой, тянут нас в разные стороны, это факт. Мы испытываем желания, и они создают конфликты. Как жить с желанием, жить интенсивно, не уничтожая его? Если поддаться желанию исполнить его, то в самом этом процессе тоже есть страдание, обман. Я не хочу приводить примеры, ибо объяснение с помощью примера искажает понимание тотальности самого желания.

Для начала необходимо очень ясно понять, что всякая форма осуждения желания лишь один из методов уклонения от его понимания. Если этот факт ясно понять, тогда возникает следующий вопрос: как поступить с желанием? Оно здесь, рядом, жгучее. Чтобы избежать ожога, мы до сих пор или осуждали желание или принимали его и наслаждались им; но в самом наслаждении существует боль. Отбрасывание, стремление взять опеку над желанием снова влекут за собою боль. А если начать осуждать, оценивать, причем жгучее желание будет все еще оставаться здесь, — что тогда произойдет? Бывает ли, однако, такое состояние? Ведь в нем «вы» и являетесь желанием; не существует более раздельно «вас» и желания, как двух отличающихся одно от другого явлений.

Не правда ли, мы всегда хотим избавиться от желаний, приносящих боль, и зацепиться за приятные? Я утверждаю, что такой подход в корне неправилен. Я говорю: можете ли вы смотреть на желание, не осуждая его, не произнося вердикта, не делая выбор между разными желаниями? Пробовали ли вы так поступать? Я сомневаюсь в этом.

Понять значение, смысл желаний, жить с ними, понимать их, **смотреть им в лицо**, без какого бы то ни было осуждения — это требует огромного терпения в процессе наблюдения над собой. Не думаю, чтобы вы когда-либо это проделали. Но если вы хотите испытать сказанное, вы увидите, что нет более противоречий, нет конфликтов. Тогда желание приобретает совсем другой смысл. Желание могло быть жизнью.

Вопрос: Что вы хотели сказать в прошлый раз, когда указали, что нужно находиться в состоянии смятения?

Ответ: Прошу вас, не рассматривайте меня как авторитет, это было бы ужасно. Ведь вы сами можете констатировать, что желание не находится в смятении является одной из главных ваших забот. Всегда может оказаться, что психика, мозг, если остановится их непрерывная болтовня, обнаружат большое внутреннее смятение. Вы сами можете видеть, что мозг все время занят: мужем, женой, половым вопросом, национальностью, Богом, заботой обеспечить себя едой и т. д. Пытались ли вы когда-нибудь установить, почему он всегда занят и что случилось бы, если бы он не был занят? Вы оказались бы лицом к лицу с чем-то, о чем вы никогда не думали: это «что-то» может сделаться фактом, повергающим в большое смятение. Этот факт действительно должен смущать, тревожить. Наша непрерывная занятость ума оказывается лишь бегством от устрашающего одиночества, от пустоты. Вам надо встретить это тревожное беспокойство лицом к лицу и вникнуть в него глубоко.

IV

Мы говорили о желании, о конфликтах, которые из него вытекают. Я хотел бы продолжить эту беседу и поговорить о потребностях, о страсти и о любви, потому что эти три понятия тесно связаны. Если мы проникнем глубоко до их истоков, мы, может быть, сможем понять все сложные пути желания.

У нас, безусловно, есть потребности в некоторых внешних, поверхностных вещах: в одежде, крове, пище. Все это существенно необходимо всем. Но помимо этих вещей, есть ли у нас какие-нибудь реальные потребности? Являются ли реальными психологическая потребность пола или, например, стремление стать знаменитым? Являются ли реальными потребностями честолюбие, постоянная жажда стяжания все больших и больших ценностей? Какие у нас имеются потребности психологического характера? Нам кажется, что мы нуждаемся в огромном количестве вещей, а из этой иллюзии возникает страдание зависимости. Но, если мы действительно хотим задать себе этот вопрос и вникнуть в него, то нам придется спросить себя: существует ли как реальный факт хотя бы одна психологическая потребность?

Дело не в том, чтобы их отобрать, рационализировать, отвести вопрос, сказав себе: «А чем я стану, если у меня не будет потребностей? Они мне необходимы». Если мы приступим к

рассмотрению подобным образом, то это окажется равносильным тому, чтобы закрыть все пути для исследования. Вполне очевидно также, что пути будут закрыты, если наше исследование будет чисто словесным, интеллектуальным или эмоциональным. Если у нас нет твердого решения посмотреть в лицо факту, дверь не откроется; но ведь это не требует слишком развитого интеллекта. Для того, чтобы понять весьма сложную проблему, необходим простой и ясный ум; если же у вас имеются разнообразнейшие теории, если вы избегаете посмотреть на вещи такими, каковы они есть, тогда простота и ясность отсутствуют.

Если вы тщательно исследуете факты, отстранив поверхностную реакцию, заставляющую нас говорить: «Что будет со мной, если мне не повезет в жизни?» — то вы убедитесь, что суть дела лежит гораздо глубже: причина всему — это страх не иметь бытия, страх полной изоляции от людей, пустоты одиночества. Оно здесь глубоко запрытанное и скрытое; это ощущение властной тревоги. Мы цепляемся за все, что привязывает нас к чему-нибудь. Вот почему внутри нас существует потребность принадлежать к какому-нибудь культу или обществу, предаваться какой-либо деятельности, зацепиться за то или иное верование; всеми этими способами мы стараемся убежать от реальности, которая рядом, которая запрытана в глубочайших тайниках нас самих. Несомненно, именно этот страх принуждает наш ум, наш мозг, все наше существо отдаться той или иной форме верования или деятельности, которая таким образом становится необходимой потребностью.

Факт состоит в том, что вы являетесь абсолютно ничем, что внутренне человек пуст, как скорлупа, и лишь прикрыт украшениями знаний и опыта, представляющими собой одни слова и объяснения. Но для того, чтобы посмотреть в лицо этому факту и не впасть в отчаяние, не быть подавленным ужасом такого открытия, а жить с ним, прежде всего необходимо понять суть потребности. Если мы поймем скрытое содержание потребности, она уже не будет иметь такой власти над нашим умом и сердцем. Мы возвратимся к этому, но пока давайте продолжим исследование желания.

Все мы, конечно, знаем желание, которое само по себе противоречиво, которое мучает нас, тянет в противоположные стороны; знаем боль, хаос, тревогу желания, знаем дисциплину владения собой. Вступая в непрерывную борьбу с желанием, мы его искажаем, извращаем, делаем его неузнаваемым; но, несмотря ни на что, оно неизменно здесь, на чеку, в ожидании, готовое оказать на нас давление. Делайте что хотите — пытайтесь его преобразить, убежать от него, принимайте его, дайте ему волю — но оно всегда будет здесь. Мы знаем, как религиозные наставники-и другие — учили, что мы должны избавиться от желаний, практиковать отрешение, быть свободным от желаний; но это, в сущности, абсурдно, так как желание должно быть понято, а не уничтожено.

Если вы уничтожите желание, может случиться, что с ним

вместе вы уничтожите и жизнь. Когда вы искажаете желание, дисциплинируете его, подавляете или отвергаете, вы, может быть, одновременно разрушаете нечто удивительно прекрасное. Мы должны понять желание; но очень трудно понять нечто столь жизненное, настойчивое, неотложное, так как именно в процессе осуществления желания возникает страсть с ее радостями и страданиями. Для того, чтобы понять желание, надо, очевидно, исключить всякий выбор. Вы не должны считать его хорошим или плохим, благородным или низким, не должны говорить: «Я сохранию это желание, а то отброшу». Все это должно быть отстранено, если мы хотим открыть истинную сущность желания, его красоту, его уродливость и все остальное.

Я не знаю, знаком ли вам опыт того состояния, когда вы не обсуждаете желание, не определяете, хорошо оно или плохо, но просто осознаете его? Я спрашиваю вас: знаете ли вы, что такое **осознавать** что бы то ни было? Большинство из нас не воспринимает вещи в полноте, ибо мы привыкли осуждать, оценивать, отождествлять, выбирать. Выбор, очевидно, служит препятствием для ясного восприятия, поскольку он является результатом конфликта. Быть бдительным, когдаходишь в комнату, воспринять всю обстановку, ковер или его отсутствие и т. д., просто **видеть**, осознать все это без какого бы то ни было суждения — очень трудно. Пытались ли вы когда-нибудь посмотреть на человека, на цветок, воспринять идею или эмоцию без всякого выбора, без всякого суждения?

Но если поступить подобным образом с желанием, если жить с ним, не говоря себе: «Как поступлю я с этим желанием? Оно столь уродливо, столь необузданно, неистово...» — и при этом не давать ему названия, не облачать его в символ, — разве при этих условиях желание останется поводом для волнения? Разве оно представит собой нечто, что надо отстранить, уничтожить? Мы хотим его уничтожить, потому что одно желание противостоит другому, создавая конфликты, страдания и противоречия; можно видеть, каким образом мы пытаемся ускользнуть от этого вечного конфликта.

Если мы осознаем каждое желание в то мгновение, когда оно появляется, не отождествляя себя с ним и не осуждая его, разве в этом состоянии бдительности останется желание — или это уже станет пламенем, страстью?

Обычно слово «страсть» относят к полу. Но для меня страсть не в сексуальности. Страсть **необходима** так же, как и интенсивность. Для того, чтобы реально жить, с чем бы то ни было, для того, чтобы жить наполненно, смотреть на гору, на дерево, по-настоящему взглянуть на человеческое существо — для этого нужно обладать страстной интенсивностью. Но эта страсть, это пламя скованы, если вы опутаны со всех сторон различными вихрями, требованиями, противоречивыми опасениями. Может ли пламя сохраниться, если его заглушает клуб дыма? Наша жизнь — это дым. Мы ждем пламя, но мешаем ему вспыхнуть

благодаря тому, что постоянно отбрасываем, усмиряем, коверкаем то, что называется желанием.

Без страсти нет красоты. Я не говорю о красоте картин, сооружений, подкрашенных женщин или всех тех вещей, в которых есть своя форма красоты. Мы не говорим о поверхностной красоте, которая была создана человеком: собор, храм, картина, поэма или скульптура. Но существует красота, которая находится за пределами чувства и мысли и которая не может быть воспринята, понята, постигнута без страсти. Итак, не придавайте превратный смысл слову «страсть», в нем нет ничего дурного. Страсть не предмет, который можно купить на базаре или о котором можно говорить в духе романтики. У нее нет ничего общего с эмоцией, чувством; она не облачается в респектабельность; это — пламя, которое уничтожает все фальшивое. А мы всегда так боимся позволить этому пламени поглотить то, что нам дорого, то, что мы считаем значительным.

В сущности, жизнь, которую мы сейчас ведем, жизнь, построенная на потребностях, желаниях и различных способах подчинить желание, приводит к состоянию пустоты, опустошения, большему, чем когда-либо раньше. Мы можем быть очень искусными, весьма учеными, способными повторять то, чему нас учили, но ведь то же самое делают электронные машины; а в некоторых областях машины уже превзошли человека, они более точны и быстрее производят вычисления. Мы постоянно приходим к одному и тому же. Но если жизнь, которую мы ведем, так поверхностна, так узка и ограничена, то это потому, что в самой сокровенной нашей глубине мы пусты и одиноки — и все время стараемся скрыть это от себя, наполнить эту пустоту; поэтому потребность, желание становится для нас страшной вещью.

Ничто не в состоянии заполнить эту глубокую внутреннюю пустоту, ни Бог, ни знание, ни спаситель, ни человеческие отношения, ни ребенок, ни муж, ни жена — ничто. Но если ум, мозг, все наше существо сможет **смотреть** на эту пустоту, жить с ней, тогда вы увидите, что психологически, внутренне не существует ничего такого, что мы называем потребностью. В этом и состоит настоящая свобода, но она требует пронизательного ума, глубокого исследования, непрерывной бдительности. Этим путем, может быть, и узнаем, что такое любовь.

Разве любовь может сосуществовать с привязанностью, ревностью, завистью и всеми фальшивыми подобиями, сопровождающими это слово? Но если мы могли пройти через эту пустоту, которая есть реальность, а не миф, не идея, то мы неизбежно удостоверимся, что любовь, желание и страсть — одно и то же. Разрушая одно, вы разрушаете и другое, калеча одно из них, вы калечите красоту. Чтобы постичь это до глубины, нужно обладать умом, который ищет, который никогда не удовлетворен, который всегда изучает себя и приходит к самопознанию. Без любви вы никогда не сможете открыть, что есть Истина.

Вопрос: Как выяснить, какая из наших проблем главная?

Ответ: Зачем подразделять проблемы на важные и второстепенные? Разве не все они суть проблемы? Почему рассматривать их как большие и малые, как более и менее значительные? Если мы способны понять **одну-единственную** проблему, очень глубоко ее исследовать, как бы она ни была велика или мала, мы увидели бы суть **всех проблем**; ответ этот — не риторический. Возьмем любую проблему: гнев, ревность, зависть, ненависть — мы их хорошо знаем. Если вы постигнете гнев, вы не отстраните его как малозначительное явление, каким станет тогда его содержание? Почему появляется гнев? Потому что вы чувствуете себя обиженным: кто-то сказал неприятное. Если же нам льстят, мы чувствуем себя довольными. Почему же мы обижены? Потому что мы считаем себя значительными, не так ли? А почему мы считаем себя значительными? Потому что у нас есть представление о себе в соответствии с тем, чем мы должны были бы быть, а не с тем, что мы есть в действительности. Но почему создается такое представление о себе? Потому что человек никогда не изучал себя, не знает, что он представляет собой на самом деле. Мы думаем, что должны стать тем или иным, идеалом, героем, образцом. Когда нападают на наш идеал, на то представление, которое мы имеем о себе, тогда возникает гнев. Между тем, мы составляем о себе представление с целью убежать от того, что мы есть в действительности. Но если вы постигли факт, который есть вы сами, тогда никто не может вас обидеть. В этом случае, если вы — лжец, и вам это скажут, вы не будете обижены, поскольку это факт. Но если вы имеете притязание не быть лжецом, а вас им назовут, тогда в вас вспыхивает гнев, и вы становитесь резким. Итак, мы все время живем в мире воображения, мифов, а не в мире реальности. Для того, чтобы постигнуть то, что **есть**, чтобы видеть его и освоиться с ним, не нужно ни суждений, ни оценок, ни мнения, ни боязни.

Вопрос: Можно ли освободиться с помощью религиозных обрядов?

Ответ: Конечно, нет. Видите ли, две тысячи или пять тысяч лет обучения, внушающего нам веру в определенные понятия, — это не религия, а пропаганда. В течение веков вам говорили, что вы французы, англичане, католики, буддисты или мусульмане, и вы без конца повторяете эти слова. Вы думаете, что ум, подвергавшийся влияниям, ставший рабом пропаганды, церемоний и пышных обрядов религии, — что такой ум свободен. Разве возможно освобождение, если вы находитесь в цепях этих условностей?

Вопрос: Вы сказали, что нельзя найти Бога, веря в Него, но нельзя ли найти Его через откровение?

Ответ: Почему вы хотите познать вещи через откровение, когда вы не знаете самих себя? Ваше собственное «я» было показано вам сегодня вечером как откровение, а именно: ваши методы мыслить, действовать, ваши побудительные причины, стремления, импульсы, непрекращающаяся борьба внутри себя.

Это было вам открыто, но вы сами ничего по этому поводу не знаете. Вы знаете только ваши теории, ваши видения. Но если вы не знаете того, что рядом с вами, как можете вы понять то, что беспредельно? Всегда лучше начинать с того, что близко, т. е. с самого себя. А когда все заблуждения, все иллюзии устранены, вы через самих себя сознаете реальное; вам уже не нужно верить в Бога, у вас не будет потребности в доктрине, так как высочайшее, которому нет имени, находится здесь.

Вопрос: Почему мы испытываем страх, когда осознаем нашу собственную природу?

Ответ: Страх рождается только при попытке убежать от того, что есть, при стремлении его отстранить, избежать. Но когда встречаешь факт лицом к лицу, разве страх еще существует? Бегство, желание отстранить то, что есть, — вот что порождает страх. Страх есть процесс мысли, а мысль имеет временное бытие. Если вы не поняли всей совокупности процесса мысли и времени, вы не сможете понять и страх. Смотреть факту в лицо, не уклоняясь от него, — означает положить конец страху.

Вопрос: Вы сказали, что наши основные потребности — это пища, одежда, кров, но — половое желание относится к миру психологических желаний. Можете ли дать разъяснения по этому вопросу?

Ответ: Вот, я думаю, вопрос, на который все ждут ответа! В чем заключается сексуальная проблема? Касается ли она самого акта, или связана с приятными образами, мыслями, воспоминаниями, которые его окружают? Но разве воспоминания, образы, возбуждение, потребности совместимы с любовью, если можно употреблять это слово, не унижая его? Я считаю, что необходимо понять физический, биологический факт. Но это одна сторона вопроса. Нечто же совсем другое — это склонность к романтике, возбуждение, чувство, что ты отдал себя другому, отождествление себя с другим, длительность ощущения, удовлетворение, возникающее в процессе этих взаимоотношений. Когда мы действительно поглощены желанием, потребностью, какова тогда роль пола? Является ли он психологической потребностью одновременно с биологической? Нужна большая ясность и острота ума, большая бдительность мозга, чтобы провести грань между физической и психологической потребностью. Пол включает в себя очень многое: помимо акта, это желание забыться в другом, в длительности взаимоотношений; это дети, стремление к бессмертию через детей, жену, мужа, стремление отдать себя целиком другому со всеми проблемами — ревности, привязанности, со всеми проистекающими из них страданиями. Но разве все это любовь? Если мы не понимаем, что такое потребность, во всей ее глубине, до последних тайников нашего сознания, тогда пол, любовь, желание будут производить в нашей жизни опустошения.

Вопрос: Может ли освобождение быть достигнуто всеми?

Ответ: Безусловно. Оно не предназначено для небольшой группы. Освобождение не есть форма снобизма, оно здесь для

всех, кто хочет его достигнуть. Оно здесь, со всей красотой и силой, которые непрерывно растут, по мере того, как научаешься глубже познавать себя. Любой человек может приступить к изучению себя, наблюдая за собой, как в зеркале. Зеркало не лжет, оно точно показывает вам ваше лицо. Таким же образом можно наблюдать за собой без искажений. Тогда вы начинаете познавать самого себя. Познавать себя — это необычайная вещь.

Путь к реальности, к этой неведомой неизмеримости лежит не через порог церкви, не через книги, но через дверь, ведущую к познанию самого себя.

У

Мне кажется, всем нам следует проделать опыт, о котором я сейчас буду говорить. Большинство из нас относится к опыту легкомысленно. На любой стимул мы отвечаем вяло, инертно, мы раздумываем и боимся последствий, которые могли бы произойти. Мы никогда не даем исчерпывающий ответ всем нашим существом ни на один стимул. Поэтому, когда появляется какой-либо вызов, мы никогда не находимся в состоянии полного внимания; вследствие этого наши реакции, ответы носят ограниченный характер, они никогда не бывают свободными и полными. Вы, вероятно, это замечали. Но я считаю очень важным тщательно рассмотреть этот вопрос, так как в течение дня мы встречаемся с разнообразными переживаниями и через нас проходит множество влияний, каждое из которых оставляет свой след. Слово, жест, случайная мысль, схваченная на лету фраза, беглый взгляд — все это оставляет свой отпечаток; но мы ничему не уделяем полного внимания. Чтобы до конца исчерпать то или иное переживание, необходимо полное внимание. Мы говорили раньше, что внимание и сосредоточенность — разные вещи. Концентрация — это процесс исключения, ограничения, урезывания, тогда как внимание охватывает все.

Итак, для того, чтобы открыть причину страха, о котором я буду сейчас с вами беседовать, для того, чтобы глубоко изучить страх, вам нужно неослабное внимание. Вы не можете ограничиться выслушиванием отдельных фраз и затем, утратив интерес к дальнейшему возвратиться к обычным мыслям, к личным проблемам. Вам необходимо во всех деталях и совершенно реально рассмотреть проблему страха до конца. Быть по-настоящему серьезным — это означает способность дойти при рассмотрении любого вопроса до конца, каковы бы ни были последствия, к каким бы результатам это ни привело. Я хочу говорить о страхе, ибо страх искажает все наши чувства, наши мысли, наши отношения с другими. Это он побуждает нас стать последователями так называемого спиритуализма, это он подталкивает нас принять различные интеллектуальные решения, предлагаемые людьми, это он заставляет нас делать странные и непонятные вещи. Я задаю вопрос: случалось ли вам когда-нибудь пережить страх на опыте, во всей его реальности, а не

только чувство страха, предшествующее угрожающему событию или следующее за ним? Существует ли страх как таковой? Или он возникает, когда появляется мысль о завтрашнем или вчерашнем дне, о том, что уже произошло или может произойти? Существует ли страх в активном, живом настоящем? Когда вы встречаетесь лицом к лицу с тем, что, как вы говорите, внушает вам страх, испытываете ли вы страх в этот самый момент? Этот вопрос для меня очень важен. Так как, если ум не будет полностью до конца свободен от всякой формы страха — страха смерти, общественного мнения, разлуки, возможности не быть любимым — есть много разновидностей страха, — если сознание в целом не освободилось от страха, тогда невозможно идти дальше. Можно, находясь в тревожном состоянии, заниматься мелочами в узких пределах собственного мозга, но, если хочешь проникнуть глубоко внутрь себя и увидеть, что находится там и что находится за его пределами, — для этого необходимо, чтобы отсутствовал страх, чтобы не было страха смерти, страха бедности или опасения ничего не достичь в жизни.

По самой своей природе страх неизбежно противится всяким исследованиям, и пока ум и все наше существо не освобождены от страха, не только от его сознательных форм, но и от тех, которые глубоко скрыты, утаены, так что их трудно осознать, — до тех пор нет никакой возможности открыть истину, открыть то, что существует как факт, открыть, существует ли это понимание беспредельного, величайшего, о чем человек говорит из века в век, представляет ли оно собой реальность.

Хочу уточнить, что я не передаю материал, выученный наизусть. Я не размышлял об этом вопросе заранее, и я не собираюсь сейчас повторять то, что заранее обдумал; это было бы очень скучно и для вас, и для меня. Я тоже ищу. Все должно обладать новизной в каждый данный момент. Я надеюсь, что мы совместно предпримем исследовательский поиск, и что вы не будете поглощены единственно вашей собственной формой страха, будь то страх темноты, врага, ада, болезни, Бога, того, что скажут ваши родители, ваша жена, ваш муж; будь то любая из десятков форм страха, существующих у людей. Наше исследование касается природы страха, а не какого-нибудь конкретного его выражения.

Если вы вникнете в вопрос, то убедитесь, что страх возникает только тогда, когда мысль фиксируется на вчерашнем или завтрашнем дне, на прошлом или будущем. В активном состоянии, в настоящем, страха нет. Страх всегда налицо в прошлом и будущем, он не существует в настоящем; это удивительное явление надо открыть самому. В текущем моменте, в активном настоящем нет страха в какой-либо форме. Следовательно, мысль является источником страха, мысль, которая озабочена вчерашним и завтрашним. Полное внимание относится к активному настоящему. Думать о том, что произошло вчера или произойдет завтра, — это означает не быть внимательным, а отсутствие полного внимания порождает страх, не так ли? Если

я отдаю все свое внимание какому-то вопросу, ничего не удерживая и не отбрасывая, не оценивая и не осуждая, в этом состоянии внимания страх не существует. Но как только возникает состояние невнимания, то есть как только я, например, скажу: «А что произойдет завтра?», или как только я задумаюсь над тем, что было вчера,— результатом этого невнимания явится страх.

Внимание есть активное переживание настоящего. Страх — это мысль, обусловленная временем. Если вы находитесь лицом к лицу с чем-то актуальным, реальным, и если возникает опасность,— в этот момент мысль отсутствует, вы действуете, и это действие может быть положительным или отрицательным. Итак, мысль — это время, не то время, которое показывают часы, а психологическое время мысли. Время порождает страх, время как расстояние оттуда досюда, время как процесс, в течение которого вы становитесь тем или иным; время, созданное тем, что я сделал или сказал вчера, но что хотел бы скрыть от людей; время, содержащее в себе, например, вопрос: «Что случится завтра? Что будет со мной, когда я умру?». Следовательно мысль — это время. А разве существует время, разве существует мысль в активном настоящем? Мы видим, что страх существует лишь тогда, когда мысль убегает вперед или назад, не так ли? Мы видим, что мысль — результат времени, времени, которое связано с фактом осуществления или крушения надежд, успеха или неудачи в стремлении чего-то достигнуть. Мы не говорим о времени в хронологическом смысле. Вполне очевидно, что если мы не пожелаем с ним считаться, тогда мы потеряем равновесие и устойчивость. Мы говорим о времени как мысли. Если этот вопрос ясен, тогда можно перейти к рассмотрению вопроса, что такое мысль и в чем состоит процесс мышления. Я надеюсь, что вы не просто слушаете слова, но что вы действительно слушаете, действительно осознаете, к чему призывает вас то, о чем я говорю, и что вы сами отвечаете на этот призыв. Я спрашиваю: «Что есть мысль?» Если вам незнаком процесс мышления, если вы не постарались очень глубоко его изучить, вы не сможете ответить на этот вопрос, ваш ответ будет неадекватным. А если ваш ответ неадекватен, тогда произойдет конфликт; пытаюсь убежать от этого конфликта, вы упустите из поля внимания факт — тот факт, что вы не знаете. Как только вы отдадите себе отчет в том, что вы не знаете ответа, что вы не знаете вообще, возникает страх. Мне хотелось бы знать, следите ли вы за моей мыслью? Итак, что такое мысль? Это, очевидно, реакция на действие, происходящее между вызовом и ответом, не так ли? Я задаю вам вопрос. До того, как вы ответите, проходит некоторое время, в течение этого времени действует мысль, которая ищет ответ. Очень просто выслушать это объяснение, но самим исследовать процесс мышления, изучить, как мозг реагирует на раздражение и понять суть процесса, посредством которого вырабатывается ответ, все это требует внимания, не так ли? Прошу вас, подумайте над вашим ответом на вопрос: «Что такое мысль?»

Что происходит в вашем уме? Вы не можете ответить на поставленный вопрос. Вы никогда не пытались на него ответить. Вы ждете от вашей памяти ответ. И за этот срок, за промежуток времени, отделяющий вопрос от ответа, протекает процесс мысли. Разве это не так? Если я задам вам знакомый вопрос, например: «Как ваше имя», вы ответите немедленно: вы хорошо знаете ответ, так как много раз на него отвечали. Но если вопросы будут несколько сложнее, пройдет несколько секунд, за время которых мозг приведен в движение и роется в памяти, чтобы найти ответ. Если задать очень сложный вопрос, промежуток времени увеличивается, но процесс остается тем же: порывшись в памяти, отыскать правильные слова и потом дать ответ. Прошу вас, проследите за этим медленно: ведь действительно, очень любопытно и интересно наблюдать за происходящим процессом. Все это является частью осознания себя.

Можно задать такой вопрос: «Каково расстояние отсюда до Нью-Йорка?» Порывшись в памяти, вы вынуждены сказать: «Я не знаю, но могу это выяснить». Это требует еще большего времени. А можно задать вопрос, на который вы должны ответить: «Я не знаю, как на это ответить», но в то же время вы ждете ответа, вы ждете, чтобы вам его сказали. Итак, мы имеем привычный вопрос и немедленный ответ; более сложный вопрос и ответ с некоторым запозданием; вопрос, касающийся чего-то, в чем мы не уверены, но о чем можем справиться, и это требует дополнительного времени, и, наконец, вопрос о том, чего мы совершенно не знаем, думая при этом, что если мы подождем, то ответ будет нам дан.

Зададим теперь вопрос: «Существует ли Бог?». Вы не можете найти ответ на это в своей памяти, не так ли? Даже если вы верующий, даже если вам говорили то или иное на эту тему, вам придется отбросить все подобные нелепости. Поиски в своей памяти вам не помогут; бесполезно ждать и ответа извне, так как никто ничего не может вам сказать, и ничего не принесет вам промежуток времени. В активном настоящем остается лишь факт, полная уверенность, что вы не знаете. Это состояние познания есть абсолютное внимание, не так ли? Всякая другая форма знания или познания происходит из времени и мысли и является лишь невниманием. Учитесь ли вы чему-нибудь, слушая все это?

Предпосылкой всякого учения является незнание. Учитесь — это не значит добавлять знания, не значит накапливать. В процессе накопления мы лишь добавляем нечто к знанию, и это есть статистический процесс, тогда как учиться — это живое движение, непрерывное изменение.

Итак, что случается, когда вы узнаете что-то о страхе? Вы идете за страхом, не правда ли? Вы преследуете страх, а не он вас. И тогда вы замечаете, что, с одной стороны, нет вас, а с другой — нет страха. Такое разделение не существует. Внимание — вот то активное настоящее, в котором ум гово-

рит: «Я не знаю, я абсолютно ничего не знаю». В этом состоянии нет страха. Но страх оказывается **налицо**, если вы скажете: «Я не знаю, но надеюсь узнать». Я думаю, что этот кардинальный вопрос нужно понять. Рассмотрим же его с разных сторон.

По сути дела, страх возникает, когда вы гонитесь за безопасностью, внешней или внутренней, когда вы жаждете прочного, длительного, неизменного состояния в ваших отношениях с другими, во владении благами мира сего, в уверенности, которую дает знание, в эмоциональном опыте. А в итоге мы говорим, что существует Бог, что Он абсолютно извечен, перманентен, что в Нем мы можем найти мир, безопасность, которые никогда не могут быть нарушены. Каждый ищет безопасности в той или иной форме. Вы знаете, как люди играют всем этим, как они ищут безопасности в любви, в достатке, в добродетели, в клятве быть добрым, целомудренным. Мы знаем все ужасы, заключенные в тайных и открытых поисках безопасности. И все это страх. Ибо, в сущности, вы никогда не могли установить, что безопасность действительно существует. Вы не знаете. Я применяю эти слова в их абсолютном и полном значении: это факт, что вы не знаете. Вы не знаете, существует ли Бог, вы не знаете, будет ли еще война, вы не знаете, что будет завтра, вы не знаете, существует ли что-нибудь перманентное во внутренней области. Вы не знаете, что произойдет с вашими родными, с женой, с детьми. Вы не знаете; но вы должны вскрыть этот факт незнания, открыть его самостоятельно. Такое состояние незнания, полной неуверенности не есть страх. Это состояние полного внимания, при котором вы можете делать открытия.

Итак, становится очевидным, что совокупность сознания, включающего в себя не только поверхностное, ясное сознание, но и то, что запрятано в самых глубоких тайниках расовой памяти, все его движущие силы, что все это, являясь мыслью, составляет основу страха. Хотя сознание может вмещать в себя разные виды удовольствия, страдания, развлечения, радости и т. д., но вы видите, что оно есть результат времени. Сознание есть время, оно представляет собой итог многочисленных дней, месяцев, лет и веков. Ваше сознание себя как француза потребовало длительной пропаганды, продолжавшейся в течение многих поколений. Тот факт, что вы — христианин, католик или что-либо иное, потребовал двух тысячелетий пропаганды, на протяжении которых вас заставляли думать, верить, действовать по определенному образцу, именуемому христианским. Вот почему вам кажется странным не иметь веры, быть ничем. Итак, совокупность сознания — это страх. Таков факт; соглашаться или не соглашаться с фактом не имеет смысла.

Что же происходит, когда вы встречаетесь с фактом лицом к лицу? Вы или уже имеете свои суждения о факте, или вы его оцениваете. Это означает, что вы его не понимаете; тогда

возникает время, ибо ваше мнение принадлежит времени, оно вчерашнее, оно связано с тем, что вы узнали раньше. Реальное видение — это активное настоящее, и в этом видении страх не существует. Я не пытаюсь внушить вам, что страх не существует. То, что страх существует, есть реальный факт; а опыт познания реального факта освобождает от страха всю совокупность сознания. Надеюсь, что вы не слишком устали и можете познать на опыте то, что я вам говорю, так как вы не в силах унести мои слова и дома над ними медитировать; тогда они утратили бы всякую ценность, ценность, состоящую в том, чтобы встретиться лицом к лицу то, о чем я говорю, и вникнуть в это. Вы увидите, что весь механизм вашей мысли, с его знаниями, тонкостями, запрещениями и отказами, что все это — есть мысль и реальная причина страха. Вы увидите также, что при полном внимании мысль исчезает; остается только лишь восприятие, видение.

Вниманию сопутствует полная неподвижность ума, ибо оно не включает в себя отбрасывание. Когда мозг достигает абсолютной тишины и не является сонным, но активным, чувствительным, живым, тогда в этом состоянии внимательной неподвижности страх не существует. Тогда возникает движение, по своему качеству не принадлежащее ни к мысли, ни к ощущению, ни к эмоции, ни к чувству. Это не призрак и не галлюцинация; это особый вид движения, абсолютно отличный от известного нам. Такой вид движения ведет к тому, что не имеет имени, к неизмеримому, к истине.

К несчастью, вы не слушаете, вы не доводите переживание до конца, в связи со сказанным, потому что вы реально в него не проникли, потому что вы не довели свое исследование до этой точки. Поэтому через короткое время страх снова овладевает вами. Следовательно, вы должны вникнуть в страх; по мере того, как вы будете вникать в него все глубже и глубже, он будет рассеиваться. Когда вы построите фундамент для проявления реального, вы никогда более не будете его разыскивать, так как поиски реального основаны на страхе.

Вопрос: Почему дети испытывают страх?

Ответ: Не правильнее было бы задать вопрос таким образом: почему испытываете страх **вы**? Причина страха детей вполне очевидна. Они окружены обществом, основанным на страхе. Родители испытывают страх, а ребенок больше всего нуждается в безопасности. Когда ее нет, в нем возникает страх. Видите ли, вы не смотрите в лицо тому факту, что вы сами испытываете страх.

Вопрос: Возможно ли всегда находиться в этом состоянии полного внимания, исключающего страх?

Ответ: В состоянии полного внимания нет процессов исключения; оно не есть процесс противодействия. Мы рассматривали проблему страха и увидели, что страх **не существует**, если **вы внимательны**; здесь отсутствует исключаящий процесс мышления. Вы еще пользуетесь мыслью, но нет процесса

исключения. **Я внимателен**; в этот момент я здесь **целиком**. Но я применяю слова, чтобы общаться с вами. Они не являются средством для того, чтобы полностью осознать реальный факт.

Теперь возникает вопрос, можно ли сохранить состояние полного внимания? Употребляя слово «сохранить», вы включаете время, и, следовательно, вы уже разрушили ваше внимание. Если внимание нарушается, не вмешивайтесь, дайте ему снова возникнуть. Не говорите: «Я должен его сохранить», ибо это вовлекает усилие, время, мысль, и все это повторяется сначала.

Вопрос: Всегда ли память связана со знанием, и не является ли безмолвие памятью другого рода?

Ответ: Весь процесс знания, накопления опыта имеет результатом память, которая есть время. Нам известен механический процесс памяти. Каждый непонятный опыт, опыт, не доведенный до конца, оставляет свой след, который мы называем памятью. Не является ли это безмолвие памятью другого качества? Безмолвие не имеет никакого отношения к памяти. Память включает в себя непрерывность: прошлое, настоящее и будущее. В безмолвии непрерывности нет, и очень важно понять этот пункт. Можно произвести нажим на мозг, дисциплинировать его, чтобы сделать безмолвным; и этот процесс дисциплинирования представляет собой непрерывность. Но безмолвие, рождающееся из дисциплины, из памяти — это ни в коей мере не есть настоящее безмолвие. Мы говорим о безмолвии, которое приходит без приглашения, и только тогда, когда не существует **никакой формы** или разновидности страха, явного или тайного. Когда приходит такое безмолвие, абсолютно необходимое и не имеющее ничего общего с памятью, тогда возникает особый вид движения совершенно иного характера.

VI

Я хочу провести беседу на тему, которую считаю очень важной: о переменах и изменениях.

Что мы понимаем под изменением? На каком уровне, до какой глубины происходит изменение? Вполне очевидно, что изменение необходимо. Не только индивид, но и коллектив меняется. Я не думаю, что существует какая-либо коллективная мысль, за исключением наследственных расовых инстинктов и знаний, накопленных в подсознании, но коллективные действия, очевидно, необходимы. Однако для того, чтобы эти коллективные действия были целостными и не шли вразнобой, индивид в своих взаимоотношениях с коллективом должен меняться. Изменение индивидуальное приведет к изменению коллектива, несмотря на то, что некоторые политические группы пытаются разделить их и заставить индивида, т. е. отдельного человека, подчиняться так называемому коллективу.

Если бы мне удалось вместе с вами выяснить всю эту проблему изменений, понять, каким образом можно вызвать

изменение в отдельном индивиду и что содержит в себе это изменение, тогда, быть может, в процессе слушания, участия в исследовании в вас самих могло бы произойти изменение без вмешательства вашей воли. Для меня нарочитое изменение, изменение, полученное путем принуждения, дисциплины, подчинения — не есть изменение. И хотя интеллектуально вы можете легко с этим согласиться, уверяю вас, что доискиваться реальной природы изменений без прямой побудительной причины — совсем необычная вещь.

У большинства из нас навыки укоренились настолько глубоко, многие настолько привыкли к определенным идеям, настолько стали как бы узниками известных физических привычек, что кажется почти невозможным от всего этого освободиться.

Мы приобрели определенную манеру есть, приспособились к определенной пище, привыкли одеваться тем или иным способом, нам присущи физические, интеллектуальные и эмоциональные навыки и т. д.

Добиться радикального, глубокого изменения во всем комплексе этих вещей, без принуждения извне, крайне трудно. Изменения, о которых мы знаем, очень поверхностны. Слово, жест, идея, изображение могут заставить нас порвать со старой привычкой и примениться к новому образцу. И тогда мы думаем, что изменились. Отойти от одной церкви и примкнуть к другой, назвать себя не французом, а европейцем или космополитом — все эти изменения весьма поверхностны, это лишь обмен ценностей. Изменить способ жизни, уехать в кругосветное путешествие, сменить идеи, отношение к вещам, их оценки — весь этот процесс представляется мне крайне поверхностным, так как он обычно является результатом принуждения, внешнего или внутреннего. Итак, совершенно ясно, что изменение, вызванное внешним влиянием, страхом или желанием чего-то добиться, не является радикальным изменением. А нам нужно пройти через **полное** изменение, через великую перемену. Нужна не смена идей, формул, но разрушение, полное уничтожение всех образцов, всех формул. Мы видим, что исторически всякая революция, как бы радикальна или многообещающа она ни была в начале, неукоснительно приводит к повторению старых образцов, что всякое изменение, полученное принудительным путем, через страх или ожидание награды, выгоды — такое изменение есть лишь приспособление. Но изменение должно произойти, ибо вы не можете продолжать жить с этими мелочными, узкими, ограниченными понятиями, с этими верованиями и догмами. Они должны быть разрушены, развеяны. И каким образом они будут разрушены? Каковы процессы, которые смогут полностью уничтожить образование — образование привычек? Возможно ли полностью отказаться от образцов и формул? Не порывать с одной привычкой лишь для того, чтобы приобрести другую?

Если вы поняли все, что я сказал, мы можем перейти к исследованию, существует ли такое состояние ума или мозга,

свежее, молодое, новое, не создающее навыков мысли, не цепляющееся за верования или догмы. Для меня это означает, что мы должны исследовать всю структуру нашего сознания, в котором мы живем, сознания, взятого в целом. Сознание внешнее и сознание внутреннее, глубоко запрятанное, действует как бы в рамке, и разбить эту рамку — вот проблема, стоящая перед нами. Речь идет не об изменении образа мыслей. Ибо вы можете начать думать по-другому или принять новую веру, но все это продолжает находиться в рамках сознания, мысли, а мысль всегда ограничена. Изменить образ мысли не означает разрушить ограничения сознания.

Может быть, вам удастся поверхностно, сознательно стереть что-нибудь, что находится наверху, но выгresti самые глубокие тайники сердца и ума, вычистить спрятанное, подсознательное кажется почти неосуществимым, не так ли? Ибо вы не знаете, что там находится: поверхностный ум не может проникнуть в темные склады памяти. Но эта работа должна быть сделана.

Надеюсь, вы следите за мной не только словесно или интеллектуально, иначе это было бы просто неразумной игрой, все равно, что забавляться с пеплом. Но если вы следуете за мной по-настоящему, не за оратором, но за опытом, в котором вы сами принимаете участие, — тогда, я думаю, это будет иметь большую ценность. Итак, как же проникнуть в подсознательное, в скрытые уголки вашего собственного сердца, вашего мозга? Психологи и психоаналитики пытаются вернуть вас к вашему детству, со всем, что оно в себя включает, но подобный процесс ни в коей мере не разрешает кардинальный вопрос, ибо появляется посредник, кто-то, производящий оценку, и вы снова только приспосабливаетесь к образцу. Мы говорим о полном разрушении всякого образца, так как этот образец есть опыт тысячелетий, навязанный мозгу благодаря повторениям, ибо мозг необычайно восприимчив и приспособляем. Итак, каким образом можно уничтожить образец? Прежде всего, нам необходимо удостовериться в том, что процесс анализа, приведенный в действие психологом или психоаналитиком, или вами самими, не имеет цены, поскольку нас интересует полное изменение, радикальная перемена. Он может иметь некоторую ценность для того, чтобы помочь душевно больному приспособиться к нашему нездоровому обществу, но мы говорим о другом. Прежде чем идти дальше, мы должны быть уверены, что психоанализ не может привести к полной революции в сознании. Что представляет собою психоанализ? Проводится ли он посторонним лицом или вами самими, он при всех обстоятельствах обусловлен наличием наблюдателя и наблюдаемого. Налицо наблюдатель, критикующий, осуждающий, оценивающий то, что он наблюдает, в соответствии с мерилom, известным ему заранее. Следовательно, есть конфликт; а если наблюдающий не вполне точен, если он составит себе искаженное представление о фактах, то это искажение будет передаваться все

далее и далее, а непонимание будет становиться все более глубоким. Таким образом, ошибке нет предела, если прибегать к анализу, в этом вы должны быть совершенно убеждены; убеждены в том смысле, чтобы видеть, что анализ есть неверный способ для освобождения сознания.

Не зная, какой путь правилен, мы все же можем отказаться от явно неправильного пути. В этот момент ум находится в состоянии отрицания. Я хотел бы знать, переживали ли вы когда-нибудь мысль в отрицании? Как правило, мысль обычно имеет характер утверждения, что однако включает в себя и некоторую форму отрицания. Наша мысль зиждется на страхе, выгоде, награде и авторитете; мы думаем по готовым формулам; в силу этого наша мысль имеет характер утверждения, в котором содержатся свои собственные отрицания. Но мы говорим об отрицании ложного **без какого бы то ни было представления** об истинном. Можно ли сказать: «Я знаю, что анализ — ложный путь, он не разрушает ограничения сознания и не вызывает перемены, следовательно, я не буду им заниматься». Или «Я знаю, что национализм — это яд, будь то национализм Франции, России или Индии; я его отбрасываю. Я не знаю, что необходимо поставить на его место, но вижу, что национализм — ложный путь». Для того, чтобы видеть, что боги, спасители, обряды, выдуманные человеком, сколько бы им ни было лет — десять тысяч или две тысячи — для того, чтобы видеть, что они не имеют никакой ценности, чтобы их отбросить полностью, для этого необходима психика и мозг, которые видят вполне ясно и не испытывают при своем отказе страха. Тогда, отбросив ложное, не начинаете ли вы видеть то, что истинно? Для того, чтобы видеть истинное, необходим сначала отказ, отрицание ложного.

Если мы хотим открыть, что такое истинная красота, мы должны отвергнуть всю красоту, созданную человеком. Для того, чтобы познать на опыте сущность красоты, нужно разрушить все, что создано человеком, как бы чудесно оно ни было,— это не красота. Если мы жаждем открыть, что такое добродетель,— вещь сама по себе необычная,— нужно полностью освободиться от социальной морали, респектабельности со всеми ее абсурдными табу, устанавливающими, что вы должны делать и чего не должны. Когда вы видите и отвергаете то, что ложно, не зная заранее того, что истинно, тогда наступает реальное состояние отрицания. Открыть то, что есть истина, может лишь ум, мозг, абсолютно свободный от должного.

Итак, мы согласны с тем, что аналитический процесс не разрушает всю структуру функционирования сознания, и поэтому мы отбрасываем этот процесс. Теперь зададим себе вопрос, какие еще ложные представления должны быть отброшены? Я надеюсь, что вы следите за ходом моих мыслей. Прежде всего должно быть отброшено желание перемены. Почему возникает желание перемены? Вы никогда не стремитесь к перемене, если имеющиеся условия вам подходят, вас

удовлетворяют. Вы не желаете революции, если у вас есть миллион долларов, если вы обеспечены, если вы капиталист, живущий в полном достатке со своей женой, мужем, ребенком. Тогда вы говорите: «Ради Бога, пусть все останется на старом месте!» Но вы стремитесь к перемене, если вы не устроены, недовольны, если вам не хватает денег или нужен новый дом. Следовательно, если вы подвергнете глубокому исследованию свое желание перемен, то увидите, что оно имеет целью добиться более комфортабельной, обеспеченной жизни. На этом зиждется желание перемены; она должна вам дать новую форму комфорта, безопасности. Теперь, если вы видите ложность этого процесса,— а вы должны ее видеть, если хотите открыть, что же есть истина,— разве вы будете продолжать стремиться к перемене? Существует ли еще какая-нибудь форма ложных представлений?

Если хорошо все разобрать, то вы находитесь здесь с желанием что-то открыть, не так ли? Чего вы ждете и почему? Если вы глубоко над этим задумаетесь, вы откроете, что вещи, как они есть, вас не удовлетворяют; вы хотите чего-то нового. При этом новое должно быть приятным, успокаивающим, устойчивым. Так называемые религиозные люди ищут Бога. По крайней мере они так говорят. Но самый факт искания основан на предпосылке: вы можете искать то, что знаете, что потеряли и хотите обрести снова. Как же вы можете искать Бога? Вы ничего не знаете о Боге; поэтому для того, чтобы открыть, что такое Бог, надо прежде всего отбросить, отстранить все формы пропаганды, все трюки, к которым прибегали церковь и другие организации; ибо вы ничего не знаете, кроме пропаганды, а церковь в одинаковой степени применяет пропаганду.

Для того, чтобы в сознании произошла полная перемена, вы, следовательно, должны отбросить всякий анализ, все поиски, освободиться от всякого влияния, что крайне трудно.

Полное отречение происходит лишь в том случае, если вы отрекаетесь от чего-нибудь, не зная, что из этого получится. Это состояние отрицания абсолютно необходимо. Очень вас прошу, следите за мной чрезвычайно внимательно, ибо, если вы дошли до этого момента, то обнаружите, что в состоянии отрицания вы откроете истину. Отрицание по существу состоит в том, чтобы освободить сознание от известного.

Наше сознание основано на знании, на опыте, на расовом наследии, на памяти, на вещах, через которые человек уже прошел. Опыт всегда относится к прошлому, оказывающему влияние на настоящее, которое изменяется на основании этих влияний и продолжается в будущем. Все это есть сознание, этот обширный склад веков. Оно полезно лишь в отношении механического аспекта существования. Было бы абсурдно отбросить все научные знания, накопленные в течение длительного прошлого. Но для того, чтобы осуществить перемену в сознании, необходим полный переворот в его структуре, пол-

ная пустота: эта пустота возможна, лишь если сделано раскрытие, если достигнуто реальное видение того, что ложно. Тогда вы увидите, что если вы дошли до этой точки, появление пустоты уже произвело полный переворот в сознании — революция совершилась.

Мы никогда не бываем одни. В своей комнате, в автобусе мы пребываем в обществе своих мыслей, своих занятий, а когда мы находимся с другими людьми, мы приспосабливаемся к той или иной группе, к нашим сотоварищам.

По правде говоря, мы никогда не бываем одни, и для большинства людей одна мысль о том, что они могли бы оказаться в одиночестве, кажется страшной; но именно лишь в условиях одиночества наш ум, мозг может открыть, что как раз это опустошение и есть переворот — в условиях, когда ум вполне одинок, свободен от приспособления, влияния, когда он полностью пуст. Уверяю вас, что все рождается из этой пустоты; все, что ново, происходит из этого ощущения пустоты, огромной, неизмеримой, непостижимой. Это не романтика, не образ, не иллюзия. Когда вы **до конца** отбросили ложное, не зная, что же есть истинное, тогда в сознании происходит перемена, революция, полное преобразование. Может быть, тогда нет больше и сознания, как мы его знаем, а есть нечто совершенно отличное. И это сознание, это состояние может все же пребывать в нашем мире, так как оно не отбрасывает механических знаний. Итак, если вы проникли сюда, вы обрели новое знание.

Вопрос: Можете ли вы повторить, почему анализ ложен? Я не совсем понял этот вопрос:

Ответ: Рассмотрим этот вопрос по-другому. Что представляют собою сны? Почему мы видим сны? Я не удаляюсь от сути вопроса. Вам снятся сны потому, что в течение дня ваш мозг так загружен, что не обладает спокойствием, в котором и при помощи которого он мог бы глубоко проникнуть внутрь себя. Вы знаете, чем он занят: работой, борьбой за существование, тысячью других дел. Когда вы засыпаете, из области подсознательного приходят внушения. Они принимают форму символов, слов, и при пробуждении вы их помните и пытаетесь истолковать или обращаетесь к кому-то за истолкованием. Вы знаете весь этот процесс. Почему вы видите сны? Почему вам должно что-то сниться? Разве не вредно видеть сны? Если бы во все часы бодрствования вы были внимательны, осознавали все происходящее вокруг вас и внутри вас, тогда, в этом состоянии внимательного наблюдения, суть всех процессов стала бы для вас постепенно ясна; все побуждения, все желания, все импульсы, даже подсознательные, были бы вскрыты сознательным умом и поняты им. В итоге, заснув, вы не видели бы снов. Состояние сна приобрело бы совершенно иное значение. Так же обстоит дело и с анализом. Если бы вы могли охватить одним взглядом весь процесс анализа, а вы можете это сделать, вы отчетливо увидели бы, что пока есть наблюдатель, критик, до тех пор анализ неизбежно будет ложным. Ибо суждение или

одобрение этого критика основаны на его личном, обусловленном подходе.

Вопрос: Вы говорили об освобождении от всех влияний. Но разве мы не поддаем под влияние ваших бесед?

Ответ: Если вы подпадаете под влияние оратора, те же результаты получаются, если вы пойдете в кино, в церковь или к мессе. Если на вас влияет оратор, вы создаете авторитет, а всякая форма авторитета мешает вам понять, что же такое реальность, истина. Если на вас оказывает влияние оратор, это доказывает, что вы не поняли, что он говорил в минувший час, в течение всех последних тридцати лет. Быть свободным от любого влияния — книг, которые вы читаете, газет, кино, полученного вами образования, общества, к которому вы принадлежите, церкви, осознавать все эти влияния и не поддаваться ни одному из них — это и есть истинное понимание. Для этого необходимо быть бдительным, неусыпно осознавать все, что происходит внутри вас, осознавать каждую реакцию. Нельзя пропустить ни одной мысли, не осознав ее содержание, происхождение и побудительную причину.

VII

Сегодня я хотел бы рассмотреть сложный вопрос о смерти. Но до того, как мы приступим к его исследованию, я хотел бы предложить тем, кто записывает мои слова, отказаться от того. Мы не выступаем с докладами, которые записывают с тем, чтобы потом кто-либо стал истолковывать сказанное. Все истолкователи — это эксплуататоры, независимо от того, имеют ли они добрые намерения или желание создать себе репутацию. Итак, я горячо советую вам слушать, чтобы испытать на опыте то, что будет сказано, а не начать думать об этом позднее или слушать комментарии других лиц на эту тему; все это было бы совершенно бесполезно.

Я хотел бы подчеркнуть, что слова сами по себе имеют весьма малое значение. Они — символы, употребляемые для взаимного общения. Мне придется применять определенные слова, но я пользуюсь ими для того, чтобы мы могли беседовать друг с другом; надо очень осторожно продвигаться между ними, если мы хотим коснуться вещей, не поддающихся словесному объяснению. В этом есть опасность: мы все склонны истолковывать слова в соответствии с нашими симпатиями и антипатиями и в силу этого проходить мимо смысла того, что было действительно сказано. Мы с вами постараемся обнаружить, где ложь и где истина; но для того, чтобы сделать это, надо уйти за пределы слов. В процессе же ухода за пределы слов есть опасность личного истолкования этих слов. Таким образом, если мы хотим постичь проблему смерти до самой глубины — а в этом и состоит моя цель — мы должны осознавать слова и их значение и остерегаться истолковывать их в соответствии с нашими симпатиями и антипатиями. Если наш ум будет свободен

от слов-символов, то мы сможем общаться друг с другом за пределами слов.

Смерть — одна из самых сложных проблем, если пытаться ее постичь на опыте и глубоко в нее проникнуть. Мы или рассуждаем о ней, отделяемся от нее с помощью интеллектуальных объяснений, или мы обращаемся к верованиям, догмам, идеям. Смерть здесь; она всегда здесь. Даже если ученым и врачам удастся продлить нашу физическую механику на пять, десять или более лет, смерть все равно дождет своего часа. Для того, чтобы понять смерть, мы должны проникнуть в нее не словесно, не интеллектуально или сентиментально, а действительно встретиться лицом к лицу с самым фактом смерти и проникнуть в него. Это требует большой энергии, большой ясности восприятия; но и энергия и ясность отсутствуют, если мы полны страха. Большинство из нас, старые и молодые, боятся смерти. Хотя ежедневно мимо нас проезжают катафалки, тем не менее мы боимся смерти; но там, где есть страх, там нет понимания. Для того, чтобы проникнуть в вопрос смерти, первое, главное условие — освободиться от страха. Если мы хотим понять этот вопрос, я считаю, что нам нужно жить со смертью; увидеть по-настоящему, не на словах, не интеллектуально, увидеть, на что это похоже — жить с чем-то совершенно особенным, законченным, с чем-то, что не поддается никакому обсуждению, никаким сделкам. Но для этого надо, прежде всего, освободиться от страха, а это исключительно трудно.

Пробовали ли вы когда-нибудь умереть для того или иного? Умереть без аргументаций, без выбора, например, для скорби или какого-нибудь удовольствия. В смерти нет аргументации; вы не можете вести с ней дискуссию, она категорична, безусловна. Именно таким образом надо умереть для воспоминаний, для мысли, для всех вещей и всех идей, которые были собраны, накоплены. Если вы пытались это сделать, вы должны знать, насколько это трудно, как цепко ум, мозг держится за воспоминания. Для того, чтобы окончательно, полностью отрешиться от чего-либо, не требуя ничего взамен, необходимо очень ясное понимание, не так ли?

Пока существует непрерывность мысли во времени, в страдании и в удовольствии, до тех пор страх неизбежен, а страх исключает понимание. Я думаю, что это просто и ясно. Мы боимся столько вещей, что если вы хотите выбрать одну из них и умереть для нее полностью, до конца, — вот тогда вы увидите, что смерть совсем не то, что вы себе представляли; она нечто совершенно новое. Но мы жаждем непрерывности. У нас был опыт, мы накопили знания, мы приобрели различные формы добродетели, мы создали наш характер и т. д. Мы боимся, что все это имеет свой конец, и тогда мы спрашиваем: «Что случится со мной, когда придет смерть?» Этот вопрос и разоблачает сущность нашей проблемы. Зная, что смерть неизбежна, мы призываем на помощь верования: в перевоплощения, в воскресения, во всякие фантастические вымыслы.

Верование, по существу, обеспечивает непрерывность того, что вы есть. А реально ли то, что вы есть? Ведь то, что вы есть,— это боль, надежда, отчаяние, различные формы удовольствия, мы связаны со временем и страданием; за исключением редких моментов радости наша жизнь, наполненная трудом и страданиями, пуста, поверхностна, представляет собой непрекращающуюся борьбу. Вот все, что мы знаем о жизни, о непрерывности. Продолжения этого-то состояния мы жаждем. Наша жизнь есть непрерывность известного; мы движемся и действуем от известного к известному, а когда это известное разрушается, мы осознаем страх — страх встретить лицом к лицу неизвестное.

Смерть — это неизвестное. Можно ли умереть для известного и встретить лицом к лицу смерть? Вот как ставится вопрос.

Я не говорю о теориях, я не собираюсь тратить время на идеи. Мы хотим жить. Жить без страха — это и есть бессмертие, это означает быть бессмертным. Умереть для своих воспоминаний, для вчерашнего и завтрашнего — это и есть жить со смертью. В этом состоянии нет ни страха смерти, ни тех нелепых выдумок, которые создают страх.

Мы задаем вопрос: возможно ли жить со смертью не в последние минуты, когда ум болен или когда мы погибаем от старости или несчастного случая? Мы пытаемся понять ее во всей полноте настоящего, мы стараемся узнать, возможно ли сейчас жить со смертью. Это должно быть необычным опытом, чем-то абсолютно новым, о чем мы никогда не думали и что не может быть открыто мыслью. Для того, чтобы открыть, что значит жить со смертью, вам нужна огромная энергия, не так ли? Если вы хотите жить с вашим мужем, с вашей женой, с вашими детьми, с соседями и не быть искалеченными, если вы хотите жить с деревом, с природой и встретить их лицом к лицу, тогда вам нужна энергия. Для того, чтобы жить с чем-то уродливым, вам нужна энергия, иначе это уродливое вас искалечит, или вы привыкнете к нему и станете воспринимать его механически. То же самое применимо и к красоте. Если вы не будете жить интенсивно, глубоко и наполненно, в таком мире, как ваш, где свирепствуют все формы пропаганды, воздействия, нажима, контроля, где господствуют ложные ценности, тогда вы начнете к ним привыкать, а это притупит мысль, ум. Для того, чтобы обладать энергией, надо устранить страх; это означает, что вы ничего не должны требовать от жизни. Я не знаю, сможете ли вы достичь до такого предела: ничего не требовать от жизни.

На днях мы говорили о потребностях. Мы нуждаемся в известном физическом комфорте, в пище, в крове. Но жаждасть от жизни, чтобы она удовлетворила психологические потребности, равносильно тому, чтобы просить милостыню. Вот это означает, что вы боитесь. Нужна огромная энергия, чтобы удержаться на ногах своими собственными силами. Для понимания этого недостаточно только думать. Понимание приходит лишь тогда,

когда нет ни выбора, ни суждения, а есть только чистое наблюдение. Умирать каждый день означает не переносить из вчерашнего дня в сегодняшней ваши стремления, обиды, воспоминания о мгновениях полного удовлетворения, размолвки, ненависть. Большинство из нас с годами увядают, но это не есть смерть. Умереть — это знать, что такое любовь. У любви нет непрерывности, нет завтрашнего дня. Портрет человека на столе, его образ в вашем сердце — это не любовь, это всего лишь память. Любовь, так же как и смерть, — это неведомое. Если вы хотите проникнуть в неизвестное, которое есть смерть, а также и любовь, необходимо сначала умереть для всего известного. Только тогда ум будет свеж, молод, невинен; в таком состоянии смерти нет.

По сути дела, то, что имеет длительность, то, что не приходит к своему концу, не является творческим. Непрерывность никогда не может обладать новизной. Лишь в разрушении непрерывности существует новизна. Я не говорю о социальных и экономических разрушениях. Эти факты достаточно поверхностны. Если вы изучите вопрос глубоко, не только на уровне сознания, но на очень большой глубине, за пределами мерила мысли, за пределами сознания, которое существует в рамках мысли, тогда вы откроете, что смерть — необычайная вещь, что она есть творчество. Творчество начинается лишь тогда, когда вы умерли для всякого техницизма, для всякого знания, для всех слов.

Итак, в этом виде, в котором мы ее обычно постигаем, смерть — это страх. Но если страх отсутствует, так как каждую минуту вы приглашаете смерть, тогда каждая минута становится чем-то совершенно новым; она нова потому, что все старое внутренне разрушено. Для того, чтобы разрушить, необходимо, чтобы отсутствовал страх, но оставалось чувство способности стоять на своих ногах, без Бога, без семьи, без имени, без осознания времени. Это не есть отчаяние, наоборот, это означает жить каждую минуту во всей полноте, до конца, без ограничения мысли. И тогда мы открываем, что жизнь есть смерть, а смерть есть творчество и любовь; все эти три вещи существуют всегда вместе, они неразделимы. Артист, художник занят лишь выражением самого себя, но это очень поверхностно, и он не творец. Творчество не есть выражение личного, оно за пределами мыслей и чувства, оно свободно от всякой техники, от всякого артистического выражения. Это творчество есть любовь.

Вопрос: Как могут существовать будущие поколения, если каждая минута — есть смерть?

Ответ: Разрешите вам сказать, что вы очень плохо меня поняли. Действительно ли вы озабочены тем, что случится с будущими поколениями? Разве любовь несовместима с возможностью иметь детей? Знаете ли вы, что значит действительно любить кого-то? Я не говорю о половом влечении. Я говорю о том полном слиянии с другим, которое вызывает восторг. Это сравнительно легко, когда вами движут эмоции. Об этом я не

говорю. Я имею в виду то пламя, в котором вы или другой полностью перестаете существовать. Но я боюсь, что очень мало людей испытали это, перестали существовать хотя бы на мгновение. Если вы действительно знаете, что это такое, тогда не может быть и речи о будущих поколениях. Если бы вы интересовались будущими поколениями, у вас были бы другие школы, совсем иная форма образования, не правда ли? Все это было бы без борьбы за существование, без всего остального, что калечит людей.

Вопрос: Если мы не знаем, что такое истина, пока мы живем, можем ли мы узнать ее после смерти?

Ответ: Что есть Истина? Истина не есть нечто, чему вас научила церковь, священник, ваш сосед или книга. Это не идея и не верование, это нечто живое, новое; вы должны открыть истину. Она всегда здесь, и вы всегда можете ее открыть. Но если вы этого хотите, вы должны умереть для всего того, что знали ранее. Если вы хотите увидеть что-либо очень ясно, увидеть розу, цветок, другого человека, тогда вы должны умереть для слов, для памяти об этом человеке. И тогда вы узнаете, что такое Истина. Истина не представляет собой чего-то далекого, таинственного, вам не надо открыть ее на небе или в аду после вашей физической смерти. Но Боже мой, как все это нелепо! Если вы действительно умираете с голоду, вас не удовлетворяет объяснение по поводу пищи. Вам нужна реальная пища, а не слово «пища». Так же и здесь: если вы хотите знать, что есть Истина, тогда слово, символ, объяснение подобны пеплу; они не имеют значения.

Вопрос: Я понимаю, что надо освободиться от страха для того, чтобы обладать такой энергией; и все же мне кажется, что в некоторых случаях страх необходим. Как выйти из этого заколдованного круга?

Ответ: Известная доля физического страха безусловно необходима, иначе вы попадете под автобус. До какой-то степени самозащита необходима. Но за пределами этого не должно быть никакой формы страха. Я употребляю выражение «не должно быть страха» не как предписание, но с целью указать на необходимость. Я не думаю, что мы внутри себя до конца осознаем необходимость полного освобождения от страха. Боязливый ум не способен к открытиям. Причина, почему нам это неясно, заключается в том, что мы построили вокруг себя многочисленные стены безопасности и боимся того, что может произойти, если эти гарантии, эти меры сопротивления были бы разрушены. Все, что мы знаем, это сопротивление и защита.

Я хотел бы поговорить сегодня о страдании и религиозности. Повсюду мы видим страдания, и внешние и внутренние, как в высших слоях общества, так и в трущобах. Оно существует на протяжении тысячелетий. На тему страдания были созданы многочисленные теории, все религии постоянно о нем говорят; но оно продолжается.

Возможно ли прекратить внутренние страдания полностью, окончательно и по-настоящему от них освободиться?

Существует не только страдание, вызванное старостью и смертью, но также и страдания, обусловленные неудачами, тревогами, страхом, чувством виновности; страдания из-за постоянного насилия, из-за жестокости человека по отношению к другому человеку.

Удастся ли когда-нибудь вырвать с корнем причину страдания, но не в другом, а в самом себе? Несомненно, если бы случилось такое превращение, оно должно было бы начаться с нас самих. По сути дела, нет различия между каждым из нас и обществом. Мы и есть общество, мы составляем коллектив. Являясь по происхождению французом, русским, англичанином или индийцем, мы представляем собою результат коллективных реакций и ответов, вызовов и влияний. Преобразив этот центр, свою индивидуальность, мы можем изменить и коллективное сознание.

Я думаю, что современный кризис — это не столько кризис во внешнем мире, сколько кризис в сознании, мысли, во всей совокупности нашего существа. И я думаю, что только **религиозный дух может растворить это страдание**, может его полностью рассеять, уничтожить процесс мысли с возникающими из него результатами — страданием, страхом, тревогой и сознанием вины.

Люди делали попытки разными способами избавиться от страданий: ходили в церковь, искали спасения в верованиях, догмах, занимались политической деятельностью и социальными проблемами. Способы бесчисленны, и мы их использовали, пытаясь уйти от постоянных проявлений страха и страданий. Но я думаю, что только религиозный подход может разрешить эту проблему. Под религиозным духом я подразумеваю нечто совсем отличное от ума и мозга, который верит в религию. Нет истинной религии, если есть верование. Нет настоящей религии, если есть догма, если вы вечно повторяете слова и снова слова, будь то по-латыни или на санскрите, или на любом другом языке. Посещение мессы — это лишь вид развлечения, это не религия. Религия — не пропаганда; совершенно все равно, кем обработан ваш мозг — служителями церкви или коммунистами. Рели-

¹ Восьмую беседу философ посвятил медитации. О ней см.: Джидду Кришнамурти. «Бомбейские беседы». № 1-2 журнала за этот год.

гия коренным образом отличается от верования и неверия. Поэтому я хочу глубоко разобраться и выяснить вопрос о том, что такое религиозный подход. Прежде всего, отдадим себе отчет в том, что религия — это не вера, к которой вы принадлежите; это было бы слишком примитивным. А когда есть незрелость, тогда страдания неизбежны.

Вполне очевидно, что каждый из нас живет в узкой колее защищающих нас ответов. Мозг со своими запретами, честолюбием, обманутыми надеждами и страданиями создает то, что мы называем «я». Существует различие между мозгом и психикой. Мозг разделяет, он функционален, он не может видеть всего в целом, он действует в пределах определенных границ. Психика же составляется из всего того, что входит в сферу сознания, и она может воспринимать целое. Как бы ни была очищена и утончена мысль, но ей не дано воспринимать, понимать и охватывать все в целом. Не мозг, а психика способна к полному видению.

Но мы до такой удивительной степени развили именно мозг! Все наше образование сводится к развитию мозга, так как развитие техники, приобретение знаний — это источник дохода. Способность увидеть в целом всю совокупность существования — это особое восприятие, которое не приносит дохода; вот поэтому мы им пренебрегаем. Для нас приобретение профессии гораздо важнее восприятия целого. До какой бы степени мозг ни развил разум, но мысль не может уничтожить страдания. Если же сознание воспримет причину, следствие и весь процесс в целом и выйдет за его пределы, тогда страдание прекратится.

Ум с религиозным подходом всегда учится, познает, и этим возможностям нет предела. Познавать, учиться — это не накапливать сведения. Если вы цепляетесь за знания и стремитесь их умножить, вы перестаете учиться и познавать. Прошу вас, проследите за этим до конца. Когда вы наблюдаете внутри себя все это, вы осознаете необычное чувство одиночества, изолированности, вы как бы оторгнuty от мира. Большинство из нас в какой-то момент своей жизни проходит через этот опыт — чувство полного одиночества, разобщения со всеми и со всем. Когда человек испытывает это чувство, у него возникает страх, немедленно появляется желание убежать, стремление укрыться от него. Проследите за всем этим внутри себя, я не читаю вам лекцию, но мы вместе совершаем реальное путешествие. И если вы сможете совершить это путешествие, то вы уйдете отсюда с совершенно иным умом, с изменившимися качествами мозга. Вам необходимо пройти через это чувство одиночества, но вы не сможете это сделать, если вам страшно. По существу, именно ум создает одиночество своими ответами, имеющими характер самозащиты, эгоцентрическими действиями. Если вы вникнете в ваш мозг и в вашу собственную жизнь, вы увидите, как вы изолируете себя своими мыслями и действиями. Вся суматоха, которую вы затеваете вокруг таких понятий, как «мое

имя», «мое положение», «мои способности», «мое имущество», «моя работа», — все это изолирует вас.

Итак, одиночество возникло, и вы не можете его избежать. Вы должны пройти через него так же реально, как вы проходите через дверь. Но чтобы пройти через одиночество, вы должны жить с ним. Жить с одиночеством, пройти через одиночество — это подойти к чему-то гораздо более значительному, к состоянию гораздо более глубокому, это означает пребыть совершенно одному, лишиться совершенно всех знаний. Я имею в виду не лишение поверхностных знаний, механики, необходимой для ежедневного существования; мозг не должен быть лишен этих знаний — он должен быть очищен от знаний, собранных и накопленных нами для расширения нашего «я» и для нашей психологической безопасности. Сознание, пребывающее в состоянии одиночества, не подвержено никаким влияниям. Это уже не состояние изолированности, так как человек понял изолированность, понял весь механический процесс мысли, опыта и связанных с ними вопросов и ответов. Не знаю, думали ли вы когда-нибудь о проблеме стимулов и реакций. Мозг непрерывно отвечает на все формы раздражений, сознательных и бессознательных. Каждое влияние кладет свой отпечаток на мозг, мозг на него реагирует. Вы можете довольно легко понять внешние раздражения, но они имеют малое значение. Если же вы пойдете достаточно глубоко, вы сможете обнаружить внутренние вызовы и реакции. Я прошу вас внимательно следовать за мной; когда вы проникнете еще глубже, там не окажется ни вызовов, ни реакций на них; но это не означает, что ум дремлет. Наоборот, он находится в состоянии величайшего бодрствования, он не нуждается в стимулах, поэтому нет необходимости в ответах или реакциях. Это состояние, при котором ум не испытывает ни вызовов, ни реакций, потому что он понял процесс в целом, есть отход от индивидуального слияния с единым. Религиозный ум понимает все это. Он проходит через это состояние не посредством времени, а путем немедленного постижения. Приносит ли время понимание? Поймете ли вы завтра? Не приходит ли понимание только в активном настоящем? Понять — это означает видеть что-то немедленно, во всей полноте. Всякая форма оценки делает понимание невозможным. Всякое протоколирование, осуждение, оправдание и прочее противодействует пониманию. Вы говорите: «Для того, чтобы понять, необходимо время». «Для достижения этой цели мне потребуется много дней». Но пока вы представляете эти многочисленные дни, проблема пускает глубоко в уме свои корни, и вам будет гораздо труднее освободиться от нее, какова бы она ни была. Понимание приходит в немедленном настоящем и не является функцией времени. Если я вижу что-нибудь ясно, непосредственно, в настоящий момент, тогда возникает понимание. Значение имеет непосредственный характер, прямая связь, а не откладывание. Если я ясно вижу тот факт, что я рассержен, честолюбив, ревнив и прочее, без какого-либо мнения, оценки

или осуждения, тогда самый факт немедленно приходит в действие. Итак, вы увидите, что уход от индивидуального для слияния с единым реальным свойственен уму в состоянии полного бодрствования. Такой уход не заключается в том, чтобы мыслить во времени. Если вы проделаете этот опыт, вы узнаете нечто совершенно необычайное. Религиозный ум не думает, что для постижения реальности необходима эволюция, так как реальное — за пределами времени. Очень важно это понять, если вы в своем раскрытии дошли так далеко.

Видите ли, время хронологическое и время психологическое — это разные вещи. В данный момент мы говорим о времени психологическом, т. е. о внутренней потребности увеличения числа дней, о времени, которое необходимо, чтобы мы могли себя проявить, добиться удачи. Мы говорим о промежутке времени между тем, что вы есть, и тем, чем вы хотели бы стать.

Вы утверждаете, что для преодоления этого промежутка нам необходимо время, но это время — лишь форма лени, так как вы можете немедленно увидеть истину моих слов, если отдадите этой истине полное внимание, все целиком.

Таким образом, религиозный ум не заинтересован во времени, в прогрессе. Он находится в состоянии непрерывной активности, которая однако не выражается термином «стать» или «быть». Вы имеете возможность проверить это сейчас, хотя, вероятно, вы никогда этого не сделаете, так как в самом начале опыта вы обнаружите, что религиозный ум разрушителен, ибо без разрушения нет творчества. Разрушение не есть вопрос времени, оно происходит, когда весь ум в целом отдал свое внимание тому, что **есть**. Самый факт видения ложного в его сути **полностью и до конца** является разрушением ложного. Это свойство разрушения не является свойством капиталистов, коммунистов и других людей, не достигших зрелости. Религиозный ум — это разрушительный ум, и, будучи разрушительным, он в силу этого является творческим. Ибо творчество есть разрушение. Нет творчества без любви. Вы знаете, для нас любовь — странное явление. Мы разделяем ее на страсть, вожделение, человеческую и божественную, на любовь к семье, к родине, создавая бесконечные подразделения. И в этом дроблении возникают противоречия, конфликты и страдания.

Итак, религиозный ум является разрушительным; одновременно это творческий ум, так как он охватывает всю совокупность существования в целом. Это не творческие силы художника, так как последний интересуется каким-либо одним аспектом жизни и пытается выразить то, что он чувствует в этой области, точно так же, как деловой человек пытается выявить себя в делах; при этом художник обычно считает себя выше всякого другого человека. Но творчество проявляется лишь тогда, когда есть понимание совокупности всей жизни в целом, а не какой-либо ее части или области.

Если мозг зашел так далеко, если он понял весь процесс

существования, если он устранил всех богов человеческого производства, своих спасителей, свои символы, свой ад и свой рай, если он достиг состояния разъединения с личным для слияния с единым, тогда можно предпринять еще одно путешествие. Но необходимо дойти до этой точки, прежде чем можно было бы утверждать или отрицать существование Бога. Начиная с этой точки, можно действительно делать открытия, так как ум, мозг окончательно разрушил все, что было известно ранее. Лишь после этого можно войти в неизвестное. Тогда оказывается, что непознаваемое есть. Это не Бог церквей, храмов, мечетей. Это не Бог ваших страхов и ваших верований. Существует реальность, которую можно найти лишь в полном понимании всего процесса существования в целом, а не части этого процесса.

Вопрос: Не состоит ли проблема в том, чтобы отбросить то, что не существует, для получения того, что действительно есть?

Ответ: Позвольте заметить, что искать подтверждение чего бы то ни было наивно. То, о чем мы говорили, не требует никакого подтверждения. Или оно есть именно таково, или оно иное; в обоих случаях изменить ничего нельзя. Но искать подтверждения у другого нельзя, надо самому открыть, что есть в действительности.

Вопрос: Не возникает ли в смерти новое существо?

Ответ: В смерти, как мы видели, нет возникновения, нет бытия, это совершенно иное состояние.

Вопрос: Почему мы не всегда находимся в этом изумительном состоянии?

Ответ: Мы не находимся в этом состоянии; это факт. То, что мы представляем собой, есть результат нашей собственной обусловленности. Понять до конца то, что вы есть, означает построить основание, необходимое для дальнейших открытий.

Я боюсь, что вы совсем не слушали то, о чем я говорил. Это — наша последняя беседа. Будет очень жаль, если вы начнете отбирать отдельные части, которые вам подходят, и унесете этот пепел домой. Все, что было сказано, от первой беседы до последней, образует одно целое. Не может быть ни предпочтения, ни отбора. Вы должны взять либо все в целом, либо ничего. Но если вы построили необходимое основание, вы сможете пойти очень далеко, но, как я говорил, не во времени, а в смысле осознания неизмеримости, которую нельзя выразить словами, нельзя воспроизвести в красках или в мраморе. Без этого раскрытия наша жизнь пуста, поверхностна, лишена всякого значения.

Марк Стрэнд

От стихов Марка Стрэнда веет похожей на сон странностью. Как и во сне, воля ослаблена и законы нормального бодрствования не действуют. Несмотря на сюрреалистические события, чувства его героев вполне общечеловечны. Просто их не принято обсуждать. А потому читателю остается удивляться и с опаской узнавать — себя.

Марк Стрэнд родился на острове Принца Эдварда в Канаде. Получил степень бакалавра в колледже Антиоха в Йеле, степень мастера в университете Йовы. В настоящее время преподает английскую литературу в университете Юты. Он автор нескольких поэтических сборников и редактор антологий европейской и южноамериканской поэзии. В 1990 году стал поэтом-лауреатом США.

* * *

Как было на самом деле

Я бы предпочел, чтобы тебе

не хотелось сказать ему:

«Это пожар. Но что еще хуже —

мы с тобой не можем ничем помочь,

потому что мы в поезде, правда?»

Как это так получается,

Я точно не знаю:

Ты сидишь рядом,

Занята своим делом,

Когда я вдруг гляжу в окно

И вижу — пожар!

Я толкаю тебя и кричу:

«Пожар! Но что еще хуже —

Мы с тобой не можем ничем помочь

Потому, что мы в поезде, правда?»

Ты смотришь на меня странным взглядом,

Как будто я сказал что-то лишнее.

Откуда тебе знать: может быть,

У меня тайная страсть к пожарам

И я путешествую поездом,

Чтобы не нужно было их тушить?

А может быть — поезда

Разжигают любовь к огню?

Я подозреваю даже,
Что ты — переодетый пожарный.
Наверное, я опять ошибся.
Может быть, ты как раз
Любишь хороший пожар,
Кто знает?

Скорее всего — ты думаешь о чем-то другом,
Например: если некуда пойти,
Не стоит садиться на поезд.
Да и я,
Увидев собственное лицо в окне,
Мог и придумать про пожар.

Брак

Ветер поднимается с противоположных сторон
и медленно набирает силу.

Она кружится в густом воздухе.
Он шагает сквозь облака.

Она готовится, встряхивает волосами;
подводит глаза, улыбается,
улыбается.

Солнце начинает нагревать ее зубы,
кончик языка их увлажняет.

Он стряхивает соринки с костюма,
поправляет галстук

и закуривает.
Скоро они встретятся.

Ветер несет их друг к другу,
Они машут руками,

ближе, ближе,
обнимаются,

Она разбирает постель,
он стягивает брюки.

Они женятся,
и рождается ребенок.

Ветер разносит их
в разные стороны.

Какой сильный ветер! — думает он,
поправляя галстук.

Как я люблю ветер, — восклицает она,
надевая платье.

Ветер дует во всю мощь.
Все дело в ветре.

Платье

Приляг на сияющий холм,
рука луны гладит твою щеку,
тело утопает в белых складках платья,
Ты не услышишь неумолимого крота,
увеличивающего протяженность своей темноты,
или сову, перетряхивающую ночь, —
в этом и состоит ее мудрость —
или стихотворения, наполняющего подушку голубым пухом.
Но если ты выскользнешь из своего платья и передвинешься
в тень,

крот отыщет тебя, и сова, и стихотворение,
и ты попадешь в царство другой тьмы,
той, что кроишь сам и перекраиваешь,
пока не достигнешь совершенства.

Элегия 1969

Ты ищачишь до старости
и ничего так и не добиваешься.
День за днем повторяешь те же движения:
натягиваешь одеяло, заглываешь пищу, любишь женщину.

Герои, напоминающие о жертвенности и служении,
наполняют парки, по которым ты гуляешь.
Ночью в тумане они открывают бронзовые зонты
или перемещаются в пустые фойе кинотеатров.

Ты любишь ночь за могущество уничтожения,
пока спишь, заботы поджидают, не давая умереть.
Пробужденье лишь доказывает существование Великого
Двигателя,
и тяжесть света снова падает на твои плечи.

Ты бредешь среди мертвых и рассуждаешь
о будущих временах и высоких материях.
Литература съела часы, что могли быть отданы любви,
выходные потрачены на уборку квартиры.

Ты бодро признаешься в неудаче и откладываешь
коллективную радость до следующего столетия.
Принимаешь —
дождь, войну, безработицу и неравное распределение
богатства,
потому что не можешь один взорвать Манхэттен.

Танец

Призрак оттуда приходит навестить нас,
а мы цепляемся друг за друга, пока сияет свет.
Пока свет сияет, что еще остается?
И кто не стоит одной ногой в могиле?

Я замечаю, как взлохмачены деревья
и как поток насекомых оmyвает их.
Свет, подобно якорю, падает сквозь ветви.
А кого из нас не тянет туда, вниз?

Мой разум парит в пурпурном воздухе черепа.
Я вижу себя танцующим. Я улыбаюсь.
Продолжая танцевать, покидаю горящий дом сознания.
Не для того ли мы рождаемся снова и снова.
чтобы взлетать в небо?

Время праздновать

Ты сидишь в кресле, от всего отрешившись, и ощущаешь,
как погружаешься в старость, пытаешься представить
терпение воды и скуку камня.
И понимаешь, что молчание — это еще одна страница,
что ничто ни хорошо и ни плохо,
как темнота, медленно заполняющая дом.
Друзья промелькнули за окном, их лица запачканы
сожаленьем.

Ты хочешь махнуть им и не можешь поднять руки.
Так и продолжаешь сидеть, повернувшись к торшеру,
накидывающему ядовитую сеть на комнату.
Ты пробуешь мед отсутствия. Он такой же,
не важно, где ты — такой же, если голос гниет
раньше тела или тело раньше голоса.
Ты знаешь, что за желанием следует печаль,
заставляющая искать успех, за которым опять пустота.
Но то, что сейчас — это другое,

это — праздник, единственный праздник,
когда отдавая себя пустоте, ты излечишься.
Ты чувствуешь радость легких,
готовящихся к пепельному будущему, и ждешь.
вглядываешься и ждешь, и пыль опускается,
и волшебные часы детства проплывают в темноте.

Посвящается ей

Пусть это случится в любом месте,
в любую ночь на выбор —
в твоей комнате, пустой и темной,

в конце улицы
или на этой туманной границе,
что едва видна и недоступна воображению.

Ты не почувствуешь желания,
и ничто не предупредит тебя,
ни внезапность ветра, ни неподвижность воздуха.

Она появится и
будет напоминать кого-то другого:
подругу детства, которой всегда не везло,

соседскую девочку, любившую сидеть под пальмой,
браслет на ее руке вспыхнет,
осветив

городок, что ты давно покинул.

Перевод с английского Изабеллы МИЗРАХИ

Жан Тограни

Жан Тограни (р. 1922)
— известный французский поэт, критик,
переводчик итальянской и португальской поэзии;
автор книг «Мантрагора», «Джоконда»,
«До самого конца» и др.

ПОЭЗИЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

О нем не задумываешься, и все же оно здесь, тотчас же и повсюду его веяния, перепады, сумрак ночей и грозы, предутренняя благодать и радость возвращения в порт.

Все идет из детства, которое запечатлевается в неприязнательности простых забав, в рыбалке, в купании, в дюнах и ракушках.

Вот оно, всегдашнее перепутье между Востоком и Западом, курс по которому пролегает на голос каждого порта.

Юные годы, когда на заре часами просиживаешь в скалах у прозрачной зелени волн, теплеющих в установившейся свежести и незамечаемыми токами волнующих водоросли в расщелинах внизу. Дымка расступается в отзвуках и в откликах стрекочущих моторов. Не отступающее беспокойство, дух высохшего фукуса... Йод, безмолвие рубежа. Морской зверинец под портиком глубины, одинокая рыбалка переживания и ожидания. В волнах иногда проскакивают чешуйки, играющие рябью отражений. Это пора открытий, подступающих к горлу, настораживающих слух и упоенный взгляд. Исполняешься просачивающейся пустотой. Позже в ней узнаешь «Средиземноморье».

Дух жаждет, словно более не желаешь оставаться вчуже этому затону сгустившейся, однако немой ярости. Стать этим валуном, который море сперва обнажает, потом окатывает, заволакивает, изнашивает. Это чувственность, смешение чувств, изнеможение...

В открывающейся перспективе распознаются рыбные тони, обозначаются маяки, холмятся земли побережья, и на схо-

де всех направлений лежит добыча, колония, зыблящееся наслаждение. Это опьянение легкими дуновениями, кольхание на никогда не прерываемых волнах. Несхватываемое море, а затем, под завывающий полдень, поднимаешься в комнаты. Узкие прорези, не доносящие света и шумов, только всепроникающий запах соли и ржавчины. Море как великая дремота.

Так может заявить о себе стихотворение, потребности стихотворения, душа, опустошенная и сообразовавшаяся с этой вселенной моря. Эта потребность глубока, как диалог тела, и необходимо мимировать, то есть выговаривать, удерживая в записи, заселяя. Так подвигается время в смущении потрясений, образов.

Все коренится здесь. Еще не знаешь большего, чем упоение тела в подводных зарослях фукуса. Осязаемая гармония вод и желаний. Еще ничего не знаешь о странствии, однако оно сквозит в ветре, в порыве, в повадке. Еще узнаешь, что грезущая моряку дорога вбирает в себя предыдущую.

Итак, греза по сути своей, внутренняя жизнь, которую застигло то необъятное, где сливаются слухи, школьные предметы и, наконец, набережные, Старый Порт! Марсель причалов, отплытий и возвращений: родня, близкие, соседи по кварталу. Мысли о дороге как о завоеванной свободе.

Вечно кто-нибудь отъезжающий или вернувшийся, и весь хлам: колонии, Южная Америка — целая библиотека... Грезы за названиями портов: Алжир, Бизерта, Агадир, Бон, Порт-Саид, Суэц. А затем, в часы пополудни, за уроками, неотступно вздыхающий с приливом рог дымки. Никто не устоял перед голосами моряков, умерших в море, и глухой благодатью бурь.

Море не вырисовывается, все время сокращающееся и переливающееся цветами: только острова, намеченные, осаждаемые и вскоре развеиваемые белой пеной. Следите за ними, тяжело вздымающимися выше прибрежных скал. Необъятный гул. Что несет? Сломит, разрушит, погребет? Может быть, как рассказывают моряки, разойдется беглой переправой.

Однако бьется, ограниченное Эгеей и Гибралтаром, замкнутое и напрасно вызывающее далекий океанический террор, гневливый пленник. Загадочное, в силу неминуемой мифологии негде таящееся, сокрытое божество, может быть, Посейдон, конечно же, Афродита. Всеупрощающее божественное присутствие. Все выйдет на путь, следующий по водам, на курс, прокладываемый как бы по следам в чаще, пролегающей через пальмы и рифы. Стравливающие охотников за кораллами розовые залежи, отливающие солью и кровью. Здесь могли возводиться эфемерные морские карты, палимпсесты, между текучими строками которых читаются неуверенность и страх. Но еще и странствия, приключения, перевозимые пряности, трактаты, рассказы. Ковровая запись.

Говорить в терпкий бриз, роняя слова, как балласт, на дующую с севера трамонтану, на вздыбившуюся шкуру натеревших волн.

Но и география преисподен, вод, поглотивших города, храмы, колоннады и амфоры, удерживающих добычу. Суда, навеки забросившие якоря и свои экипажи в бездну. Нет любви между людьми и морем. Разбой или поборы; смертоносные фортштевни, бойня кораблекрушений. И вот на передовой извечной брани устанавливаются набережные, молы, маяки, цитадели: цивилизация моря.

Все зарождалось в бухточках, еще и не на море, а только лишь в его складках, где все отрочески меряется обнаженностью, солнечностью, отдохновением в сени от бурь. Вдали простор, приключения, дурная пучина. Сирены, встреченные на Майорке! Вся жизнь тогда кажется одиссеей, последние ступени которой уходят под воду, вовне. Угроза в голубом взоре вечно подстерегающего моря.

Чары побережья: купальщики, содрогнувшиеся от внезапного холода или ожога, выступающие у них по коже панцири соли. Пошатываясь, они скрываются за покатыми пустынными дюнами. Неуверенно возвращаясь в безмянность. Это Камарг, как громадная арена усеянная останками морских обывателей, прохудившиеся остовы которых еще выступают из песка. Воспоминания, скрытые под спудом в вечном предощущении.

Оставшиеся на мели, может быть, и по своей воле развороченные траулеры, побеленные светом, изъеденные морской пылью, контрабандными путями свершающие свое жалкое плавание.

В каждом порту лукавая сволочь, пиратство.

Внутренние земли холмятся, там акрополи среди лесов, выжженных и снова разросшихся до контрофорсов, привлекающих сарацинов. После — германцев, норманнов, неустанно питавших силы и изобилие Юга, этого плохо защищенного плода. Земли фиг, олив и вина. Места, где зародились вкус и Идея: Финикия, Крит, досократики, арабские сказители, трубадуры. И еще острога: кускус, пазлья, полента, растревожненные желания: испанские оливки, греческие фиги, вино из Прованса, однако, оно стекается отовсюду, это вино, развязывающее языки. Это роскошные утехы бедноты от порта к порту: всеобщее свойство, облегчающее свары и ускоряющее свадьбы. И, наконец, это волшебное слово: Африка, когда распогодится, на горизонте всегда как бы угадываются пальмы в желтеющем небе.

Торг невольниками (Сервантес), товарами, деньгами, торжище наречий. Сундуки, развалы, реестры, песни. Штурманы в «шанхайском синем» на солнце в портовых бистро, все секреты при них. И еще это Рультабиль, маленький ловец апельсинов, упавших с испанских барков. Старый Порт, искалеченный вышедшими из себя немецкими оккупантами.

Все, чего они никак не допускали, множественная, разноликая, смешливая и серьезнейшая жизнь, бары, курильни, базары, роскошь природы, нескрываемое желание, мебелирашки, бегающая детвора набережных, легкость сердец, меткое слово, простое и подлинное. Это стоящий на балконе Пабло Неруда, воодушевленный и вновь обретающий счастье быть в этом непроходимом лесу мачт, повозок, сетей, выкриков. Позже, поднявшись на холм, он разглядывал в Нотр-Дам-дела-Гард крошечные приношения, поделки благодарности, запечатлевшие страхи и робкие одиночества.

Прислушайтесь: Генуя, Алжир, Барселона, Пирей, Остия, Палермо: это музыка. Это порты, похожие на форумы, где всюду выходишь в только что покинутый квартал. Ничто здесь не вчуже, все те же кривые вышербленные улицы, ветреные площади, дальше внизу такие же пакгаузы, причалы, грузовые суда, барки, как будто обкатанные волнами. Огромная, как Красная Площадь, гавань Барселоны, такие женственные берега Сета, припорошенная углем Савона, пресыщенный кранами и плавучими доками Марсель, бесконечное побережье Генуи, Коллиура, высокое прибежище испанской поэзии в изгнании.

Порт-Саид, описанный Луи Брокье, Алжир, трудная родина Катеба Ясина. Море «винного цвета» сицилийца Шаши. И еще Неаполь (Анна Мария Ортез). Стихи Витторе Фиоре: «Я родился на тунцовых морях». Казандзакис на Крите, Кадаре в Албании, салоникийские Сефериади. Александрия на стыке двух пустынь, морской и песчаной, космополитический пикаро Даррелла, малый народ Альбера Коссери, Махфуза! Мы среди своих, перепутавшиеся наречиями и верованиями.

Археология была средиземноморским искусством, неиссякаемым и как бы наверстывающим время, выносящим его на свет из часа в час. Эти места нерушимы, от стен до камней и от камней до стен.

Внутренняя страна, как писал Жан Берк, «обоих берегов», сверкающих Монпелье, Саламанкой, Урбино, Афинами, высокими башнями велеречивости и познания. Наш слух приспособлен к малейшим нюансам. Наш общий дом, выстроенный у изобилующего моря по сплошной от Коста Бравы до лигурийского побережья: потерянный рай? Здесь современность бессильно загораживается нефтеперерабатывающими громадами, бассейнами, бетоном. От обрядов Митры и до скачек, до кровавых арен Нима и Арля поэзия не отворачивалась. От греческого театра, его трагедии (не драмы) и до арабской поэзии, трубадуров, Данте, Кампаны, Арто. Поэзия, разыгрывающаяся между смертью и легендой, не уклоняющаяся ни от своей участи, ни от своих слов, никогда.

Так намечаются пути стихотворения. Места, все истории, беседы с глазу на глаз, приключения на море, множество

мотивов. Расходящиеся тропы, напитывающие эту вселенную своим иноязычием. Передающиеся через школы, народные припевы, театр. Красочный мир, играющий смерть, наигрывающий на свирели. Здесь человек Средиземноморья вписан в смятение: пейзаж тревожен, свет не отбрасывает теней. Зной сгущается, пронимая некоей очень глубокой культурой. Все мыслится нараспев, будет ли это пзан или ламенто. И все же назревает непреложный речитатив: это последний день, канва проблесков памяти, действия и цивилизации, здесь живут, прослеживая. Юг: чаще всего так говорится о Третьем Мире. Они недалеко отсюда, эти края голодающих и буквоедов, однако же, тончайшая культура исходит из их так называемых варварских пределов, насыщенная, не дающая сделать ни шага, если он будто бы не накладывает закон. Закон для духа, как хорошо известно, эта поэтическая область своими разноречиями, гением, устремлениями открывает новое измерение в сознании, потому что всегда только со стихотворения закладывалась философская мысль. Прежде всего Греция гомеровской выделки, эта всегда питавшая нас мысль. Темы не изменились: рождение, любовь, смерть. Остается пустое: роскошь, власть. Кажется, в наших краях нечто пустозвонкое не имело хождения. Мудрость? Не только она, ведь здесь все будто приглашает к сочно отзывающейся утехе, и речь не об одной усладе между телами, но и о чудесном порядке в расположении духа, в легкости и вкусе к размышлениям, в наших речах, изошренных этими упражнениями. Античная философия, религии Книги, исчезнувшие цивилизации позаботились приумножить для нас письмена, правила, метки (даже в запусении, каменные глыбы, заложенные в основании прибрежной Типазы, повитые корнями молодых деревьев и полускрытые валежником, раскаляющиеся к полудню, эти камни располагаются странно, как некий соблюденный порядок, а не развалины древности). Из красоты и ее метаморфоз мы почти что бессознательно вывели этику. Так идущие одно от другого произведения передаются как уроки, приоткрывающие пути желания, и, вместе с тем, познания. Что, вероятно, одно и то же!

Нам, по правде говоря, мало дела до Севера, этого победителя, всякий раз являющегося, чтобы раствориться в наших нравах, в наших притчах.

Здесь латынь, сделавшаяся для языка правилом, выточила наши слова. Народы переводчиков, толмачей, руководивших спорившимся взаимопониманием и, более того, упрочением доводов. Каждый период вынашивал эмпирическую, может быть, или тривиальную, однако необходимую для его завершения или революции черту. Обновление совершается без отмены традиционной сути. Этой непринужденной, не налагающей устава и наказания традиции, для которой есть слово — «свобода» — если оно до сих пор не замарано и не выхолощено.

Традиция не переходящего, — и здесь мы отворяем последнюю потайную дверь, царственного и экзальтированного присутствия женщины. Неизбывный нрав наших героинь. Красота или страсть.

От египетских барельефов и греческих изваяний к римским тимпанам может меняться канон, но пребывает чувственность. В недрах развалов и музеев открывается непрекаемая эротика. Она вызывает и поддерживает в нас не просто целительное желание, но еще и понятие чистоты этого «желания». Мы пишем «желание», чтобы выразить, например, насколько оно противоречит искусству Индии, движимому стремлением обладать, а не положить начало. Да, мы так долго стоим у порога, потому что нас никогда не утолить, не умиротворить, и мы, без сомнения, никогда не мечтали об этом.

От Елены Троянской до Кармен, от Дельф до Сен-Мари-дела-Мер, женщины правят ими же подавляемыми страстями. Медея — пароксизм этих страстей, ее жестокая трагедия приоткрывает магические силы словно бы некоего погребенного Востока, долгую странствующую историю, рассказ цыгана. Здесь наша беседа затухает, достигнув сумерек женского величия и нищеты, может быть, изначального смысла.

Женственное, — о, насколько! — Средиземноморье... Между нами страх принадлежности или уже отверженства, утраты, скоропостижных кончин, дороги anywhere, чтобы победить или пропасть, в поисках идеала. И, наконец, влечение отягощенных штормками ночей. Море всего лишь вестник.

Перевод с французского
Василия КОНДРАТЬЕВА.

ПРОЩАЙ, «СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО»...

ПОВЕСТЬ

Ночные терзания

— Асрор, тебе приснился кошмар? — услышал Асрор голос матери, но промолчал, еще крепче зажмурившись. — Почему ты кричишь? Ну-ка, повернись на другой бок...

Мальчик подождал, пока за матерью закроется дверь, и только тогда открыл глаза.

Сон? О, если бы это был сон!.. Нога еще помнит странное ощущение удара по упругой плоти, когда он в остервенении пнул лежавшего мужчину. Откуда он взялся в их районе? Асрор не помнит, чтобы видел его прежде, хотя... И почему он из-за сигареты полез на рожон?..

Асрор лег ничком, подсунув подушку под подбородок.

Их, верно, уже ищет милиция... нет, вряд ли... Через сколько времени всплывает труп? Лучше бы он совсем не всплыл. Милиция... Тюрьма...

Асрор закрыл глаза. Взгляд! Он встретился со взглядом лежавшего, когда пнул его в живот... Странно, как он вообще увидел глаза этого человека — ведь там было темно!..

Тот сам во всем виноват! Выхватил нож и ударил Салима в бедро! Если бы не нож, его бы никто не тронул. Все подтвердят это и им ничего не будет...

А если за кем-нибудь уже следят? Камариддин-то сидел. Теперь на учете. За ним в первую очередь могут установить слежку. А Салим у него! Обработали ли ему рану?..

Во рту пересохло. В груди, казалось, тлел раскаленный уголек. Асрор потихоньку пробрался на кухню. Несколько

жадных глотков прохладной воды уняли немного внутренний жар. Вышел на балкон. Открыл окно. Небо заволакивало тучами. Порыв ветра, подметавшего улицу, забил ноздри пылью. Асрор глянул вниз. С пятого этажа казалось, что пять саженцев черешни, посаженные им, могут поместиться на ладони. За ними — гараж. Отец несколько раз за ночь встает и смотрит с балкона — все ли в порядке. Подумалось, если отец, не приведи Аллах, вдруг увидит угонщиков, то бросится на них с пятого этажа.

«Если сюда приедет милиция, то с балкона брошусь я... Лучше смерть, чем тюрьма!»

Асрор попятился, оказался в кухне. Крепко запер балконную дверь. Отвернул кран и подставил под холодную струю лицо. Услышав шорох за спиной, резко обернулся. Мать...

— Что с тобой? — встревоженно спросила она, ласково пригладив волосы Асрора.

— Что-то не спится...

— Это от усталости. Я слышала, вчера на свадьбе вас замучили. Иди, приляг еще. Если не сможешь заснуть — считай, хоть до тысячи. Сам не заметишь, как заснешь.

Асрор вернулся в свою комнату.

...Вот наряд милиции во главе с мертвецом подходит к дому. Мертвец вскрикивает: «Где мой убийца? Где мой убийца?!» Асрор было обрадовался, что убитый жив, но тут наряд милиции входит в его подъезд... Вскоре раздается звонок...

Асрор в ужасе вскочил и, сообразив в чем дело, хлопнул по кнопке будильника. Снова спрятался с головой под одеяло. Его бил нервный озноб.

— Ты проснулся, сынок? — поинтересовалась мать, приоткрыв дверь.

«Чего я, собственно, так боюсь? — пытался он себя успокоить. — Ведь я же не убивал его! Не убивал. Ну, пнул разок. И главное — после того, как он ударил ножом Салима!»

Асрор заставил себя проглотить завтрак и поспешил из дому. На улице произвольно огляделся: ничего подозрительного. На углу его, как обычно, поджидала Дильфуза. Каждое утро она с улыбкой встречала его, но сегодня явно подавлена.

«Наверное, и она не спала», — подумал Асрор.

Они кивнули друг другу и молча пошли рядом, словно только что повздорили.

— Что теперь будет? — спросила шепотом Дильфуза.

Асрор ничего не ответил.

— Если бы Шамиль не начал... — попыталась она продолжить, но Асрор злобно прервал ее:

— Шамиль и не начинал ничего! Тот сам вытащил нож! И вообще... тебя там не было вчера! Ясно?

— А вас? — Дильфуза взяла Асрора за локоть и остановила. — А вас?

— Меня?.. Не знаю...

— Вас тоже там не было. Мы были вместе... в кино. У меня есть свидетели.

— Свидетели?..

— Да, я сказала папе, что мы были в кино. Он может подтвердить.

Асрор не успел ответить. Кто-то окликнул его сзади. Их нагонял одноклассник Асрора Заир.

— Вчера мы с Турабом заходили к тебе, — сказал он. — Мама сказала тебе, что мы заходили?

— Вчера... мы были в кино, — ответил с запинкой Асрор и невольно оглянулся на Дильфузу: та кивком подтвердила его слова. — А в чем дело?

— Сестра Тураба выходит замуж! Двадцать первого они устраивают той. Вы бы могли оживить этот праздник...

— Двадцать -первое. Суббота? Не знаю. Может, отец договорился с другой свадьбой и уже получил аванс.

— Но ты же обещал!

— Да, обещал, но в обычный день. По пятницам, субботам и воскресеньям мы бываем заняты.

— Ну, а если мы заплатим?

— Кто заплатит?

— Какая тебе разница? Передай отцу, что мы заплатим... —

И Заир умчался, словно опаздывал.

Асрор и Дильфуза заметили его обиду и то, что он постеснялся идти рядом с ними, но им было не до подобных мелочей.

Возле кинотеатра Асрор украдкой глянул на тополевую аллею, на скамейку, где обычно сидит Камариддин.

В прошлом году именно здесь и именно в это время Камариддин впервые подозвал его. До того Асрор знал о нем только то, что Камариддин недавно вышел из заключения.

— Много нашибал вчера на свадьбе? — ласково поинтересовался Камариддин.

Ноги стали ватными, в горле пересохло. А Камариддин, покровительственно положив ему руку на плечо, посоветовал мягким, но не допускающим возражения тоном:

— Комиссионные надо отстегивать. И не пряться от нас. Со мной тебя никто не тронет... — И Асрор понял, что придется утаивать от отца часть свадебных денег.

Так они познакомились. А позже и сам Асрор сживал в компании под тополями, и Камариддин перестал взимать с него дань...

Сейчас их место пустовало.

«Попрятались по норам», — мрачно подумал Асрор.

Когда они свернули на школьную улицу, Асрор пошел вперед, оставив девушку у ворот.

— Увидимся сегодня? — спросила вслед Дильфуза.

— Не знаю...

Дильфуза учится в восьмом. Ее дружба с Асрором уже вызывает в школе разные пересуды. Вчера ее классный руко-

водитель провела с Дильфузой «воспитательный час». Потому они и расстались, не доходя до школы.

Дело о пенсии

Служба инспектора розыскного отдела майора Максуда Салиева завершалась вполне достойно. Последнее дело закрыто: вчера за полночь арестован главарь шайки, за которым он охотился последние три месяца.

— Ну вот, — бодрым тоном сообщил он за завтраком жене, — сегодня поднимут мое заявление, и будем предаваться радостям стариков.

— Уж кто бы говорил! — усмехнулась жена. — Ни за что не поверю, чтобы вы усидели дома.

В действительности срок пенсии подошел еще в прошлом году, но Салиев и подумать не мог об уходе, просто сердце обрывалось. Но когда стало плохо калявать в груди, появилась одышка, так и подал заявление.

Все было решено, однако как только показалось здание милиции, ноги сами замедлили шаги. Майор с робостью вошел в вестибюль. «Хоть бы шефа не оказалось на месте», — подумал он. Но дежурный сразу сообщил ему:

— Вас начальник ищет, срочно.

«Все... — оборвалось что-то в душе. — Сейчас будет со мной прощаться... Чем же я завтра буду заниматься?..»

В кабинете начальника РОВД сидел незнакомый Салиеву человек.

— Поздравляю, поздравляю, — поднялся навстречу ему подполковник. — Спасибо вам за отличную работу. — Обнял майора за плечи.

Потом занял свое кресло и представил незнакомца.

— Товарищ Имамалиев сообщил, что вчера вечером несколько хулиганов избили человека и бросили в воду.

— Где? — моментально забыл о пенсии майор.

— Пивная «Чехра»... В ста метрах от нее, на берегу Анхора, — пояснил подполковник.

— Вы узнали кого-нибудь? — задал вопрос Салиев.

— Нет, я же говорю: шел мимо и случайно посмотрел в ту сторону. Сначала били руками. Когда он упал — ногами. Потом... наверное, он умер, и его сбросили в воду.

— А вы не пытались крикнуть, отогнать хулиганов или привлечь внимание к драке?

— Извините, — покачал головой Имамалиев, поднимаясь, — разбираться с хулиганами — ваша работа. Я свой долг выполнил, поставив вас в известность.

— Громадная вам благодарность, — протянул ему руку подполковник. — Извините, если понадобится, придется вас побеспокоить еще.

— Сколько было хулиганов? — спросил майор, когда Имамалиев был уже у двери.

— Пять-шесть.

— А возраст?

— Трудно сказать. Темно было. Думаю, что пацаны.

— Прошу вас: пока никому ни слова о том, что вы видели.

Имамалиев кивнул и вышел.

— Итак, что будем делать? — хитро посмотрел подполковник на Салиева. — Может, сами и займетесь этим делом?

— А как же заявление? — растерялся майор. — Мы же договаривались...

— Вот оно, заберите. Рано еще вам, — протянул он Салиеву листок, — неужели хотите уйти в самом расцвете сил и богатстве опыта?

— Но здоровье... — возразил майор, тогда как рука уже тянулась к заявлению.

— Доведите это дело до конца, посмотрим, — резюмировал подполковник.

«Как удачно все получилось», — подумал Салиев, выходя из кабинета.

— Товарищ майор, — подошел к нему в коридоре Имамалиев. — Я вспомнил — среди них была девчонка. В сторонке стояла.

— Она не кричала, не звала на помощь?

— Нет, я бы услышал.

— Вы сможете завтра часов в пять утра подойти к пивной?

— Если надо, приду.

— Спасибо. Если припомните что-нибудь еще, звоните, — протянул ему Салиев свою визитку.

«И на том спасибо... — мрачно подумал майор, глядя вслед Имамалиеву. — А ведь мог же спасти беднягу! Наверняка и другие в пивной видели драку...»

Из своего кабинета Максуд Салиев вызвал инспектора по делам несовершеннолетних. Не успел положить телефонную трубку, как в кабинет вошел начальник отдела с молодым парнем.

— Принимайте под свое крыло, майор. Талгат Шамуратов. Практикант. Второй курс. Служил в Афганистане. Так что силы и смелости не занимать. А знания и опыт — по вашей части.

Майор подробно расспросил Талгата о жите-бытье, о семье и службе. Потом перешел к делу.

— Есть у меня задумка, — сказал Салиев. — Пиво любите?

«Счастливое детство»

На первом уроке Асрор ушел в себя, благо, никто ему в этом не препятствовал. Математичка давно побаивалась этого вундеркинда и с большой неохотой входила в класс. Ее знания не выходили за пределы программы, Асрор же мог свободно порассуждать и о теории чисел, и о теории вероятности, о научном наследии аль-Хорезми, о даровании Бернулли.

Посему чем меньше Асрор принимал участие в уроке, тем спокойнее было пожилой и усталой женщине.

Перед началом второго урока — географии — Асрор почувствовал приближение грозы. Не только извне, но и внутри себя. Все в школе боялись тощей и озлобленной учительницы, готовой в любой миг сорваться на крик. Объясняли такое поведение ее одиночеством, но от объяснения деготь не станет медом. Именно она вчера как классный руководитель Дильфузы запретила той встречаться с Асрором.

Почему она к Дильфузе пристала? Если лезут в голову гадости, то надо было говорить с ним! Впрочем, все ясно: он отличник, гордость школы, а Дильфуза — детдомовская. Когда умерла ее мать, а отец попал в аварию, она с младшей сестренкой и братишкой два года жила в детдоме, пока отец не забрал, сказав: «Пусть ухаживает за мной». И учится так себе. Поэтому на нее можно всех собак вешать.

Асрор угадал: первым учительница вызвала его.

— Ну, Мирисаев, — спросила она презрительным тоном, — из чего видна зависимость стран Латинской Америки от внешнего рынка?

Все же откровенная издевка в ее взгляде в голосе превзошла ожидания Асрора. Он был ошеломлен. Но одновременно почувствовал, как со дна души поднимается ответная злость.

— Слушаем-слушаем вас, господин Мирисаев. Быть может, по конфигурации транспортной сети? — прибавила географичка, скучающе разглядывая что-то за окном.

— Видите ли, госпожа Азизханова, я как-то не интересовался зависимостью стран Латинской Америки от внешнего рынка, — развязно, вторя ее тону, ответил Асрор.

— Ах, даже так? — встрепелась учительница на «госпожу Азизханову». Губы ее дрогнули: — Чем же вы интересовались, господин Мирисаев?

— Только внутренним рынком, госпожа Азизханова.

Грозовую напряженность ощутил весь класс, и потому возникший было смешок ребята приглушили сами. Учительница вдруг поняла, что, кажется, потревожила осиный улей, что этот мальчик с длинными ресницами и умными глазами, обычно такой скромный, знает о вчерашнем «воспитательном часе» и ни за что теперь не уступит ей.

— Прекрасно, — деланно улыбнулась она, сжав пальцами классный журнал, — не соблаговолите ли сообщить нам, каково положение на внутреннем рынке?

— Из рук вон, — сказал он, шумно вздохнув, — сборщики налогов совсем житья не дают. Суются, куда их не просят: здесь не стой, там не торгуй, этот товар не годится. Хоть бы еще понимали что. Какое уж тут положение — аховое...

Сдавленный смешок прошелестел по классу. Учительницу передернуло.

— Вы переутомились, господин Мирисаев, вам крайне

необходимо отдохнуть, а еще лучше — подлечиться, — подчеркнула она последнее слово.

— А мы уже вчера отлично отдохнули. Два фильма посмотрели — усталость как рукой сняло, — ответил он и подумал: «А здорово я про кино ввернул!»

— Вы... вы свободны, господин Мирисаев, — отчеканила учительница, указав на дверь. — Продолжайте свой отдых.

— До встречи в кабинете завуча, — склонил голову Асрор и, подхватив портфель, не торопясь вышел.

В классе поднялся смех, но учительница ударом ладони по столу оборвала его.

Асрор медленно шел по коридору. И зачем ему это было нужно, мало ему вчерашнего. Хотя, ведь если бы не она, то его бы не было вчера на берегу Анхора. Он устал после ночного бдения на очередной свадьбе и намеревался вчера после уроков пойти домой отдохнуть. Даже в мыслях не было встречаться с Камариддином! Но проходя мимо кинотеатра, увидел Дильфузу в их компании — она искала Асрора, чтобы рассказать о разбирательстве в кабинете завуча. Он озлился, вернулся к компании за сигаретой. Тут спохватились, что сигареты кончились, и Шамиль с Салимом подошли к мужчине, вышедшему из пивной.

— Поджидаете, дерьмецы! — вдруг заорал тот на них. Что-то там еще произошло, Шамиль отлетел, подбежал Камариддин. Мужчина принялся беспорядочно махать кулаками, потом выхватил нож и саданул Салима в бедро. Тогда и началось: они набросились на обидчика скопом...

И во всем этом виновата учительница географии — с нее все началось!

Сразу после звонка к нему подбежал Атаула, старавшийся всегда держаться поближе к Асрору.

— Ну, ты даешь, босс! — покрутил он кудрявой ухоженной головой. — Нашел с кем связываться! География у нас последний год. Оценка в аттестат идет!

— Подумаешь...

— Да, — вздохнул Атаула, — легко тебе говорить. У тебя голова! Только... ты не кипятись. Я извинился за тебя.

— А, фиг с ней. Бери эту пятерку себе.

— Мне и четверка сойдет... В гробу я видел экономику Бразилии. А вот экстремумы функций, о которых ты говорил, у меня поперек горла стоят и в голову не лезут. А пахан голову снимет, если не наберу к нархозу приличного балла. Ты его знаешь...

Кто же не знает отца Атаулы, заведующего двухэтажным магазином.

— А на кой ты мне это долдонить? — удивился Асрор.

— Вай, босс, нервный какой. Я тебя помирю с географичкой, а ты замолви своей старушке... Пусть войдет в положение: все равно эти леммы-теоремы мне не по зубам — с меня хватит и таблицы умножения. Пусть не морочит мне голову.

— О кей' — брезгливо согласился Асрор, лишь бы Атаула отстал.

— О, заметано. Завтра сдам кусок.

— Какой кусок?

— На свадьбу... Ты же сам сказал.

Асрор рванулся к классу. «Ах вы байчики! Деньги мне собираете! Душу из Заира вытрясу!..» — Но тут прозвенел звонок, и вошел учитель литературы.

— Значит, так, — провозгласил он, внимательно окинув взором класс, — литературу тридцатых годов отложим до следующего урока, а сейчас — сочинение на свободную тему: «Счастливое детство». РайОНО интересуется вашим мнением по этому поводу.

— Всем писать? — спросил любимец литератора Заир.

— Тебе особое приглашение, дорогой Заирали.

— Но сочинение-то свободное?

— Демагогия... Начинайте, начинайте, не теряйте времени.

— Самад-ака, мы уже не дети. Детство прошло. Тема не по адресу.

— О, мой милый Заирали, детство кончается, когда человек способен отвечать за свои поступки сам, не сваливая на других. Для многих это время не наступает никогда... Но даже повзрослев, вы не расстанетесь с детством, потому что оно часть вашей души. Лучшая, быть может, часть.

— Самад-ака, — не сдавался Заир. — Может быть, так и написать: «Прощай, детство»?

— Не я придумывал тему. Да и разве в названии дело?

Асрор вырвал из тетради двойной лист, написал на нем «Счастливое детство» и задумался.

«Прав Заир. На свободную тему нельзя писать принудительно. Это даже и жестоко. Что может написать о счастливом детстве, к примеру, Тураб, тело брата которого привезли из Афганистана в цинковом гробу. А мать, не выдержав горя, сошла с ума и теперь в психушке. Семеро детей мал-мала меньше на попечении отца... А Манзура? Отец их бросил. Что она напишет?.. Да и Атауле не просто. Не напишет же он: «Я счастлив, потому что у моего отца много денег».

А если эту тему предложат Дильфузе? Ей что, писать о капризах отца, инвалида без двух ног? Или о том, каково жить в детдоме?

Заир только, пожалуй, хоть и препирается, найдет, что написать. Во-первых, талант — уже в газетах печатается; во-вторых, и вправду ему повезло. Семья небольшая, дружная. Детей — только он да младшая сестра.

Ну, а сам я? О чем мне писать? О том, как ублажаю на свадьбах гостей? Или о вчерашнем? Тысяча проклятий!

По устремленным взглядам Асрор вдруг понял, что последнюю фразу произнес вслух. Покраснев, он быстро собрал вещи и вышел из класса.

— Босс заболел... — услышал он вслед.

Милицейские будни

Анхор в это время года относительно спокоен, и подводные поиски длились недолго. Труп выловили, отправили на экспертизу. В руках майора Салиева осталось удостоверение, обнаруженное в кармане жертвы, на имя Миркасима Миртиллаева, рабочего авиационного объединения.

Осмотр места происшествия никаких вещественных доказательств не дал, даже окурков. Только трава примята и один четкий след в глиняной плеши, словно кто-то специально расчистил и примял место, чтобы наступить полной ступней.

Было над чем задуматься.

Ближе к полудню Талгат Шамурадов оказался возле пивной. Здесь вовсю кипела работа: загружали пустыми бутылками бортовую машину. Другая, с полными, дождалась разгрузки.

— Помочь, шеф? — предложил свои услуги Талгат.

— Четыре бутылки, — сразу назначил цену хозяин.

— Шесть.

— Пять.

— Шесть.

Время было дороже — заведующий согласился.

По окончании разгрузки он выставил на стол перед Талгатом шесть бутылок.

— Поставь в холодильник, — отмахнулся Талгат. — В одиночку не пью, пусть люди придут. Кстати, шеф, если не возражаешь, пару месяцев я вам буду помогать. Пока получу паспорт и устроюсь на работу. Но вы меня не бойтесь, не рэкетир. Зато если кто возникнет против вас, будет иметь дело со мной. Вот ксива.

— Так за что ты сидел? — ничего не понял в «Свидетельстве об освобождении» хозяин.

— Там же ясно написано: 204-я. «Хулиганка». Челюсть одному свернул.

— За шесть бутылок, говоришь? — задумался хозяин.

— Шесть — за разгрузку, и сорок буду покупать.

— Зачем тебе?

— Надо удовлетворять потребности людей, когда ваш дворец закрыт...

— Ерунду несешь, занимайся своим делом. Хлопот из-за тебя потом... — Он не договорил, так как Талгат схватил его за грудки. Сын заведующего бросился было на помощь, но Талгат ногой слегка ткнул его в пах, и парень, визжа, отлетел.

— Не суйся, парень, — бросил ему Талгат. — Мы с твоим папулей сами договоримся...

— Договорились, — прохрипел хозяин. — Только торгуй подальше отсюда. Вон под тем мостом, например.

— Это уж мое дело. Вернусь через два часа. И чтобы мой вчерашний столик был свободным...

Через два часа, как и рассчитывал Талгат, за «своим» столиком он обнаружил троих битков, развалившихся на стульях. Ясно, что хозяин пожертвовал еще десятком бутылок, чтобы поставить Талгата на место.

Талгат приблизился к парням и подозвал хозяина.

— Вы предупредили их, что столик занят?

— Да, — машинально ответил растерянный хозяин.

— Тогда принесите мою записку, а братишки пока освободят место.

«Братишки» переглянулись, но остались на месте. Талгат пригласил их на «мужской разговор». Вся троица одновременно поднялась и вышла на улицу. Талгат прислонил стулья к столу, попросил соседей сказать, что столик занят, и последовал за парнями.

Заведующий пивной внимательно следил за инцидентом, но все равно не заметил, отчего трое парней враз разлетелись в стороны. Снова бросились на Талгата, и снова разлетелись. В пивную они вернулись уже друзьями. Поняв, что этот раунд проигран, хозяин принес пиво, вежливо поставил на столик и молча удалился.

Парни довольно долго отходили от «дискуссии», и Талгату стоило большого труда разговорить их.

Через три стола от них сидел косоглазый парень с двумя подростками.

— Кто это? — спросил Талгат.

— Косой-то? Камар, — ответил один из новых «приятелей».

— Часто здесь?

— Когда каждый день, а когда и нет подолгу.

— У него деньги водятся?

— Большие вряд ли. Мелкоту вокруг себя обирает.

— Отнеси ему на стол две бутылки, потом самого пригласи, — распорядился Талгат.

Камариддин принял пиво нехотя. Потом шепнул на ухо одному из подростков, и тот, купив восемь бутылок пива, поставил их на столик Талгата.

— О, этот ваш Камар парень что надо, — оценил Талгат. — Иди-ка, пригласи его. Скажи, Грегор зовет.

Камариддин не спешил, допил стоящее перед ним пиво и лениво подошел. Талгат, не поднимаясь, протянул ему руку. Камариддин поздоровался только кончиками пальцев.

— Садись. Я — Грегор, не слышал?

— Грегоров много. Ты который?

— С «курорта» вернулся.

— И таких полно. Тебе чего?

— Нужны место и деньги, пока не пущу корни.

— Ищи, если нужно.

— Не поможешь?

- Я такими делами не занимаюсь.
- Ты забыл закон гостеприимства, может, напомнить?
- Попробуй, — поднялся Камариддин.

После того, как Камар профессионально парировал несколько ударов, Талгат прекратил драку.

- А ты парень что надо, давай корешовать.

— Держись от меня подальше, Грегор! — резко ответил Камар, оставив протянутую руку Талгата висеть в воздухе. Он позвал поджидавших его пацанов и пошел по улице.

Талгат пожал плечами и вернулся в пивную.

Человек, затаивший обиду

Проходя мимо кинотеатра, Асрор посмотрел на тополевую аллею. Камариддин в одиночестве сидел на скамейке, дымил сигаретой. Своих «шестерок» он, видимо, куда-то отослал.

- Где был вчера? — поинтересовался Камариддин.

— В кино.

— Профессор! Голова работает, — одобрил Камариддин. — А я только сегодня приехал из Ферганы. Вот, — показал он билет, — считай, только что сошел с поезда, и никаких «вчера». Лишь бы ты не сорвался...

- А как там Салим? — спросил Асрор.

— У Салима все о'кей... Профессор, да на тебе лица нет! — взгляделся Камариддин. — Брось, не думай! Сам сяду, но тебя не потяну. И всем наказал: не было тебя среди нас! Потому что у тебя голова светлая — тебе учиться надо. Запомни: даю тебе пятнадцать лет, — возбужденно продолжал вожак, — если за этот срок не станешь профессором — сделаю тебя вором. Понял? — Он хлопнул Асрора по плечу.

Не в первый раз он заводит подобные речи, и не может понять Асрор: то ли шутит Камар, то ли всерьез говорит.

— Вот тебе мой совет: после школы уходи из дома. Отец твой — дерьмо человек. Да!.. Раз он не хочет, чтобы ты учился, — я буду тебя учить. Деньги получишь вместе с аттестатом. Если до того меня загребут, письмом сообщу: книгу возьми там-то или у того-то. Понимай, что деньги. Распоряжайся ими по своему разумению. Но если не будешь учиться, если профукаешь их — убью. Выйду и убью...

Нет, Камар не шутил. Вчера еще Асрор убедился, что вожак исполняет свои угрозы с тем же хладнокровием, с каким их произносит. Он не суетился, не дергался. Спокойно обшарил карманы убитого, подтянул его к воде. Потом четверо раскачали тело и швырнули в Анхор. Словно тяжелый камень погрузился в воду. «Разбегаемся, — сказал Камар. — И зарубите на носу: сегодня мы не виделись!» — И в голосе ни волнения, ни испуга. Разволновался Камар сейчас, когда вдруг перешел на напуганный, вернее даже, на отеческий тон:

- И еще один совет. Не женись на этой красотке, не будет

она тебе хорошей женой. Даже если втрескался по уши — не женись! Сначала она будет любоваться тобой и выставлять напоказ, какой ты у нее замечательный, а потом и растранижит твою жизнь на пустыки... Тебе не это нужно!

— Но... Она нравится мне, ты же знаешь... — возразил Асрор.

Камариддин не стал настаивать. Вытащил пачку крупных купюр и протянул Асрору:

— На, держи, отдай своей красавице.

— Не возьмет она. Это... вчерашние?..

— Не твое дело! Скажи, что твои. Сам же говорил, что ее отцу нужна новая коляска. — Камариддин вложил деньги в ладонь Асрора.

— Ты говоришь так, словно собираешься уезжать, — заметил Асрор, засовывая пачку в карман.

— Все нужно делать вовремя... Уезжать не собираюсь. Только вернулся из путешествия, не так ли? — ухмыльнулся Камариддин.

— Камар, зачем ты взял деньги у убитого?..

— Деньги — народное достояние. А оно не должно гнить в воде. — Добродушие как не бывало на лице жоака. Вновь что-то жестокое и злое проступило в его усмешке. Который же он настоящий?..

— Ладно, Камар, я пошел, — поднялся Асрор. — Пойду проведаю Салима.

— Зайди в аптеку, бинта побольше купи. Надо перевязать Салима...

Асрор многое знал о жизни Камариддина — как никто в их компании.

Камариддин открыл глаза в роддоме, в доме малютки начал ходить и что-то осознавать — в детдоме. Отца он не знал никогда, а о том, что у него есть мать, узнал в третьем классе.

Была весна. Пышно цвели деревья. Солнце било в директорские окна. Красивая женщина с короткой прической, яркими глазами и губами, в белых брюках и кофточке, раскрыла навстречу объятия: «Сынок! Сыночек мой...» Он лишь недоуменно смотрел на нее и не двигался с места.

Ведь раньше, как и все дети, он ждал, что придут взрослые и усыновят его. Но никто не взял, потому что и глазами немного косил, и косолап был, как медвежонок. Даже бабушка не забрала.

Потом пришло сознание: как же взрослые его заберут, если они не его родители. Например, у толстушки, которую прозвали Терешковой и с которой Камариддин часто играл, родители взорвались в космическом корабле, на пути к Солнцу. А его папа и мама героически погибли при штурме Берлина. В последний день войны. Правда, с началами арифметики выяснилось, что родился он гораздо позже конца войны, и его родители погибли не в Берлине, а... спасая людей во

время ташкентского землетрясения. Так что эта женщина жлет. Никакая она ему не мать!

Камариддин не подошел к матери ни в первый раз, ни во второй, ни в третий. И ей не позволил приблизиться.

Правду, банальную и горькую, в конце концов открыла ему бабушка: «Я обрадовалась, узнав о твоём рождении. Но когда в день выписки пришла вас встречать, то встретила одну твою мать. Она была очень молода. Не хотела ломать себе жизнь.... Я надеялась, что все образуется, когда она выйдет замуж. Опекунства над тобой мне не дали, но зато я выбрала тебе имя, назвала Камариддином, чтобы лик твой был всегда светел, как месяц, сынок...»

Мать не показывалась после того года два. И забрала его только на похороны бабушки, рассчитывая, что он останется с ней. Здесь Камариддин узнал, что бабушка вовсе не была ему бабушкой, а квартирной хозяйкой матери. Через два дня он вернулся в детский дом.

А дальше истории все криминальные.

В шестом классе Камариддин избил трех ребят, которые не желали, чтобы он проходил в школу по их улице. Они учились в той же школе, были даже постарше и, видимо, не знали, что «подкидьш» уже два года занимается боксом. На крики из ворот ближайшего дома выскочил толстый человек, отец одного из поверженных. «Они первые начали!» — крикнул Камариддин, ожидая, что взрослый восстановит справедливость. Но получил мощную затрещину. «Пошел вон, мерзавец! Дерьмо детдомовское!» — орал тот, брызгая слюной. По жалобе родителей тех ребят Камариддина едва не исключили из школы, долго прорабатывали в детдоме.

Через неделю на той же улице к Камариддину вновь подступили «байчики». На этот раз впятером. «Я пришел извиниться перед тобой», — виновато проговорил Камариддин Назиму, главному своему обидчику, и вдруг неожиданным жестоким ударом сбил его на асфальт. Дружки вмиг рассыпались в стороны, визжа на всю улицу. Из ворот выбежал отец Назима, как был дома, в пижаме. Но Камариддин уже сжимал в руке увесистый камень. Размахнулся. И огромный человек, обхватив голову руками, рухнул перед ним. Вторым камнем Камариддин разбил стекло стоящей перед домом голубой «Волги» и убежал.

Через пять дней его отловили в Кзыл-Орде, отправили назад. После разбирательства определили в спецшколу для трудновоспитуемых, окруженную забором с колючей проволокой. Здесь тоже не скупилась на слова о том, что такое хорошо и что такое плохо, с той лишь разницей, что слова здесь подкреплялись командами, конвоем, карцером.

После восьмого класса Камариддин вернулся к матери — она взяла его на поруки. Милиция припустила его в ПТУ, но он туда не ходил и целыми днями шлялся по улицам.

Однажды, распив с друзьями несколько бутылок «Мусал-

ласа», Камариддин зашел домой на взводе. На кухне сидел ухажер матери. Сев напротив, Камариддин потребовал, чтобы ухажер бросил свою семью и женился на его матери. Тот направился к выходу. Мать пыталась образумить Камариддина, но он догнал ухажера в прихожей и изругал грязными словами. Мужчина наконец, не выдержав, закатил подростку пощечину и тут же сам, согнувшись, опустился на пол — Камар боднул его в живот. Хотел еще добавить, но мать оттолкнула. «Ну, ладно», — выдавил Камар, бросился на кухню и схватил большой нож. Вернувшись, увидел мать сидящей на стуле и как бы баюкающей голову ухажера. Она закричала, увидев нож, но было поздно: прыгнув, Камариддин вонзил его в шею мужчины. Хотел сгоряча и мать порешить, но что-то удержало его руку.

Потом был суд. Два года детской колонии, а после — восемь лет взрослой зоны сделали Камариддина, как он сам говорил, «академиком» криминального мира.

Мать не встретила его из тюрьмы. Он сам пришел к ней и стал жить в ее квартире. Нужна была крыша над головой...

Все это Камариддин рассказывал Асрору в минуты особенного настроения, а потом обещал выгучить его «на профессора». Все это было понятно и даже в книгах встречалось, но Асрор не мог постичь одного: почему именно он, Асрор, стал целью благотворительных желаний вожака. И как себя вести, если в ответ чувствуешь не благодарность, а, пожалуй, страх. Асрор боялся Камариддина после вчерашнего убийства. И эти деньги, извлеченные из карманов убитого...

Дверь в квартиру Камариддина не была заперта. Салим лежал в одиночестве на диване и стонал.

— Болит? — спросил Асрор, подойдя.

Салим ничего не ответил, закрыл глаза. Вид страшный, лицо белое, как простыня. Асрор потрогал его лоб. Горячий.

— Может, доктора позвать?

— Нет, — произнес Салим. — Из-за такого пустяка... Попить дай... горит все внутри...

Сделав глоток, Салим снова застонал.

Асрор откинул одеяло. Бедро было забинтовано. Кровь проступила сквозь бинты.

— Давай сменю повязку, — предложил Асрор.

— Не трогай! — замотал головой Салим. — Камар йодом залил. Заживет... Зачем пришел?

— Как это зачем? Проведать.

— Больше не приходи. Вчера тебя не было. Ты ничего не знаешь.

— Камар сказал?

— У самого голова на плечах.

— Салим, я ведь тоже пнул его, — запротестовал Асрор. — Мне кажется, он умер именно после этого.

— Не знаю, я не видел тебя там.

— Да что ты за человек?! — распалился вдруг Асрор. — Он же тебя ножом ударил! Мы имели право его убить!

— Дурак! — простонал Салим. — Не имели мы никакого права... Уходи...

Асрор не шелохнулся, не веря, что Салим действительно его прогоняет. Видимо, боль слегка отпустила, Салим открыл глаза.

— Передай моим, что меня срочно забрали на соревнования. Дай воды...

Утолив жажду, Салим вздохнул.

— Подай-ка сигареты.

Асрор протянул ему пачку, лежавшую на столе. Салим дрожжащими руками вытащил сигарету и понюхал. Раздраженно отбросил. То же проделал и со второй, третьей и, наконец, смял всю пачку. «У, сволочь, не оставил!» — заскрежетал он зубами. Асрор понял, что требовалось Салиму.

— Ищи же! — крикнул на него Салим.

Асрор осмотрел комнату, но ничего не нашел. Салим стал изрыгать проклятия на голову Камара.

Асрор поставил у его изголовья чайник с водой и ушел.

Дом Салима приютился на другом берегу Анхора среди громадных многоэтажек, обступивших его со всех сторон.

Переходя речку по мосту, Асрор вдруг остановился и долго смотрел в воду, словно кого-то увидел. Нет, ему ничего не могло померещиться. Ведь того человека бросили гораздо ниже по течению. Асрор поспешил дальше и перестал оглядываться, только когда Анхор остался за домами...

Хибарка из двух комнат и веранды, полвека назад выстроенная дедом Салима, казалось, готова рассыпаться. Отец Салима, хромой то ли от рождения, то ли от несчастного случая, торговал по улицам семечками и куртом. Дом держался на матери, крутившейся с утра до вечера. Но как уследить за всеми: одиннадцать детей. Так и вышло, что две сестры Салима нагуляли детей, продавая по домам молоко. Одной удалось организовать свадьбу, другая так и осталась...

Асрор с Салимом дружили с детства, вместе учились. Но после восьмого класса Салим ушел в ПТУ, чтобы помочь семье. А семья Асрора переехала в новую многоэтажку.

— Твоего друга нет дома, — сообщила мать Салима, мяся болтушку для коровы.

— Я знаю, — кивнул Асрор. — Он просил передать, что срочно уехал на соревнования.

— А, пропади пропадом его бокс!

— Вернется после соревнований.

— А куда денется, явится, как мулла на ишаке, на все готовенькое. А я должна тут на них спину гнуть... Как мать твоя горемычная? Пусть заходит, поболтаем.

Асрор усомнился про себя, что у нее найдется время поболтать.

Обратно через мост он шел, не глядя на воду и изо всех сил удерживая взгляд на верхушках деревьев. И это ему удалось.

Вторая нить одного клубка

Заключение экспертизы оказалось неожиданным — покойный Миркасим Миртиллаев скончался не от побоев. Он был жив, когда его сбросили в воду. Убийцы поторопились.

На заводе, где работал Миртиллаев, майор Салиев выяснил, что накануне тот получил зарплату, в основном мелкими купюрами. Значит, деньги могли заметить и напасть с целью ограбления. Много ли нужно подросткам. Отношения с рабочими, по словам начальника цеха, были нормальными, правда, последний вот случай — повздорил с учеником. Потребовал, чтобы того уволили за нерадивость.

— Фамилия, адрес? — заинтересовался Максуд Салиев.

— Кельдияров Санджар, — уточнил по журналу начальник цеха. — А вот и адрес.

Салиев отметил, что покойный жил в одном районе с Кельдияровым.

С завода он направился в инспекцию по делам несовершеннолетних.

— Двадцать третий дом на вашем участке? — спросил он лейтенанта Муллакузиева. — Кельдиярова Санджара знаете?

— Как же...

— На учете состоит?

— Должен бы, но...

— Ну-ка расшифруйте ваше «но».

— Товарищ майор, этого парня лучше не трогать. У его отца очень длинные руки...

— Благодарю за предупреждение, — холодно ответил Салиев. — А теперь, пожалуйста, о подвигах Кельдиярова.

— Кельдияров с четырьмя друзьями купил японский видеоманитофон...

— На какие деньги?

— Полагаю, на родительские... Открыли нелегальный видеосалон и крутят видики.

— Бесплатно?

— Кто же сейчас что-то делает бесплатно... Когда мы накрыли их, раздался звонок.... После этого папаша Кельдияров устроил сына на завод.

— Это все?

— Ну... обнаружили анашу. Покуривали они там...

— Что еще? — требовал Максуд Салиев, чувствуя по ускользающему взгляду лейтенанта, что еще не все сказано.

— Да вот... Я был возмущен, когда дело замяли. Этот байский отпрыск ввалился с компанией ночью в больницу и потребовал от дежурного врача наркотиков. Когда тот отказал,

его избили. А потом... потерпевший от своих показаний отказался. То ли подкупили, то ли припугнули...

Салиев и прежде встречался с нападениями наркоманов на дежурных врачей. Оказывается, вон куда ниточка тянется. Не есть ли убийство Миртиллаева — мафиозная разборка?

— Проводите меня к Кельдияровым, — распорядился майор.

Дверь открыл кудрявый, круглолицый парень. Узнав лейтенанта, он презрительно поджал губы.

— Санджар, родители дома? — поинтересовался лейтенант.

— Нет, они на курортах.

— Почему ты не на работе? — резко спросил Салиев.

— А я в отпуске. А какое вам, собственно, дело?

— Когда ты в последний раз видел мастера Миртиллаева? — не изменил тона майор.

— А черт его знает... Сто лет назад, тысячу. Вообще бы его не видеть.

— Это правда, что он ударил тебя на заводе?

— А что с него взять? — махнул рукой Санджар. — Быдло.

— Как это произошло?

— Да надоел он мне: «Труд создал из обезьяны человека, а если человек не будет трудиться, то снова превратится в обезьяну». Ну, и в таком духе.

— А ты?

— А я сказал, что в его случае именно труд превратил человека в обезьяну, что пришел конец их долбаной диктатуре и гегемонии, когда ишак поучал человека.

— А он?

— Врезал мне своей обезьяньей лапой. Довольны? — усмехнулся Санджар. — А я, между прочим, пальцем его не тронул.

— Но отплатить, наверное, хочется? — улыбнулся Салиев.

— Поживем — увидим. Пресс-конференция окончена.

— Значит, ты один? — вновь спросил майор.

— Так точно, — отрапортовал Санджар.

— Что же ты нас в дом не приглашаешь?

— А папуля запретил пускать посторонних... К тому же, чтобы войти в дом, вы обязаны предъявить какую-то бумажку от прокурора. Или я ошибаюсь?

— Рад, что ты знаешь закон, — ответил майор. — Ладно, будь здоров.

И они вышли на улицу.

— Будьте у себя, я позвоню вам, — сказал майор вопросительно смотрящему на него лейтенанту.

Настроение было испорчено. Старость не радость: его нервы, видно, уже не годятся для оперативной работы, так и рвется наружу брюзгливость и желание порассуждать. На-

пример, о кастовой наглости молокососа, которая хуже и опасней обычного криминального хамства. Ведь одно дело — молодцеватость уголовного, гордого своими «университетами», и совсем другое — когда само уголовное право попирается в основе. Когда понятия вины и возмездия зависят от «длинной руки»... Интересно, что будет делать старший Кельдияров, если Санджар окажется одним из убийц Миртиллаева? На какие рычаги нажмет? И не ждет ли его, Максуда Салиева, позорное завершение службы?..

— Действительно, у Кельдиярова были руки длинные, — уточнил служащий в городской прокуратуре, старый знакомый Салиева. — Этого «были» и не учитывают в вашем районе. Так что действуйте свободно, ориентируясь по обстановке. Если Кельдияров решит вмешаться, ему же будет хуже...

Вдохновленный таким напутствием, майор установил слежку за домом Кельдиярова, но долго и следить не пришлось. В тот же день он позвонил лейтенанту Муллакузиеву и назначил встречу на одиннадцать вечера.

— Слава богу, есть, значит, и на них управа, — сказала соседка из квартиры справа, соглашаясь быть понятой. Сосед слева помялся, но отказать, конечно, не решился.

Полуодетый Санджар хмуро посмотрел на соседку. Увидев майора, вздрогнул и попытался захлопнуть дверь, но лейтенант вовремя подставил ногу.

— Пожалуйста, — протянул майор ордер, — вот и бумажка от прокурора. Ты по-прежнему один или у тебя гости? — спросил он и, не дожидаясь ответа, шагнул в прихожую.

— Ты стой здесь, — приказал он онемевшему Санджару. — А вас я попрошу пройти со мной, — обратился Салиев к понятым.

Из комнаты слышалась громкая иностранная речь. Майор открыл дверь. На экране мелькала порнографическая сценка, в комнате происходило примерно то же, что и на экране. Салиев включил свет.

— Полюбуйтесь на них, — пригласил он понятых.

Голые парни и девичьи принялись лихорадочно одеваться.

— Всем оставаться на местах! — твердо приказал Салиев «телезрителям». — А вы, лейтенант, приобщите к делу все сигареты, самокрутки, начинайте допрос.

В других комнатах компании были поменьше, но того же рода занятий.

— Можно я позвоню? — впервые, заикаясь, произнес Санджар.

— Пожалуйста, телефон твой, — разрешил майор и проследил за набираемым номером.

— Это я, Санджар, — сказал парень в трубку, быстро глянув на майора. — У нас гости. Милиция..

На этом разговор и закончился.

— А теперь пройди к лейтенанту и ответь на его вопросы, — легонько подтолкнул парня в спину Салиев, а когда тот

ушел, позвонил в управление и попросил установить абонента по номеру телефона. Ответ поступил удивительно быстро. Номер принадлежал заместителю Кельдиярова.

В комнате был целый склад аппаратуры: видеокамеры, три магнитола, фотоаппарат — все японского производства. Кельдияров, конечно, не нищий, но зачем ему столько?

Никто из гостей об этих вещах ничего не знал. Санджар же утверждал, что все это принадлежит его семье. Вот только сверток с анашой не нашел своего хозяина.

И тут, во время допроса, демонстрируя свою оперативность, загудела телефонная волынка. Сначала позвонил замначальника его родного райотдела и потребовал, чтобы Салиев оставил Кельдияровых в покое, если хочет спокойно уйти на пенсию. На что майор потребовал письменного приказа о прекращении дела. Потом позвонил начальнику РОВД прямо домой и обрисовал ситуацию.

— Да, деликатное дело, — проговорил тот в сомнении. Было ясно, что и он чувствовал себя не в своей тарелке. Он-то может потерять гораздо больше, чем Салиев.

— Действуйте, как сочтете необходимым, — наконец прервал он молчание и сердито прибавил: — Не маленький.

Да, действительно, не маленький, и звонил вовсе не просить совета, как вести дело, а предупредить, что игра на «чертовом колесе» началась.

Вернувшись в комнату, Салиев заметил, что гости заметно приободрились, надеясь на силу телефонных приказов.

— Мы больше не будем, — издевательски-жалобно пропихал один. Другие захихикали.

— Верю, — кивнул Салиев. — Но сейчас каждый из вас письменно изложит, где был вечером два дня назад.

— А потом отпустите?

— Вы спешите? Тогда сообщите номера ваших телефонов, пусть родители заберут вас.

— А у нас нет телефонов.

— Лейтенант, установите адреса через дежурного по городу, вызывайте родителей. Да, и свяжитесь с женскими обществами...

— Ладно. Есть у нас телефоны, — остановил поднявшегося было лейтенанта один из ребят. — Но учтите, вам это может дорого обойтись.

— Лейтенант, запишите телефоны и приступайте, — веско произнес Салиев.

Как только Муллакузиев освободил телефон, выслушав поток угроз и предупреждений, раздался звонок. Трубку взял Санджар.

— Да, папуль, — посветлел он лицом. — Все в порядке. Просто сидели с приятелями... Нет, не балдели... Те же... Ничего плохого... Сейчас, — протянул он трубку майору.

— Майор Салиев, — сухо представился тот.

— Я — Кельдияров, — раздался уверенный начальственный голос. — В чем дело, товарищ майор?

— Противозаконные действия, товарищ Кельдияров.

— Встречи с друзьями запрещены законом?

— Нет, запрещены разврат, распространение порнографии и наркотики...

— Товарищ майор, — попросил Кельдияров после паузы, — простите пацанам эту шалость. Когда вернусь, поговорим с вами спокойно.

— Это не шалость, а преступление.

— Пусть так, — чувствовалось, что Кельдияров с трудом сдерживает гнев. — Я уверен, что мы с вами найдем общий язык.

— Товарищ Кельдияров, сколько у вас дома видеомэгнетофонов?

— Один есть.

— А видеокамер?

— Нету, а в чем дело?

— А фотографией вы занимаетесь или Санджар?

— Да что вы мне голову морочите? Я же сказал вам, мы найдем общий язык...

— Я понял. Но, по словам вашего сына, это ваши вещи.

— Ах, так?.. Прошу вас, не давайте пока документам официального хода. Я завтра буду...

Мальчик из кувшина

Асрор с опозданием вышел к завтраку. Младшие братья уже давно сидят. Во главе стола — отец. Торопливо отхлебывает чай из пиалы, словно сейчас у него отнимут. Манера такая: и говорит быстро, и работает... Он явно обижен, потому что Асрор вчера не пошел с ним на очередную свадьбу, и не отвечает на приветствие старшего сына.

Мать подбодрила Асрора взглядом: мол, не переживай — подуется и успокоится.

Завтрак проходил в молчании. Мать не выдержала и выложила новость:

— Отец, вы слышали, Миркасим-ака умер...

— Миркасим-ака? Когда? Как? Что случилось? — затараторил отец.

— Говорят, в Анхоре утонул.

— Как это? Он купался?

— Да нет. Кто говорит, что упал в воду, а кто — что ударили и утопили. Недалеко от пивной, чтоб она сгорела!..

Асрор застыл с пиалой в руке. Это тот человек! Родители его знают!.. Значит, его взгляд означал... Он узнал Асрора! Но почему же тогда Асрор его не узнал?..

— Асрор, ты сходи с отцом на поминки, — услышал он голос матери. — Ведь он, бедняга, очень любил тебя, когда ты был малышом... Господи! Хоть бы теперь разлюбил! — воск-

ликнула мать, имея в виду, что любовь мертвеца затягивает в могилу. Асрору же послышалось в ее словах иное...

— Да он его и не помнит, — откликнулся отец.

— Конечно, — подтвердила мать, — раз не поддерживали знакомства. Мы жили у них на квартире, — пояснила она Асрору, — прекрасные люди.. Несчастные... Осенью жена внезапно умерла. Теперь вот он. Бедные дети...

— Сколько их у него? — спросил отец.

— Шестеро, кажется. Старший всего на два года старше Асрора.

— У каждого своя судьба, — изрек отец и продолжил: — Впрочем, родственники, наверное, есть. Как не быть. А нет — так на улице не останутся, в детдом отдадут...

Тут раздался звонок в дверь. Асрор, воспользовавшись моментом, хотел было исчезнуть, но отец сказал, что у него есть к нему разговор.

Совершенно неожиданно для Асрора мать ввела Заира с Турабом.

Асрор почувствовал себя, как птица в клетке, готов был провалиться от стыда, сообразив, что они принесли деньги, собранные классом.

— Дядя Хафиз, — начал разговор Заир, дипломат и оратор, — у нас к вам просьба, вы уж будьте добры, не откажите. У нашего друга сестра выходит замуж. Вот здесь небольшой задаток, — протянул он деньги. — Об остальном, надеюсь, договоримся.

— Йе, йе, сынок, вам, оказывается, пришлось похлопотать. Что ж, давайте уточним. Когда свадьба?

Тураб сообщил дату. Отец Асрора полистал свою тетрадь.

— О! Вам повезло, как раз в этот день мы свободны. Уж мы с Асрорбеком раззадорим свадьбу, можете не сомневаться! Прошу к столу...

Но ребята, сказав, что опаздывают в школу, ушли. Даже не позвали Асрора с собой.

Когда, покусав, убежали младшие братья, отец начал свое внушение:

— И машину, и эту квартиру, и все, что в ней, я с собой в могилу не заберу. Все это ваше. После меня вы глава своим братьям. Аллах дал мне голос не на всю жизнь, а когда я его потеряю, никто нам черствой лепешки не подаст... Вчера вы не пошли со мной, и крупную сумму положил себе в карман чужой человек... Что вы из себя строите, Асрорбек?

Это саркастическое «вы». И почему в нерасположении все обращаются к Асрору на «вы»? Как все ему надоело!

— Да будет вам, отец, — вступилась за Асрора мать. — Ему нездоровилось. Разве до этого он хоть раз ослушался?

Зайдя в свою комнату, Асрор вдруг обнаружил, что нарочь забыл, какие сегодня уроки. Такое с ним было впервые... Побросал в «дипломат» что под руку попало, и убежал из дома.

Сначала он ненавидел отца за то, что тот принял деньги у Заира, а теперь казнил себя: почему он не объяснил отцу, что брат Тураба погиб в Афганистане, мать сошла с ума, давайте поддержим их, сделаем доброе дело. Неужели бы не понял?.. А кто его знает, может, и не понял бы, не пожелал понять... И с каким лицом он теперь войдет в класс?

И вдруг, словно молния, мелькнуло у него в мозгу: Камариддин! Камариддин спасет его от позора!

Дверь открыла мать Камариддина. В глазах ее темнела тревога. Камариддин тоже был мрачен. Похоже, они с матерью поссорились. Когда Камариддин уводил Асрора в свою комнату, она крикнула ему вслед: «Смотри, судьба этого мальчика на твоей совести!..»

Салим лежал на кровати Камариддина. Еще больше осунулся и побледнел. Губы потрескались. Он уже не стонал — лежал обессиленный, почти в протрации.

Асрор поделился с Камариддином своими заботами и попросил: можно ли ему деньги для Дильфузы использовать для задатка отцу? Камариддин одобрил его идею.

— Камар, того человека нашли.

— Знаю.

— Говорят, что, может, он сам утонул.

— Отлично, — улыбнулся Камариддин. — Видишь, дела складываются удачно... Ну, беги в школу, а то опоздаешь...

Настроение ощутимо улучшилось. И из-за денег, и потому что этими слухами обрадовал Камара.

На перемене Асрор позвал Заира с Турабом и протянул им деньги.

— Отец обиделся. Из-за вас и мне досталось, — попенял он Заиру. — Верни ребятам... А это, — протянул он другую пачку Турабу, — от нас на свадьбу.

— Не надо, — убрал руки за спину Тураб.

— Бери-бери, — поддержал Асрора возникший возле них Атаула, — от свадебных подарков не отказываются. И эти деньги, Заир, отдай — от класса.

— Нет-нет, — отскочил Тураб, — обижусь, уйду из школы! Все есть, всего хватает, только певца не было. Заир, верни ребятам...

После уроков Асрор долго ждал на улице Дильфузу. Подошел Заир.

— Дильфузу ждешь? — поинтересовался он. — По-моему, ее сегодня не было.

— Откуда знаешь?

— По твоему лицу вижу, — засмеялся Заир.

— Иди-ка своей дорогой!

— Да я пошутил. Идем, не будет Дильфузы, я ее в самом деле сегодня не видел.

Они пошли рядом.

— Послушай, это правда? Ты не наврал, что отец вернул деньги? — спросил Заир.

— Не веришь?

— И не поверю. Ты — одно, он — совсем другое... Ты в кувшине вырос...

— О чем это ты?

— Виктор Гюго: «Человек, который смеется». У него есть там, как детей выращивали в кувшинах. Получались уроды, которых выставляли на ярмарках и делали на них деньги...

— Это что же, ты меня уродом обозвал?

— Но ты же ушел из математической школы ради жалких денег на свадьбах. Лет пять-десять будешь прислуживать отцу, потом — другому отарчи. Вот и вся твоя судьба, вундеркинд...

— Слушай, а твое-то какое собачье дело? — разозлился Асрор. — Что тебе надо?

— Ничего, — усмехнулся Заир. — Сообщить хотел: мы тут с Атаулой посоветовались, решили на те деньги фарфоровый сервиз купить. Что скажешь?

— Ну и отлично!

— А у нас все отлично...

На углу они расстались.

«Тоже мне, писатель, — ворчал про себя Асрор, — в кувшине расту. А сам-то: все дни у него как один: школа, обед, книги, уроки, ужин, книги, сон, завтрак, школа. Трепло...»

Подходя к дому Дильфузы, он увидел... «госпожу Азизханову». Она тоже его увидела, поэтому Асрор продолжал идти ей навстречу, поздоровался. Учительница, смерив его взглядом, ответила как бы через силу, и они разминулись.

— Азизханова сейчас не от тебя вышла? — спросил Асрор, когда Дильфуза открыла дверь.

— Да, — опустила глаза Дильфуза, — она у нас теперь часто бывает.

— Часто? — удивился он. — А почему ты не говорила? Дильфуза пожала плечами.

— Что ей надо?

— Папа... кажется... женится на ней...

— Что?! — Асрор был потрясен. — Он сам сказал?

— Да, — кивнула Дильфуза, — она, оказывается, жалеет нас. Надо, говорит, братика и сестренку из детдома забрать. И меня надо спасти — от тебя, ведь ты водишься с хулиганами. Отец рассердился. Лучше не попадайся ему на глаза.

— Не буду...

Дильфуза снова пожала плечами, словно он ее о чем-то спросил.

— А может, все и к лучшему? — осторожно произнес он. — Соберетесь все вместе в одном доме.

— Может быть... но она не должна садиться на мамино место. Она не смеет этого делать!

Он не знал, что сказать.

— Асрор! Что мне делать? Может, убежать?

— С ума сошла! Куда ты убежишь? Пусть она сначала придет в ваш дом. Потом посмотрим.

— Потом?.. Что ж, пусть приходит, а потом...

Слезы навернулись ей на глаза, она отвернулась.

— Завтра пойдем вместе? — спросил он, пытаясь хоть как-то подбодрить ее.

Дильфуза кивнула.

На обратном пути, медленно одолевая улицу, Асрор вдруг пронзительно ясно осознал: эта боль и обида сопровождали Дильфузу в тот вечер на берегу Анхора, когда они пинали лежавшего Миркаси́ма-ака, когда сбросили его в реку. Ведь это второй раз в жизни она видела столь злобную драку.

А первый случай произошел, когда она была еще маленькой. Она с мамой и папой втроем возвращались из гостей. Вдруг два парня привязались к отцу. Отец что-то сказал им, и те набросились на него. Мать завопила во весь голос, призывая на помощь, а сама Дильфуза расплакалась, упрасывая сквозь слезы: «Папа, папочка!» И долго она не могла понять, за что те парни покалечили ее отца, ведь он не сделал ничего плохого, и почему люди проходили мимо и не помогли ему? И до сих пор не нашла настоящего ответа кроме того, что это были плохие люди.

Наверное, и на берегу Анхора, когда их компания избивала человека, у нее в ушах звучал десятилетней давности вопль матери. Наверное, когда Асрор, схватив за руку, тянул Дильфузу подальше от того места, в ней все громче бился беззвучный крик. Да ведь это и есть кувшин, в котором живет девочка! В котором каждый звук так оглушающе звонок, но едва вырывается наружу!..

Ход конем

Как только майор Салиев пришел на работу, дежурный сообщил, что его вызывает заместитель начальника РОВД.

Тот встретил майора спокойно, словно не было вчерашнего разговора по телефону.

— Как здоровье? — внимательно посмотрел он на Салиева.

— Нормально.

— Мы тут посоветовались и решили удовлетворить вашу просьбу. Тридцать лет службы в милиции — это подвиг. Ваши заслуги будут оценены по достоинству... Так у кого было ваше заявление?..

Майор понял, что ему предъявлен итог ночной телефонной баталии. Неужели Кельдияров добился своего? Неужели же теперь из-за этого сопляка, сидящего напротив, он должен покинуть поле боя?..

— Заявление у вас? — вырвал его из задумчивости начальственный голос «сопляка».

— Какое заявление? Нет никакого заявления, — ответил

невинным тоном Салиев. — Мне поручено раскрыть убийство, я и исполняю.

— Мы в курсе. Дело сложное — мы создали спецгруппу во главе с начальником отдела. Это согласовано.

— С кем?

— Я не обязан отчитываться перед вами, инспектор.

— Разумеется. Кому сдать дела?

— Начальнику отдела.

— Если не возражаете, я позвоню...

— У вас есть свой аппарат в кабинете, — поднял брови замначальника.

— Я хотел бы, чтобы вы услышали разговор.

Подполковник подвинул телефон к Салиеву. Было видно, что он занервничал, но старается не подать виду.

— Алло, городская прокуратура? Говорит майор Салиев. Прошу соединить меня с товарищем Самандаровым.

Замначальника насторожился.

— Товарищ Самандаров? Это Салиев, здравствуйте... Дела идут неплохо. В том направлении, как я вам докладывал... Считаю, дела Миртиллаева и Кельдиярова взаимосвязаны и их необходимо взять под надзор прокуратуры. Да, очень важно... Причина? Меня хотят отстранить от дела. Нет, они не могут противостоят Кельдиярову... Прокурору Республики вы сами доложите? Благодарю. Но мне приказано сдать дело сейчас... Не сдавать? Хорошо, до свидания...

Майор аккуратно положил трубку на место.

— Вам позвонят из республиканской прокуратуры.

Замначальника поднялся из кресла и с ненавистью посмотрел на Салиева.

— Какое вы имеете право порочить авторитет отдела?

— Ошибаетесь, я делаю все от меня зависящее, чтобы поддержать авторитет отдела... И о заявлении не беспокойтесь. Как закончим дело — сразу же уйду.

— Подождите, товарищ майор, — изменил тактику замначальника, почувствовав, что его подставили. — Поймите, они всю ночь не давали мне покоя. Вовсе не моя инициатива проводить вас на пенсию.

— Я знаю...

— Это вы осмелели, заранее провентилировав вопрос. Хлебом вас не корми — скандал подай. И что? Всю жизнь в инспекторах, всю жизнь на побегушках. Что вы из себя честность корчите? — запальчиво воскликнул замначальника. — Когда-то и сами закрывали дела по указке сверху!..

Замначальника точно попал в больное место.

— Это не делает мне чести, — кивнул Салиев. — Но я не виню время, виню себя... Разрешите идти?

У себя Салиев застал соседа по кабинету капитана Эшбаева, сидящего в глубокой задумчивости.

— Максуд-ака, наконец-то! — просиял тот.

— Что случилось? — улыбнулся майор. — Тебе поручили самое сложное дело в мире?

— Только вам по плечу, — подмазал капитан.

— Рассказывай, только покороче, — разрешил Салиев.

— Два однотипных ограбления в один и тот же день, — начал Эшбаев. — Оба потерпевших неделю назад вернулись из заграницы и в одну ночь лишились того, что зарабатывали три года.

— Что украдено?

— Видеомэагнитофон, видеокамера, — принялся перечислять Эшбаев, — магнитофон...

— Фотоаппарат «Кодак», — подбросил майор.

— Точно, «Кодак», — удивленно воззрился на майора Эшбаев. — Вы в курсе дела?

— Нет — предположение... Как украли?

— Позвонили от имени профессора Шаузакова и договорились о встрече.

— Что за профессор?

— Есть такой на восточном факультете, но он утверждает, что ничего не знает. Оба потерпевших учились у Шаузакова... Вечером четверо парней явились как покупатели и, угрожая ножами, совершили ограбление.

— Время происшествия выяснили?

— Судя по телепрограмме, в первый дом вошли в двадцать два, ушли минут через десять-пятнадцать. Во второй дом — примерно в одиннадцать. Шел фильм...

— Ну-ка, покажи на карте эти дома.

Эшбаев показал.

— Минут за двадцать на машине вполне можно доехать, — прикинул майор. — Везучий ты парень, Эшбаев! Я вчера как раз наткнулся на эти вещи. Вызови своих «заграничников», покажем... Среди грабителей не было такого кудрявого и мордастого?.. — Салиев изобразил в лицах.

— Был, судя по описанию... Вообще, все они по виду байчки.

— Зайди к фотографу — пусть срочно проявит вчерашние фотографии для опознания.

За какой-то час все прояснилось. Городской прокурор дал санкцию на арест Санджара Кельдиярова и троих его сообщников.

Да, Эшбаеву повезло. Но похоже, дело об убийстве Миртиллаева зашло в тупик. Рецидивисты иногда идут на такую уловку: чтобы скрыть крупное преступление, совершают мелкое и на нем попадают.

Но маловероятно, что эти байчки могли, во-первых, додуматься, а во-вторых, осуществить этот «ход конем». Впрочем, допрос покажет...

Капля

Однажды капля, затерянная в просторах океана, стала мечтать о небе. Она обратилась с мольбой к солнцу и была услышана. Жаркие лучи коснулись ее и вырвали из объятий океана. Капля полетела ввысь. Но пока она летела, на чистом лике неба, которое так очаровало каплю, образовалась темная туча. Солнечный луч исчез, стало так холодно, что капля, превратившись в льдинку, заскользила вниз. Снова согрелась. Но тут порыв ветра подхватил ее с тучи и понес куда-то... И она упала на засохшую землю, и впитали ее корни растения, и прошло еще много времени, прежде чем она вновь увидела светлый мир...

Асрор, шедший по берегу Анхора, ощущал себя такой каплей. Вырвавшись из тисков «родительского влияния», он встретил в «небесах» Камариддина и его компанию. А теперь? Есть ли у него путь назад, к себе самому?..

Как только опускается темнота, Миркасим-ака входит в комнату Асрора. Он не кидается на него, не душит, а только сидит, глядя на Асрора немигающим взглядом. Потом глаза его добреют, он зовет Асрора поиграть: «Иди ко мне, я посажу тебя на плечо, подниму высоко-высоко, тебе будет жутко и весело, как в детстве, мы будем играть, я понесу тебя далеко, далеко...» Но в проеме окна Миркасим-ака вдруг исчезает, а Асрор долго еще смотрит на ночную улицу, на светлячки фонарей, и думает, думает...

Утром он полпелся в школу, но выдержал всего два урока. Подхватил свой «дипломат» и ушел. В классе подумали, что он обиделся за деньги, собранные его отцу.

Камариддина возле кинотеатра не было. Два молокососа на скамейке лузгали семечки. Спокойно текли воды Анхора — желтовато-коричневая глиняная взвесь, и это спокойствие завораживало: тело Асрора теряло вес, а мир — свои очертания...

— Ты чего здесь торчишь?!

Асрор вздрогнул, обернулся. Перед ним, взбешенный, стоял Камариддин.

— Какого черта?! — злобно прошипел он и подтолкнул Асрора. — Ну-ка, вали отсюда! Ведь я запретил приходить сюда! Опять с уроков сбежал, башка дурья, совсем распустился...

Талгат, грузивший у пивной пустые бутылки, наблюдал за ними.

Когда дошли до моста, Камариддин вынул из кармана несколько купюр и протянул их Асрору.

— Занеси матери Салима.

— Как же я их отдам?

— Нашел проблему... Скажи, что у него твоя книга, а потом найди в книге деньги. Он копил их, работал грузчиком

в аэропорту. Ну, двигай... Да, кстати, сегодня я отбываю на гастроли. Дня на два-три. Навещай Салима...

Мать Салима в огороде окучивала тяпкой саженцы помидоров.

— Твой дружок-бродяга еще не явился, — сообщила она Асрору в ответ на его приветствие.

Асрор сказал, что пришел за своей книгой.

— Заходи да бери. Сам знаешь, где. Он к ним и не прирагивается.

Книжки валялись на пыльной хантахте. Асрор взял первую попавшуюся под руки и сдул с нее пыль. Выйдя во двор, он протянул деньги матери Салима.

— Тетя, это выпало из книги.

Женщина разогнула спину и с удивлением приняла деньги. Она впервые держала такие крупные купюры, разглядывала их с обеих сторон.

— Это настоящие?... Столько денег! Он их не украл?..

— Он подрабатывал в аэропорту грузчиком, — объяснил Асрор.

— Разве грузчик может столько заработать? — не слышала поверила она.

— Конечно, может. — И Асрор тотчас разложил перед ней по пунктам, сколько зарабатывает носильщик, а сколько грузчик с тележкой, имея о том самое смутное понятие.

Похоже, он убедил бедную женщину. Она замолчала, задумалась, а потом вдруг заплакала.

— Ах, несчастная я, несчастная, — запричитала она негромко. — Лучше бы мне умереть, чем слышать, что сын мой надрывается на работе в таком возрасте, таская чемоданы! А я-то, дура, считала его шалопаем... Отец — инвалид... Все мои надежды на Салима. Ох, боюсь я за него!.. Как вовремя появились эти деньги! Хоть смогу обновить зимнюю одежку младшеньким. Совсем пообносились...

Асрор вдруг подумал, что она живет совсем в другом мире, что существует настоящая нищета; когда не до претензий на образование, на лакомства, развлечения, модную одежду, — когда просто не хватает на хлеб и чай. Наверное, можно понять и отца в его погоне за деньгами. Не так-то это легко — обеспечить семью...

Попрощавшись, Асрор пошел вдоль Анхора, торопливо прошел по мосту. Ноги сами привели его к дому Камаридина.

Салим вздрогнул, когда вошел Асрор.

— Сейчас я был у тебя дома, — начал Асрор. — Отдал деньги твоей матери, Камар дал... — И рассказал ему о разговоре с его матерью.

— Хорошо, пусть купит одежду малышам, — жалобно улыбнулся Салим. — Как же она будет без меня?.. Совсем замучается...

— Почему без тебя? Через недельку поднимешься.

— Если дела дальше так пойдут, — уставившись в потолок, ответил Салим, — то я, наверное, умру... А если и выкарабкаюсь — все равно загремлю в тюрьму...

— Да что ты несешь?

— Да-да, так и знай! — завелся Салим. — Потому что я с Камаром. Он будет воровать — и я буду! Он будет убивать — и я буду! Ты не знаешь: я ходил с Камаром на дело! И еще пойду! Он мне дороже отца! Я никому не нужен, кроме него! Ни отцу, ни школе, ни ПТУ. Впрочем, ПТУ и мне не нужно. Камар приютил меня... И мы всю жизнь будем вместе с ним травить и давить байчиков! Да! Я заберу у них то, что причитается моей матери, братишкам, сестренкам!

— Но разве они виноваты перед твоей матерью? — удивился Асрор.

— А ты не видишь? — Салим приподнялся было на локте, но сморщился от боли в ребре. — Ты еще сам убедишься, когда твоя умная голова не пробьется в институт...

— Но я не собираюсь в нархоз, на юрфак или восточный, — возразил Асрор.

— Математика тебя не прокормит. Будешь с отцом ходить по свадьбам. Лучше уж воровать, чем прислуживать им по свадьбам...

— Странный ты стал, — вздохнул Асрор.

— Странный? Нет, я старый стал, — снова уставился в потолок Салим. — Я лег на этот диван пацаном, а очнулся стариком... А ты думал, почему я оказался в таком вот положении? Почему Камар стал вором? Почему ты прислуживаешь байчикам?

— И что же ты надумал?

— Люди во всем виноваты — люди сделали нас такими. И мы с Камаром отомстим им. Всех хозяйчиков отправим в Анхор, как того типа...

— Тот человек был простым рабочим...

— А ты откуда знаешь? — посмотрел на него Салим.

— Мама его хорошо знала.

— Не мог сказать, что у него нет сигарет, или дать, если есть. Чего он нас набросился ни с того ни с сего? Сволочь!

Асрору было страшно смотреть на друга. Его ли это слова: давить, бить, мстить? Неужели можно убить человека только за то, что у него больше денег, чем у тебя? Не все же взяточники и торгаши, да и без торгашей, говорят, мир не стоял бы. Скорее всего Салим бредит от боли или курева. Спорить с ним бесполезно.

Да и был ли в мире мудрец, который разрешил вековечный спор между добром и злом?

Были только капли, что устремлялись в небо и низвергались в грязь...

Запутанный клубок

Кельдияров в сопровождении своего зама вошел в кабинет начальника райотдела внутренних дел. Подполковник ждал этого визита, но не так скоро. Растерянный, он вскочил из-за стола, двумя руками пожал протянутую ладонь Кельдиярова, пригласил гостей садиться.

— Хочу поговорить с вашим Салиевым, — перешел без обиняков к делу Кельдияров. Было ясно, что он в курсе последних событий — у трапа самолета сразу и доложили.

Когда вошел Салиев, Кельдияров молча и откровенно-изучающе оглядел майора.

— Вот, товарищ Кельдияров хотел с вами познакомиться, — с неестественным радушием в голосе произнес подполковник.

— Мы заочно знакомы, — выцедил Кельдияров, не сводя глаз с майора. — Значит, моя просьба по телефону впечатления на вас не произвела?

— На вашего сына возбуждено дело, — ответил Салиев. — Такие дела решаются не просьбами, а законом...

— Хорошо, майор, вы доказали мне, что вы — человек достойный, — как бы согласился Кельдияров после паузы. — Тогда ваши условия?...

— Дела, связанные с преступлением закона, решаются судом, — повторил Салиев. — Только судом...

— Не берите на себя слишком много, майор, не надо... Мой сын обвиняется в воровстве?

— В грабеже, — уточнил майор. — Пока в грабеже...

— Что значит пока? В чем еще вы его обвиняете?

— Идет следствие. Не имею права разглашать...

Вновь нависла пауза. Кельдияров, кажется, был сражен этим «пока». От номенклатурной спеси не осталось и следа.

— Послушайте, майор, — начал он уже в ином тоне. — Вот сидит ваш начальник... Я не маленький человек и готов во всем пойти вам навстречу. Вы собираетесь на пенсию? Могу предоставить вам новую квартиру, новую «Волгу», устрою вашего сына в любой институт — только скажите. Но не дайте пропасть мальчику... Ну, оступился... Даже если он и виноват... Подумайте.

— Приберегите вашу щедрость для других инстанций, — отрезал Салиев. — Есть еще суд, колония...

— Ах, так? — глаза Кельдиярова сузились, он откинулся на спинку стула. — Что ж, можете идти.

— Благодарю, но меня вызывали не вы... Разрешите идти, товарищ подполковник?..

Салиев не сразу вернулся в свой кабинет. Вышел во двор, минут пять посидел на скамейке в тени молодого платана, успокаивая сердце. Потом выпил воды, умылся под краном. Надо было продолжать начатый допрос Санджара Кельдиярова.

Факт разбоя с применением холодного оружия был установлен. Потерпевшие опознали налетчиков и по фотографиям, и на очной ставке. Удивляла примитивность их действий — ни малейшей хитрости: пришли, ограбили, ушли. На что они рассчитывали? Были уверены в своей безнаказанности? Возможно. Но похоже было и на то, что они намеренно подставлялись. Зачем? Чтобы скрыть убийство? Но для этого достаточно и одного ограбления. Зачем они сунулись во вторую квартиру? Чтобы быстрее их нашли?

На допросе Санджар особого страха не выказывал. Уверен был, что вскорости его отпустят.

По его версии, они не собирались грабить, но их разозлили «эти хапуги», не желавшие сбавить цену. И вообще, они не грабили, а, так сказать, позаимствовали аппаратуру. Попользовались бы с неделю и вернули...

Мог ли этот юный негодяй убить оскорбившего его человека? Мог — учитывая идеологию «белой» и «черной» кости и особенно его физическую комплекцию... Плюс еще сегодня хозяин пивной, опознавая по фотографиям Миртиллаева и Санджара, неожиданно рассказал, что они устроили драку в пивной. Санджар на глазах у всех избил Миртиллаева и ушел... Может быть, они не хотели убивать его, но, решив, что случайно убили, сбросили в воду?

Подойдя к кабинету, майор услышал громкий голос Эшбаева, продолжавшего допрос:

— Или признаешься, или сгниешь в тюрьме!

«Эх, похоже, все дело испортил, стервец!» — в сердцах ругнулся Салиев, зная манеру помощника сразу выкладывать обвинение и добиваться признания устрашением.

— Эшбаев, — приказал майор, войдя в кабинет, — доставьте к восемнадцати ноль-ноль этих людей, устроим очную ставку. — И протянул ему взятый со стола листок с координатами Имамалиева и хозяина пивной.

— Итак, — продолжил допрос с прерванного места Салиев, — после того, как ты ушел с завода, мастера Миртиллаева Миркасима ты не встречал.

— Нет, не встречал, — с ухмылкой ответил Санджар.

— И в пивной «Чехра» никогда не был?

— Никогда не был... Не старайтесь, гражданин начальник. Вы мне этого дела не пришьете.

— Я и не шью. Ознакомься с протоколом и, если твои слова записаны верно, подпиши.

— Ничего я не подпишу! И разговаривать с вами, пока не приведете моего отца, не буду! — уперся подследственный.

— Он тебе не поможет.

— Ненавижу вас! Папа раздавит вас, как таракана!

— По закону ты обязан отвечать на мои вопросы, а помощь следствию может смягчить твою участь. Подумай об этом в камере, пока я буду беседовать с твоими друзьями...

Сообщники подтвердили, что Санджар набросился на ка-

кого-то человека в пивной, а они разняли их и увели Санджара.

На процедуре опознания хозяин пивной сразу показал на Санджара и троих его приятелей. Имамалиев долго тянул, словно боялся поднять палец, но в конце концов не очень уверенно указал на Санджара и еще одного парня.

Для очной ставки Салиев оставил хозяина пивной и Санджара.

— Итак, Кельдияров, вы утверждаете, что вечером третьего мая вы в пивной не были?

— Не был.

— А вот свидетель Мамаюсупов видел вас там, и вы даже драку устроили.

— Ложь!

— Свидетель Мамаюсупов?

— Этот парень часто заходил, — с подобострастием заговорил хозяин пивной, — но всегда приходил и уходил спокойно. И какой бес его в тот день попутал? Он много не бил, уважаемый. Раз-другой... Их разняли тут же. Они ушли, даже пива не допили... А ты, братишка, — обратился он к Санджару, — признайся. Скажи, мол, был выпимши. Подумаешь, невидаль какая...

— В какое время они ушли? — спросил Салиев.

— Не помню... торговля...

— А вы припомните!

— Ну, примерно в половине девятого.

— Вы знаете отца этого парня?

— Гм-м... Слышал немного.

— Хорошо, подпишите протокол.

— Всегда к вашим услугам, уважаемый, — приложил руки к груди Мамаюсупов. — А ты, братишка, делай все, что они скажут, не огорчай отца...

— Пошел вон, болван! — рявкнул на него Санджар.

— Кельдияров! — хлопнул ладонью по столу майор.

Но вздрогнул не мальчишка, а хозяин пивной. То ли от звука удара, то ли от громкой фамилии...

— Отпустите его, уважаемый, — залебезил он. — Молод он еще, образумится... Ну, я пошел...

Как только дверь за Мамаюсуповым закрылась, Салиев вновь приступил к Санджару:

— Ну, что теперь скажешь? Кстати, твои товарищи подтвердили показания Мамаюсупова.

— Ложь! Вы выбили из них показания!

— Из пивной вы ушли в половине девятого. Налет совершили в четверть одиннадцатого. Где вы были от половины девятого до четверти одиннадцатого? Где ты лично был? Отвечай!

— Ложь! Не был в пивной! Нигде не был! Требую свидания с отцом!..

Санджар впал в истерику. Продолжать допрос было бессмысленно. Майор вызвал постовых.

Он еще поработал с сообщниками. По их словам выходило, что до десяти вечера они ходили по улицам. Правда, выходя из пивнушки, видели каких-то ребят на берегу Анхора, но не обратили на них особого внимания, потому что успокаивали Санджара...

Похоже, клубок следствия не распутывался, а еще больше запутывался...

На вечеринке

Салим, попытавшись переменить позу, вдруг закричал от резкой боли.

— Салим, может вызвать доктора? — встрепенулся Асрор. — Ведь все равно никто ничего не узнает. Того человека уже похоронили.

— Нет! Не надо... Все прошло. Это рана затягивается... Ох, не могу... Ты иди-иди. А то придет мать Камара, разворчится, что караван-сарай здесь устроили. Лучше завтра клубники принеси...

Выйдя в большую комнату, Асрор увидел мать Камаридина, курившую сигарету. Когда она пришла? Неужели слышала их разговор?

— Присаживайся. — Женщина указала на мягкое кресло, стоявшее напротив нее. — Ну, видел своего друга?

Асрор кивнул, потупив взгляд и не решаясь посмотреть в ее глаза, окаймленные длинными ресницами, на полуоткрытую грудь все еще красивой и привлекательной женщины.

— Как он себя чувствует?

— Нормально.

— Нормально? — повысила она голос, смяв сигарету. — Погубите ведь парня — загноится рана! Доктора надо вызывать!

— И я так говорил, — кивнул Асрор. — Только он не хочет.

— Не хочет! А если что случится, кто отвечать будет, ты?

— Почему я?

— Все вы одинаковы... — принялась она нервно крутить на пальце кольцо с часиками вместо камня.

— Ты не похож на них, — заговорила она после продолжительной паузы. — Камар тебя любит, кажется. Он никого не любит. Даже меня. Ни разу не сказал «мама». А ведь я его не под забором бросила. В детдом отдала, пока сама на ноги не встала... Ты знаешь, за что он сидел?

Асрор отрицательно покрутил головой.

— Тебе повезло. А я знаю. Я боюсь его! Это произошло на моих глазах! Я молила Бога, чтобы он сгинул в тюрьме! Я очень боюсь его!

— Зачем вы мне это говорите?

— Камар тебя любит. Ты можешь направить его на путь истинный... А я боюсь. Скажи ему, пусть оставит меня в покое. По ночам не сплю, от страха сердце колотится! Вот и сейчас! Послушай! — Она схватила руку Асрора и прижала к своей груди. Асрор, покраснев, отнял руку, но женщина сделала вид, что ничего не заметила. — Вызовите врача к этому мальчику! Или увезите его в другое место. Я ведь взрослый человек. А никого не могу пригласить к себе в гости. Пойми, это не моя квартира. Мне ее предоставил один человек. И он должен приходить сюда. А если он узнает, всем будет плохо... Скажешь Камару?

— Скажу.

— Только осторожно! Не говори, что я сказала... Узнает — убьет меня... Пусть подыщет себе дом и живет сам... А ты с ними не путайся! Они все воры. И тебя в тюрьму потянут. Негодяи...

Асрор поспешил уйти. «Что за женщина, — удивлялся он, — собственного сына из дома хочет выгнать! Надо сказать Камару — она вполне может упечь его в тюрьму».

Он невольно вспомнил мать Салима. Какие они разные... И обе несчастные. Но как-то по-разному!..

— Где ты шляешься?! — набросился на него отец, когда Асрор подошел к дому. Белые «Жигули» стояли около гаража.

— Консультация была.

— Будь она неладна, — проворчал отец, — неси инструменты. Надо крышу саманом обмазать. Очень большие люди.

Мать попыталась его накормить, но Асрор, схватив инструменты, побежал обратно.

— Да-да, беги, а то отец от злости лопнет... — в сердцах произнесла она.

«Обмазать крышу» означало маленький банкет, где им не будут платить. Отец трепещет перед «большими людьми» и скорее умрет, чем заставит их уговаривать себя. Бывало, ради «обмазки крыши» он отказывался от выгодных свадеб.

«Большой человек» жил в четырехэтажном доме в центре города. На улице их никто не встретил. Прихватив инструменты, они поднялись на второй этаж.

Дверь открыл мужчина лет пятидесяти в белоснежном костюме:

— Проходите, маэстро... — И проводил в комнату, где за столом сидели трое мужчин. Они пригласили к столу, налили отцу и сыну по пиале чая. Из дальнейшей беседы Асрор понял, что это были водители машин, стоявших у подъезда.

— Уважаемый Кельдияр-ака еще не пришел, видимо, до сих пор не уладил дело с сыном, — сказал один.

— Придет, — ответил другой, — хозяин говорил, что должен поздравить его. Дело сына, кажется, в порядке. Какой же он Кельдияров, если с милицией не справится?..

— Да, крепкий у него фундамент.

— Крепче не бывает. Монолит...

Музыкантов пригласили в гостиную.

В просторной зале за длинным столом, сервированным с картинной роскошью, сидели пятеро мужчин в дорогих костюмах и шесть женщин в еще более дорогих платьях, увешанные драгоценностями.

Вокруг стола стояли пустые стулья, но музыкантам сесть не предложили. Отец затянул песню. Его никто, как обычно, не слушал. Застолье шло своим чередом. Отпев программу, отец, не дожидаясь благодарности, поклонился и с поклоном, как бы извиняясь за беспокойство, вышел в коридор. Поблагодарили их водители, и все вместе расселись кушать шурпу.

Вошел хозяин дома.

— Маэстро, где ваша записная книжка, есть поручение, — сказал он. — Нурулла Эгамович приглашает в субботу.

— О, — торопливо отложил ложку отец, — ваш уважаемый брат из хокимията! Всегда рад услужить ему.

— Надеюсь, в этот день у вас нет свадебного заказа, что говорит ваш талмуд? — учтиво поинтересовался хозяин.

— Не имеет значения, — заверил его отец. — Одно ваше слово...

Асрор удивился. Ведь отец знает: в субботу свадьба Тураба! Он же взял у ребят деньги! Или просто хитрит?

Когда хозяин вышел из комнаты, Асрор шепнул отцу:

— Вы же взяли аванс на субботу!

— Не твое дело! — отрезал отец. — Таким людям перечить нельзя! На свадьбу твоего друга я найду человека. В крайнем случае, вернешь деньги, мы же никуда не убегаем...

Асрора словно обухом по голове ударили. Когда вернулся домой, он сразу ушел в свою комнату и лег. Всю ночь мучился в поисках оправдания перед классом. Но оправдания не было. Отец, можно сказать, убил его перед ребятами! Только под утро не то во сне, не то наяву пришел Миркасимака и гладил по голове. Он Асрора понимал...

Ловушки для майора

Увидев майора, хозяин пивной закутился вокруг него мленьким бесом. Выбежал из-за прилавка, поздоровался, обхватив руку Салиева двумя ладонями, и доложил:

— Все, теперь пацанов не пускаю, раскрыли вы мне глаза. Двое появлялись, но я их выставил.

— Мамаюсупов, память у вас, вижу, отменная, попытайтесь-ка припомнить — в тот вечер Кельдияров подошел к столику Миртиллаева или наоборот?

— Так-так, — задумался хозяин пивной, — ребята сидели вон в том ряду. И скандал произошел там. Получается, что покойный Миртиллаев подошел к ним... Это правда, что эти ребята его убили?

— Кто вам сказал?

— Да все только об этом и говорят. Еще говорят, что убийц поймали.

— Что ж, язык без костей... А с кем сидел Миртиллаев после скандала? Сможете найти этого человека?

— Для вас все, что угодно... Он всегда здесь, когда только есть пиво.

— Найдите мне, пожалуйста, место поспокойнее и пригласите этого человека, — попросил Максуд Салиев. — Да потише, не кричите на всю пивную.

Хозяин вывел майора на задний двор. Салиев присел на перевернутый пустой ящик, молниеносно освобожденный для него какими-то быстро исчезающими типами.

Вскоре Мамаюсупов привел мужчину лет пятидесяти.

— Вот, уважаемый, Сабитбай сидел вместе с покойным, — представил хозяин пивной.

— Так эти подонки его убили, да? — с ходу заговорил Сабитбай, усевшись на ящик напротив майора. — Перестрелять их всех надо!

— Сначала надо поймать, — ответил Салиев.

— А разве не поймали?

— Нет. И поэтому я хочу с вами поговорить.

— Я не видел, как его убили, а то сказал бы сам, — заверил Сабит.

— Вы знаете парней, с которыми он поскандалил?

— Да так, байские сынки, частенько заходят сюда.

— А с Миртиллаевым вы хорошо знакомы?

— Раньше работали вместе.

— Много он пил?

— Нет, не более трех бутылок.

— А от обиды, что его побили пацаны, он не хватил лишнего?

— Нет-нет. В него много не лезет. У каждого свой характер...

— Почему он подошел к парням? — переменял тему Салиев. — Они что-нибудь сказали ему?

— Точно не помню, но приносили какие-то тосты типа «за здоровье наших рабов» и что-то про «черную кость» и гоготали, поглядывая на него.

— И что потом?

— Миркасим подошел к ним, что-то сказал кудрявому. Тот вскочил и ударил его. Их тут же начали разнимать.

— Уходя, парни ничего не говорили?

— Матерились... Прошлись по всем родственникам.

— Не угрожали? Не говорили: «выходи, мы подождем» или «мы с тобой еще разберемся»?

Сабит задумался, закурил.

— Нет, такого вроде не говорили... Кудрявый орал, мол, род твой весь уничтожу... Это было.

— Что сказал Миртиллаев, когда они ушли?

— «Эти подонки людьми уже не станут», сказал. Верно сказал. Я согласен.

— Больше ничего?

— Нет, больше о них не вспоминали. И что толку — папаши все равно их прикроют.

— Драку на берегу Анхора не видели?

— Нет-нет!.. Если поймаете их, обязательно расстреляйте. Перед всем народом выведите и расстреляйте!..

Сабит сразу опознал на фотографии Кельдиярова и его сообщников. Салиев поблагодарил его и отпустил. Потом нашел хозяина пивной.

— Пожалуйста, вон того парня пригласите, — указал он на Талгата.

— Какие новости? — поинтересовался майор, когда Талгат вышел на задний двор.

— В одном парне сомневаюсь. Камариддином зовут. Сидел. Со мной на контакт не пошел... Еще видел два раза на берегу Анхора одного смурного подростка, Камариддин увел его от реки. Надо изучить эту компанию.

— Почему?

— Странно ведет себя. Тихо приходит, тихо уходит. Собирает пацанов, а с таким «рецидивистом», как я, дела иметь не захотел. Слишком осторожен...

— А как ты это объясняешь? — поинтересовался Салиев.

Талгат задумался.

— Похоже, Камариддин делает дела покрупнее. Или... он не главный, а исполнитель при ком-то...

— А может, он завязал?

— Не верю.

— А зачем пацанов собирает?

— Трудно сказать... Растит кадры.

— Что ж, — признал майор, — в этом что-то есть... Но осторожность Камариддина может объясняться его опытом. Он сидел. Надо поинтересоваться окружением Камариддина. Хоть одно имя удалось узнать?

— Кореша мои называли одного — Салима. Боксер.

— Вражды между шайками незаметно?

— Нет. В дела друг друга не лезут.

— Полагаю, причина не только в этом, — заметил Салиев, — мелочь чувствует присутствие акулы. И не возникает... Побудь здесь еще дня три-четыре. Ну, пока. И пришли ко мне хозяина...

— Где вы раскопали этого нахала? — спросил Салиев, когда, запыхавшись, появился Мамаюсупов.

— Э-э, — махнул рукой тот. — Схватил меня за глотку, сына ударил. Прими на работу, а то убью... Вы уж разберитесь.

— Пока мне нельзя вмешиваться, а то он напоследок может вам отомстить. Дней через десять устроится на работу, тогда и вздохнете спокойно. А не устроится, тогда уж мы вмешаемся.

Несмотря на поздний час, Максуд Салиев из пивной вернулся на работу. Талгат неплохо поработал. Стоило заняться этим Камариддином.

Выяснилось, что Камариддин состоял на учете в их районном отделении. Салиев внимательно прочитал его личное дело, позвонил в инспекцию по делам несовершеннолетних. Но лейтенанта Муллакузиева уже не застал. Оставалось идти домой.

Дома жена обрушила на него новость:

— Приходили из хокимията, предупредили, что мы должны сдать квартиру. В другом конце города нам выделили двухкомнатную.

— А ты не сказала, что на следующий год из заграницы возвращается сын с семьей?

— Конечно! Но им-то что...

Всю ночь Салиев проворочался, словно под ним была не мягкая перина, а настил из колючек. Столько лет мучились без квартиры, снимали, наконец, получили эту, просторную. Один сын после института работает в степи, другой — за границей. Вот-вот оба должны вернуться. А куда?

Утром вместо инспекции он отправился в хокимият. Хоким района, хорошо знавший Салиева, внимательно выслушал его, покачал головой и сказал:

— Что ж делать, до двухтысячного года мы должны всех обеспечить жильем.

Майор опешил от такого обоснования. Он почувствовал, что руки его дрожат от возмущения.

— Куда вы поселите моих детей, когда они вернутся на будущий год? — не сдерживаясь, спросил Салиев.

— Когда вернутся, тогда и рассмотрим вопрос.

— Чье это распоряжение?

— Я не обязан отчитываться перед вами, майор. Вы не имеете права разговаривать со мной в таком тоне.

— Что ж, — усмехнулся Салиев. — Только не подавиться бы вам сырыми пельменями. Квартиру я не освобожу! Дела Кельдиярова не закрою! А вам, думаю, следует лучше разобраться в погоде...

Хоким не успел ничего ответить: майор, хлопнув дверью, покинул кабинет.

«Ах, паразит, я тебе еще покажу!.. Избранник народа... Слуга, возомнивший себя хозяином...» — так всю дорогу ворчал про себя майор, направляясь в инспекцию по делам несовершеннолетних.

— Вы знаете рецидивиста Камариддина Зайнутдинова? Косоглазый такой, крепкий. Собирает вокруг себя пацанов, — взял быка за рога майор.

— Знаю. Их «штаб» у кинотеатра, — кивнул лейтенант Муллакузиев.

— Кто-нибудь из их компании состоит на учете?

— Многие. Они в списке, который я вам представил.

— Я там не нашел Салима. Боксера.

— Салим? — задумался лейтенант. — Да, есть такой, но он живет на том берегу Анхора и у нас не числится.

Салиев позвонил в инспекцию соседнего района. Там Салима знали: после восьмого поступил в ПТУ, из ПТУ ушел, не работает. Шатается без дела. Семья многодетная.

— Адрес есть, идемте познакомимся, — поднялся майор — Дело мое в тупике. Поохотимся сегодня с вами на авось.

Увидев их, мать Салима засуетилась.

— Ой, проходите, что случилось?

— Ничего не случилось. Проходили мимо, решили проведать, — успокоил ее Салиев. — Как поживаете?

— Э-э, — покачала головой женщина, — милиция просто так не приходит. Что-нибудь с сыном?

— С Салимбеком? — спросил майор. — Почему вы о нем беспокоитесь? Где он сам?

— На соревнования уехал.

— Когда?

— Уже с неделю.

— А куда?

— Я самого его не видела. Товарищ приходил.

— Какой товарищ?

— Асрор, учились они вместе. Очень умный мальчик.

— И часто Салимбек ездит на соревнования?

— Примерно раз в месяц.

— Когда он вернется, пусть обязательно устроится на работу, — твердо сказал майор.

— Но его же никто не берет! — воскликнула женщина. — Я и сама с ним ходила. Нет работы для малолетних, и все... А денег на взятку у меня, сами видите, нет. Мне детей кормить-одевать надо!

— У Салимбека кроме Асрора есть друзья? — перевел разговор в другое русло Салиев.

— Наверное... Я знаю только Асрора.

— Когда он был в последний раз?

— Вчера... Или позавчера?.. За книгой приходил.

— А не приходил ли когда Камариддин? Немного косит глазами, высокий...

— Не знаю, не видела... Ой, а почему вы спрашиваете? Что-то случилось? Сердце не на месте...

— Нет, нет, ничего не случилось...

Следующим пунктом их экскурсии была школа.

— Пришли проведать наших хулиганов? — шутивно приветствовал их директор, хорошо знавший лейтенанта Муллакузиева. — Вроде бы в Багдаде все спокойно. Идет подготовка к экзаменам.

— Ученика Салима Бекжанова помните? — поинтересовался Салиев. — В прошлом году после восьмого класса ушел в ПТУ.

— Да, мы его туда направили, — кивнул директор. —

Бросил. Приходил инспектор из соседнего района, просил принять его обратно.

— Приняли?

— Школа не проходной двор...

— А если он от безделья спутался с преступниками? — спросил майор.

— Это уже ваша работа, — усмехнулся директор.

— Однако, философия у вас!

— Извините, у меня педсовет, — отмахнулся от дискуссии директор.

— Салим в школе занимался боксом? — спросил майор.

— Это по части преподавателя физкультуры. Вызвать?

— Пока нет, — отказался Салиев. — Сейчас хотели бы поговорить с учеником девятого класса Асрором. Фамилии не знаем.

— О, Мирисаев Асрор, один из лучших наших учеников. Из хорошей семьи. Зачем он вам понадобился?

— У нас есть к нему вопросы.

Директор распорядился, а тем временем начал разглагольствовать, жаловаться на трудности нынешнего преподавания.

— Даже и Асрор выкинул фокус. Недавно обнаружилось, что он «дружит» с девочкой из восьмого класса. Девочку призвали к порядку.

— Почему девочку?

— Это она закружила парню голову. Детдомовская. Матери нет, отец — инвалид. Но вообще, Асрор у нас прекрасный ученик, и если никто с пути не собьет, далеко может пойти.

В кабинет вместо Асрора вошла его классная руководительница.

— Асрора нет, — сообщила она виновато. — Ушел...

— Как ушел? — нахмурился директор.

— Кажется, плохо себя почувствовал. На этой неделе он уже три раза уходил. Странно себя ведет.

— И давно начались эти странности? — заинтересовался Салиев.

Она заглянула в журнал.

— Одиннадцатого мая... он поругался с учительницей географии, потом ушел с литературы. С тех пор и началось.

— А почему он поругался с учительницей географии?

— Ну, это сложная история... — замялась она, но, поощренная директорским кивком, рассказала о благородном решении коллеги Азизхановой войти в дом детей-сирот, стать им матерью. А Дильфузу нужно воспитывать и воспитывать. Мальчик, правда, оказался очень ранимым, стал пропускать занятия...

— Раньше с ним такого не случалось?

— Нет...

— С хулиганами не общается?

— Я сама не видела... Но девочки видели его... возле кино-театра.

— Почему вы мне не доложили? — повысил голос директор.

— Потому что сама не видела.

Чувствуя, что ставит учительницу в неловкое положение, майор прекратил беседу и отпустил ее.

На пути из школы он распорядился, чтобы лейтенант связался с детскими спортивными школами и выяснил, где занимается Салим и где сейчас проходят соревнования.

Возле кинотеатра они увидели нескольких подростков, дымивших сигаретами.

— Шамиль, — позвал Муллакузиев одного из них.

— Что, уже и кино нельзя посмотреть, — немедленно забубнил тот, делая обиженное лицо.

— Где остальные твои приятели?

— Какие?

— Салим, Асрор?

— Я им не сторож.

— А кого вы вчера с Салимом побили?

— Никого. Салима же нет.

— А где он?

— Не знаю.

— Ну, не вчера, так позавчера побили. Знаю я вас! Ладно, не торчите здесь.

— Да, — повернулся лейтенант к Салиеву, — кажется, у вас есть основания для подозрений. Они явно что-то скрывают.

Майор поблагодарил Муллакузиева за помощь, и они расстались. Придя на работу, Салиев застал в своем кабинете Эшбаева. Капитан что-то писал.

— Вас вызывают, — сообщил тот.

— Кто?

— В ГОВД.

— Э, а я хотел поговорить с Кельдияровым.

— Так Кельдияров и его сообщники уже там, еще утром увезли.

— Почему? — удивился майор.

— Приказ городской прокуратуры. Раз в деле замешаны наркотики, они сами будут вести дело. Похоже, нам перестали доверять...

— Что ж, все правильно, — подумав, заключил Салиев. — Так даже будет лучше.

— Может и правильно, но мне обидно, — поморщился Эшбаев. — Мы раскрутили преступление, задержали преступников, и нам же не доверяют... Разве бы я не узнал, откуда у них анаша? Или вы бы не доказали, что они убийцы?..

Делать нечего, Максуд Салиев поехал в горотдел, понимая, что на него накатали внушительную «телегу». Да и пора уже было ей появиться.

Суть жалобы сводилась к трем обвинениям: 1) майор Салиев, пользуясь служебным положением, приобрел два авто-

мобилия и перепродал их на рынке; 2) в таком-то году Максуд Салиев, будучи в нетрезвом состоянии за рулем, сбил пешехода; 3) наконец, не далее как вчера майор Салиев употребил рукоприкладство по отношению к подследственному, почти мальчику.

Пришлось писать объяснительную, благо подполковник был старый сослуживец, и за строгими по форме вопросами угадывалась его симпатия к известному «скандалисту» Салиеву. Действительно, писал майор, он брал по ведомственному списку две машины, но на одной проездил девять лет и потом задешево уступил племяннику, а вторая и по сей день дома стоит, т. е. продана не была. Действительно, в таком-то году он сбил пешехода, но из следственных документов явствует, что пьян был не водитель, а пешеход, и что уже в том году Максуд Салиев по предписаниям врачей вел абсолютно трезвый образ жизни. Что же касается последнего пункта, то удар ладонью (плашмя) был нанесен по поверхности служебного стола, а не по телу Кельдиярова-младшего, чему есть свидетель (Мамаюсупов, заведующий пивной «Чехра»), присутствовавший при событии...

— Что сказать, — улыбнулся подполковник, прочитав объяснительную, — жалоба есть жалоба. Мы вынуждены будем проверять. Но ты не кипятишься и будь осторожен. И главное, делай свое дело...

И здесь подполковник высказал намеком такое, отчего сразу потеплело на душе Салиева и расслабились плечи: сила, куда более могущественная, чем Кельдияров и его клан, заинтересована в торжестве закона и порядка в этом деле...

Но тогда возникали новые вопросы...

«Легко сказать, — ворчал майор Салиев, выйдя из здания ГОВД, — делай свое дело... А вдруг дело обернется так, что убийцей окажется вовсе не Кельдияров-младший. Я, может, и сам хотел бы выдать Кельдияровым на всю катушку. Но... черт, и вылезли же некстати эти школьники с их проблемами. Тут могут под старость из квартиры выселить (и никакая высшая сила не поможет), а ты разбирайся с ними...» Так, рассуждая сам с собой, Салиев добрался до дома Камариддина. Этот рецидивист все больше интересовал его.

Но прежде майор позвонил в квартиру напротив. В чуть приоткрытую дверь выглянул высокий сутулящийся старик. Когда майор вошел в комнату, вышла и хозяйка — весьма бодрая, судя по виду, старушка.

— Я хотел бы поговорить с вами о вашем соседе Камариддине. — начал Салиев.

— Опять человека убил? — всплеснула руками старушка. — Что за напасть такая!

— С чего это вы взяли? — удивился майор.

— Так он же за убийство сидел.

— Он отбыл наказание. Теперь мы наблюдаем, как он ведет себя. Что скажете?

— Нормально, — сказал дед. — Тихо-спокойно. Всегда здороваюсь.

— Ничего подобного, — встряла в разговор старушка, — ни с кем он не здороваётся. Будто глухонемой. Ходит на-супившись. А в глаза ему и посмотреть страшно.

— Камариддин не пьёт, не дебоширит?

— Нет, ходит действительно тихо, но вот когда вернулся из тюрьмы...

— Много людей к нему домой приходит? — не давал ей развернуться майор.

— Не очень.

— А кто приходил в последний раз?

— Не помню, — пожала плечами старушка. — Вот когда он был в тюрьме, к его матери ходил один мужчина. Теперь его не видать, боится, наверное...

— Когда вы в последний раз видели Камариддина?

— Да уже дня два-три тому назад, — ответила старушка. — Мать еще крикнула ему с порога: «Грех на тебе будет!..» Поругались, наверное. А он огрызнулся: «Не твое дело!» — и ушел...

Майор поблагодарил стариков и пошел в квартиру Камариддина. Дверь открыла его мать. Увидев майора милиции, явно забеспокоилась.

— Здравствуйте, вы Насибакон Камалова? — Салиев протянул ей удостоверение. — Если позволите, я войду.

Женщина провела его в большую комнату, усадила в мягкое кресло, сама села напротив и достала сигарету.

— Пожалуйста, — предложила она и майору.

— Спасибо, не курю, — отказался он, изучающе глядя ей в глаза. Однако она никак не реагировала, видимо, привыкнув к мужским взглядам.

— Итак, что случилось? — поинтересовалась она, удобно устроившись в кресле.

— Ничего. Решил проведать Камариддина. Как он себя ведет? Устроился на работу?

— Он ведь отчитывался перед вами, — удивленно посмотрела она на него. — Или вы новенький?.. Устроился сразу, как вышел из тюрьмы.

— Где же он работает?

— В ресторане «Ором», швейцар. Ведет себя хорошо. Не напивается, не скандалит.

— Какие у вас взаимоотношения?

— Нормальные.

— Три дня назад вы крикнули ему: «грех на тебе будет» — что вы имели в виду?

— Я имела в виду, что если он не простит меня за то, что отдала его в детдом, — я с ума сойду. Он изводит меня...

— Как же вы живете вместе?

— А куда же я его дену?..

— Так, ладно... Где он сейчас?

— На работе.

— Работает каждый день?

— Когда как... Часто приходится подменять других швейцаров. Они подрабатывают на свадьбах.

— Где он был вечером десятого мая? Во сколько вернулся домой?

От него не укрылось, что женщина болезненноотреагировала на этот вопрос. Рука с сигаретой застыла, ресницы задрожали. Она переменяла позу, закинула ногу на ногу.

Неожиданно из другой комнаты донесся слабый стон. Майор резко повернулся на звук. Женщина чуть не сорвалась с места.

— Кто там у вас? — спросил Салиев.

— Племянник... в гости приехал. Нездоровится ему. Температура.

— Итак, вечером десятого мая...

— Ах, да... Камариддин был на работе, пришел в начале второго ночи.

«Интересно, — отметил майор. — По словам Талгата, его видели в пивной».

— Когда Камариддин придет домой, передайте, пожалуйста, ему эту повестку. Я буду ждать его завтра в одиннадцать утра.

Поднявшись, майор еще раз посмотрел в сторону комнаты, откуда донесся стон. Женщина, одарив его обворожительной улыбкой, проводила ко входной двери. Можно сказать, деликатнейше выставила за дверь.

На улице майор позвонил из телефонной будки жене. Она, чуть не плача, пожаловалась, что приходили опять из хокимията. Он успокоил ее, что все будет в порядке и сам он придет через час.

Потом позвонил Муллакузиеву. Инспектор поспешил доложить, что Салим сейчас боксом регулярно не занимается. Его отстранили от тренировок за драки на улицах. И никаких соревнований сейчас нет.

— Отлично, лейтенант, — похвалил Салиев. — Завтра в восемь тридцать встречаемся возле школы...

На дверях ресторана «Ором» висела табличка «Мест нет». На пороге неприступно стоял детина с огромными усами.

— Камариддин здесь? — спросил у него майор.

— Какой Камариддин?

— Косой, — пояснил Салиев.

— Э-э... нет его... он отпросился.

— Вы ногорачи¹?

— Кто вам сказал? — удивился швейцар. — Я карнайчи...²
У меня все законно. Патент есть.

¹ ² Ногорачи — музыкант, играющий на ногоре (ударный инструмент, карнайчи — на карнае (духовой инструмент)).

— Десятого мая вы были на свадьбе?

— Десятого? — задумался детина и достал из кармана блокнот. Полистал. — Нет, десятого я стоял здесь.

— А если вы идете на свадьбу, за вас дежурит Камариддин?

— Похоже, что у вас серьезное дело, — вместо ответа сказал швейцар. — Пройдите лучше к хозяину.

Из разговора с хозяином ресторана Салиев выяснил, как и ожидал, что Камариддин только числится в списках. Мать Камариддина работает в управлении, и вообще она штучка — директор не мог ей отказать...

Тайна, существовавшая вокруг группы Камариддина, предвещала нечто важное. Майор чувствовал это. Хотя не снимал подозрений и с Кельдиярова — очень уж бурную деятельность развил его папаша. Слишком бурную.

«Тренер»

По пути на «работу» в пивную Талгат увидел застывшего на берегу Анхора Асрора. Подойдя поближе, остановился. Мальчик никак на него не реагировал.

Взгляд Асрора был прикован к медленно текущей мутной воде, на поверхности которой недвижно лежал Миркасимака. Коричневая вода, плотный, желтый свет солнца. Именно желтый и именно плотный, словно каждый луч вытянулся видимой струной, и потому так гудит в напряжении воздух. Каждый звук наливается тяжестью, но не давит, не оглушает, а легко входит в сознание со всем богатством призвуков, тысячью искр от самих лучей исходящего эха. Белая земля. С шумом проезжает по противоположному берегу грузовик. Два человека, взявшись за руки, спешат, куда-то опаздывая. Какой сильный шелест листвы! Даже больно слушать, ведь шлепок каждого листка о другой в своей различности достигает слуха. Мучительный скрип могучих ветвей платана, как скрип уключин посреди безбрежного океана или безбрежной пустыни. И когда лучи застывают золотыми нитями, когда невозможно становится вдохнуть и звуки обращаются в шум прибоя, Миркасимака вдруг садится на невидимом ложе. Он улыбается Асрору, выщелкивает пальцами старинный, ровный, возбуждающий танец. Асрор поддается ему, невольно подыгрывая ладонями, открывая их навстречу летящим пузырькам ритма. И сразу отпускают легкие, их словно и нет больше. Из самого танца вдруг брызжет радостный, счастливый смех. Асрор узнает голоса: вот Дильфуза, вот Тураб... И даже Камариддин. Асрор никогда не слышал, чтобы вожак так хорошо и весело смеялся. Какое же счастье переполняет его? Откуда это счастье? Как удалось Миркасимуака, в нена-

висти покинувшему жизнь, наполнить смех его друзей небывалой радостью?..

— Эй, земляк, — вдруг услышал Асрор чей-то голос, — ты что, воде сон рассказываешь?¹

Асрор вздрогнул, обернулся. Перед ним стоял незнакомый парень с сигаретой в зубах.

— Что, делать нечего? — спросил тот и предложил: — Пойдем, дело есть.

— Какое дело? — не понял Асрор.

— А вон погрузим в пивной бутылки. Ты мне поможешь, а я тебе лучшего пива налью, прямо из холодильника.

— Пейте сами свое пиво!

— Эй, земляк, со мной не груби. Ты знаешь, кто я?

Но Асрор не дослушал его, повернувшись, быстро ушел. Парень внимательно смотрел ему вслед.

Куда податься? Камара нет, к Салиму идти боязно — там мать Камариддина... А больше и идти-то не к кому. Заир, Атаула? Нет. Как он объяснит отказ отца? А смолчать как?

Асрор зашел в парк и сел на скамейку. Неподалеку оказались два милиционера, и он, пожалуй, впервые в жизни почувствовал, как душа и в самом деле уходит в пятки. Милиционеры прошли мимо, хотя один из них бросил прищуренный взгляд на него. Асрор покинул парк. Немного побродил по улицам и решил сходить к Дильфузе.

Они давно не виделись. Асрор даже перестал встречать ее на углу, чтобы вместе идти до школы. Почему? Асрор не знал. Он только сейчас, задним числом вдруг понял, что они давно не виделись. А сейчас ему очень хотелось ее увидеть, поговорить с ней, пусть даже об учительнице географии...

Открылась дверь, и Асрор застыл в растерянности, узрев на пороге «госпожу Азизханову» в домашнем халате. Она тоже от неожиданности пришла в замешательство, но профессионально быстро овладела собой.

— Хорошо, что ты пришел, проходи, — пригласила она радужным тоном хозяйки дома.

Провела его в гостиную. Отец Дильфузы сидел возле окна и смотрел на улицу. Увидев Асрора, нахмурился, но, обменявшись взглядами с Азизхановой, немного смягчился. Сдержанно ответил на приветствие Асрора, подкатил свою коляску и расположился напротив него. Азизханова отошла к окну.

— Дильфуза поехала навестить братишку и сестренку, — начал он. — Завтра мы их привезем... Теперь мы будем жить вместе. И никто не будет говорить о детях-сиротах... Ты пони-

¹ По народному поверью, если рассказать воде плохой сон, он не сбудется.

маешь, что это значит? Наступит конец бесконтрольным хождениям Дильфузы... И мы очень тебя просим — оставь ее в покое. Она должна учиться и вырасти умницей. Мы этого хотим и добьемся. А ты не мешай.

Асрор сидел неподвижно, уставившись на колеса коляски.

— Ты понял? — повысил тон отец Дильфузы.

— Понял, — ответил Асрор.

— Ну, если понял, то и шагай своей дорогой. И обдумывай каждый свой шаг, мальчик. Иначе я тебе ноги повиديرываю! — все же сорвался он на крик.

Асрор вспыхнул, вскочил с места.

— Это я сбиваю вашу дочь с пути?! — крикнул он.

— Почему ты морочишь ей голову, мерзавец?!

— Я морочу ей голову?! — выкрикнул Асрор, не находя иных слов от гнева и обиды.

Вмешалась Азизханова, положила ладони на плечи калек, уговаривая его: «Отец, возьмите себя в руки!»

— Сгинь, мразь, с глаз моих! — взревел отец Дильфузы.

— Если тебе невтерпеж — проси своего папашу-шабашника! Пусть наймет тебе какую-нибудь танцовщицу из своей компании! А если будешь волочиться за моей дочкой... Подонки!

— Все, все, отец, успокойтесь! Я сама прослежу, — увещевала его Азизханова.

Асрор, размазывая слезы по лицу, выбежал из комнаты. С грохотом хлопнул дверь.

Высочив на улицу, он едва не сбил Дильфузу. Ноги несли его дальше, но девочка схватила его за руку:

— Вы были у нас дома? — спросила она убитым голосом.

Асрор отвернулся, чтобы скрыть лицо.

— Они вчера говорили, что хотят поговорить с вами. Я не смогла предупредить вас, чтобы вы к нам не приходили. Вы ушли из школы, и на углу меня больше не ждете...

Асрор молчал, судорожно хватая ртом воздух, резко выдернул свою руку.

— Что я вам плохого сделала? — воскликнула она, чуть не плача.

— А я в чем виноват? — крикнул он, повернувшись к ней, и сразу увидел слезы в глазах девочки. Возбуждение, душившее горло, стремительно улеглось.

— Не могла им объяснить, что ли? — пробормотал он с досадой.

— Что объяснить? Я стесняюсь... Отца боюсь. Да и не поверит он мне...

— Не поверит, — согласился Асрор.

— Что мы теперь будем делать? — спросила Дильфуза.

— Ты будешь теперь ходить под присмотром своей мамы. Прикажет «встань» — встанешь, прикажет «умри» — умрешь. Учиться будешь, умницей станешь...

— Ну, не надо! — взмолилась Дильфуза. — Я в этой школе

теперь не буду учиться. В медтехникум хочу поступить. И в доме этом жить не буду. Уйду в общежитие!.. Не могу видеть, как она ходит... Я маму сразу вспоминаю!

Дильфуза закрыла лицо ладонями.

Асрор растерялся. Он вдруг подумал, сколько глаз сейчас наблюдают за ними из окон. Отец и мачеха Дильфузы тоже... Вновь захотелось убежать, бросить все и всех, забыть...

Сверху донесся гневный окрик:

— Дильфуза! Быстро домой!

— Завтра мы пойдем вместе? — отчаянным шепотом спросила она и вдруг попеняла ему: — Вы тоже странно себя ведете в школе. Ведь так могут что-то заподозрить... — И поспешила домой.

Асрор посмотрел на окно второго этажа и встретился со злобным взглядом «госпожи Азизхановой». Она словно ждала, что он сплюнет сейчас на асфальт, разотрет подошвой и гордо удалится...

Опустив голову, Асрор побрел в сторону Анхора...

На следующее утро Дильфуза не ждала его. Потоптавшись на месте их встреч, Асрор двинулся в сторону школы один. Наверное, «госпожа» ее увела, решил он.

Как только прозвенел звонок, его из класса вызвали к директору. Настал, видно, и его черед пройти «воспитательный час». Но в кабинете, кроме директора, Асрор увидел милиционера и седовласого пожилого мужчину в штатском.

— Вот наш отличник Асрор Мирисаев, — представил директор. — Асрор, это лейтенант Муллакузиев, участковый инспектор, а это Максуд-ака, тренер из «Динамо». Они ищут твоего друга Салима...

Седой тут же подхватил:

— Салим очень нужен нам сейчас. Через месяц международный турнир. А у нас нет никого в его весе с достаточной подготовкой. Мы были у него дома. Оказывается, он на соревнованиях. Кажется, его подцепили «Трудовые резервы»? Вы, может, знаете, ходил он в «Трудовые резервы»?

— Не знаю, — слегка опешив, пожал плечами Асрор.

— Сейчас в Барнауле идет турнир. Если я не ошибся, он теперь там. Тогда плохи наши дела. Как вы считаете?

— Я не знаю, — опять пожал плечами Асрор и, сообразив, что им все известно от матери Салима, добавил: — Он только сказал, что едет на соревнования, но я не спросил, куда.

— Эх, жаль, опоздали, — посетовал седой. — Соревнования начались четырнадцатого. Значит, они улетели одиннадцатого. Он одиннадцатого уехал?

— Да, — произвольно ответил Асрор и сразу пожалел об этом. Надо было сказать, что раньше.

— Когда Салим вернется, — попросил тренер, — скажите ему, чтобы встретился со мной. Пусть не держит обиды...

Асрор вернулся в класс, но учение не шло ему в голову.

Милиционер, тренер, Салим... Если тренеру нужен Салим, то причем тут милиционер? К тому же не Салим обиделся а они сами его выгурили... И вдруг догадка пронзила мозг: какое «Динамо», какие «Трудовые резервы»? Ведь переименованы!...

Он даже на перемену не вышел. Заир спросил было: «Что с тобой?» Отмахнулся только: «Сижу в кувшине...» А Атаулу вообще погнал подальше, когда тот сунулся. Стало плохо, очень плохо: стало страшно...

Салиев же, услышав ответ Асрора, почувствовал, что напал на верный след. Он со значением посмотрел на Муллакузиева, и тот, поднявшись, отправился выполнять заранее намеченный план. Подошел к телефону-автомату у кинотеатра, позвонил в отделение милиции...

— Нельзя ли увидеть девочку, с которой дружит Асрор, — попросил Салиев директора.

— Одну минуту, — Директор выглянул в приемную, чтобы распорядиться. — Пардон, для нее вы тоже тренер?

— Нет, я из городского управления народного образования. Ведь девочка из детского дома.

Салиев сразу заметил страх в глазах Дильфузы. Впрочем, все боятся директорского кабинета.

— Дочка, я зашел проведать вас, — ласково начал Салиев. — Ваши домашние условия не мешают учебе?

Девочка вроде бы успокоилась, но когда вопросы инспектора коснулись ее поведения, опять насторожилась, как испуганная лань.

— Дочка, не буду скрывать. Нам сказали, что вы часто бываете в компании плохих ребят, это правда?

Дильфуза молчала, опустил глаза.

— Эти ребята учатся здесь?

Дильфуза опустила голову еще ниже.

— Скажи правду, и Асрор там бывает? — вмешался директор.

— Нет, я верю, что вы не делали ничего плохого, — сказал Салиев. — Люди возвели на вас напраслину. Почему-то всегда самое чистое мажут самыми грязными сплетнями. Ничего худого не вижу в том, что мальчик с девочкой сходят в кино. Ведь вы с Асрором дружите чистой дружбой, правда?

Дильфуза кивнула.

— Если вы были в кино, — вновь вмешался директор, — то назовите фильм.

— Не помню названия, — сказала она еле слышно, — индийский фильм.

— В каком кинотеатре?

— «Ватан»...

— Какого числа? — наседал директор.

— Десятого.

— А после этого были в кино?

— Нет.

— Ладно, идите, Дильфуза, — прекратил директорский допрос Максуд Салиев. Потом позвонил в кинотеатр и выяснил, что десятого там шел не индийский, а американский фильм. Но директору подтвердил, что девочка сказала правду. Поблагодарил его и откланялся.

На одиннадцать ноль-ноль, сидя уже в своем кабинете, Салиев вызвал Камариддина. Он даже приблизительно не знал, какова роль этого парня в смерти Миртиллаева, но почувствовал: даже если он ни причем в этом деле, то «следы» его ведут к раскрытию какого-то другого преступления. Салим исчез, Асрор пытается прикрыть его. Дильфуза лжет. И что за дети пошли?..

Камариддин был пунктуален. Увидев Салиева, он сразу понял, что стоит на краю пропасти. Появление майора в гражданском в пивной, парень, представившийся Грегором, — все это выстраивалось очень четко. И если ему сейчас не удастся выскользнуть, то крышка...

Салиев внимательно оглядел крепкого косоглазого парня. Этот? Какие мотивы? Деньги? Но эти вопросы были преждевременны, как и сам вызов, если парень виноват. Но дело сделано.

Салиев не спешил начинать разговор, углубился в бумаги на столе, сделал кое-какие пометки, будто вызывал парня не по делу, а просто посмотреть на него.

Камариддин демонстрировал олимпийскую выдержку. Наконец майор поднял голову.

— Работаете?

— Работаю, — подтвердил парень.

— Где?

— Вам известно.

— Ничего не известно...

— Швейцар в ресторане «Ором».

— Вы вчера были на работе?

Камариддин усмехнулся.

— Нет, я не был на работе, — ответил он уверенно.

— В какие дни работаете? По четным, нечетным?

— Когда как, по договоренности. Я, вообще, редко хожу на работу. Не люблю кланяться людям.

— Гордый... Так переходите на другую работу.

— Не возьмут. Я же обиженный богом...

— Ладно, оставим тему, — кивнул Салиев. — В какие дни после праздника вы работали?

— Ни одного дня не работал. Было тяжело на душе, и я уехал в Фергану.

— Когда вернулись?

— Утром одиннадцатого.

— Значит, в ночь с десятого на одиннадцатое вы были в поезде?

После этого вопроса все сомнения Камариддина исчезли.

— Выходит так, товарищ майор.

— Кто это может подтвердить?

— У меня сохранился билет, — полез в карман Камариддин.

— Что же, вы хорошо подготовились, — оценил майор, рассматривая билет.

— Положение обязывает, — развел руками Камариддин. — Если соседская кошка околеваает, вы ее смерть инкриминируете мне.

— Это обратный билет. А прямой?

— Туда я ехал на машине. Пять часов через перевал.

— Пусть ваш билет побудет у меня.

— Пожалуйста. Только дайте расписку. Вдруг он еще кому понадобится.

Когда Салиев писал расписку, зазвонил телефон. Майор узнал по голосу Эшбаева и сказал в трубку:

— Да, сынок, занятия окончились? Ты встретился с тем человеком?

— Мирисаев после третьей перемены ушел из школы, — коротко начал излагать Эшбаев. — Он направился в квартал два «Б», дом тридцать три. Седьмой подъезд. Квартиру я не успел засечь.

— Собрание рано или поздно закончится, сынок. Подожди. В институте учиться нелегко. Не упусти этого человека. Когда закончится, оповести меня. Может, подойду. Нет, работы не очень много...

Камариддин сидел с рассеянным видом, смотрел в окно. Салиев протянул ему расписку.

— Участковый говорит, что вы собираете вокруг себя несовершеннолетних ребят, кучкуетесь возле кинотеатра.

— Не я собираю. Они сами подходят. Не прогонять же.

— Они не знают о вашем прошлом?

— Знают, я рассказываю им о тамошнем житье-бытье. Ну, не вокруг же вас им собираться, извините!

— Предположим, вы правы, но тогда вокруг вас должны были бы собираться не пять-шесть человек, а толпа.

— Вы же не считали, со сколькими я за день встречаюсь, — пожал плечами Камариддин.

— А вот давайте и посчитаем, — подхватил майор, — начните, например, с Шамиля.

Камариддин улыбнулся и назвал с десяток имен. Асрора с Салимом среди них не было.

— Я не всех по именам помню, уж извините.

— Да, некоторых вы забыли, — подтвердил Салиев. — Например, Салима... Припоминаете? Боксер.

— Точно. Салима запомятовал.

— А где он сейчас?

— Я не видел его после Ферганы.

— А вы что — вместе ездили туда? — удивился майор.

— Да, он услышал, что я собираюсь в поездку, привязался. И я взял его с собой. Почему бы и нет?

— Хорошо. Вы свободны, — отпустил парня майор.

— Спасибо, — поднялся Камариддин. — Только я не понял, зачем вы меня вызывали?

— Придет время — поймете.

— Но учтите, я не позволю навесить на себя чужие грехи! Не те времена! — предупредил Камариддин.

— Я это знаю. До свидания...

Камариддин, тяжело ступая, вышел из кабинета. На улице пошел быстрее, чувствуя, что майор наблюдает за ним из окна. Хотелось скорее исчезнуть из поля его зрения.

Развязанный узел

Дверь открыла мать Камариддина.

— Господи, как хорошо, что ты пришел! — воскликнула она, увидев Асрора. — Иди, посмотри на состояние своего друга! — распахнула она дверь комнаты, где лежал Салим. — Предупреждала же, грех на вас будет!

Асрор по-настоящему перепугался, увидев Салима. Лицо белое, как марля, глаза полузакрыты, дыхание тяжелое, хриплое, словно кто-то душил его.

— Салим, — позвал Асрор, приблизившись.

Салим не реагировал.

— Салим! — окликнул громче.

Салим его не слышал. Асрор почувствовал, как его руки и ноги становятся ватными: вот-вот свалится в обморок. В панике оглянулся на мать Камариддина.

— Я вызвала «Скорую», — сказала она. — Запомни: я не знаю ни его, ни тебя. Я нашла его на дорожке возле дома. Ты проходил мимо и помог мне. Понял? Камариддину сам объяснишь... А теперь соберись с мыслями. Признавайся, что вы натворили? Ограбили кого-то, убили? Да говори же! — встряхнула она совершенно оцепеневшего Асрора.

Он пытался что-то говорить, но язык не подчинялся ему.

— Ах, чтоб ты пропал, обормот несчастный! — оттолкнула она его. — Ладно, что бы вы ни натворили, похоже, вольные дни ваши сочтены. Милиция у вас на хвосте... Если с этим парнем что-то случится, вам же будет хуже. Лучше говорите, что не знаете его.

Тут раздался звонок у двери.

Мать Камариддина в двух словах изложила врачу свою версию. Доктор подошел к Салиму, проверил пульс, поднял веки и послал Асрора вниз за носилками.

Разместив Салима в машине, врач поинтересовался, глядя на мать Камариддина, кто поедет с больным.

— А это обязательно? — смутилась она. — Я ведь совсем не знаю его.

— Я поеду, — сказал Асрор и полез в машину.

— Гони быстрее, — сказал доктор водителю в окошечко и обратился к Асрору: — Ты знаешь этого мальчика?

— Да... нет... совсем немного, — запутался Асрор.

— Если знаешь его адрес, сообщи родственникам. Состояние у него тяжелое...

Асрор остался в приемном покое. Салима унесли.

Где Камар? Почему его нет? Или он уже скрылся? Ведь их всех, наверное, милиция уже разыскивает... Салим просил клубники... Надо было принести клубнику... Что будет с Салимом? Неужели он умрет от пустяковой раны?..

Как вообще случилось, что в один день кончилось «счастливое детство» — жизнь разрушилась? Сидели на берегу Анхора. Камар принес пива. Асрор с Дильфузой расположились чуть в стороне от компании. Потом вышел Миркасима-ака: «А, мерзавцы, поджидаете? Вот как ваше племя уничтожают!» — И взмахнул ножом. Зачем он это сделал и почему решил, что его «поджидали», — Асрор не понимал...

— А, вот ты где. Идем со мной, — позвал его врач «Скорой», заглянувший в приемную. — Слава богу, а то думал, ты уже ушел.

Асрор обреченно пошел за ним. Они вошли в какой-то кабинет. Мужчина в белом халате говорил по телефону. Увидев вошедших, сказал в трубку:

— Вот они, одну минуту, сейчас спрошу... — И обратился к Асрору: — Скажи имя и фамилию больного, возраст, в какой школе учится?

Асрор, заикаясь, ответил.

— Да, товарищ капитан, похоже, ножевое ранение. От недели до десяти дней назад. Потерял много крови. Кроме того, инфекция. Состояние тяжелое. Принимаем все меры. Ничего не могу гарантировать...

«С милицией разговаривает!» — дошел смысл разговора до Асрора.

Он оглянулся. Врач «Скорой» уже ушел. Асрор осторожно попятился в коридор, ватными шагами добрался до входной двери, выскочил на улицу и побежал что было сил. Только на площади перед базаром, чуть не сбив с ног нескольких прохожих, немного пришел в себя. Сел в трамвай. Было слишком душно. Не выдержал — вышел. Сел на скамейку.

Теперь будут искать того, кто ударил Салима ножом. А он мертв. Кто теперь виноват?

Вдруг Асрор увидел на мостовой, прямо посреди проносящихся машин, Миркасима-ака. Покойник подавал ему какие-то знаки, жалобно улыбался.

— Не мы, а вы убийца, — отчетливо произнес Асрор. — Это вы ни за что убили Салима! И пропадите вы пропадом, сгиньте с глаз, чтобы я никогда больше вас не видел!

— Эй, джигит, о чем ты?.. — Парень и девушка, сидящие на другом конце скамейки, удивленно смотрели на него.

Асрор поднялся с места, торопливо зашагал по тротуару.

Убили? Почему он сказал «убили»? Ведь Салим не умер! Сказали, состояние тяжелое. Но доктора всегда преувеличивают. Этого нельзя даже представить...

Асрор подошел к автобусной остановке. По пути к дому Салима пытался обдумать слова, которыми начнет разговор с его матерью. Переходя через Анхор, чувствовал, что Миркасим-ака спрятался от его взгляда под мостом.

— Где твой друг? — даже не ответив на приветствие, набросилась на него мать Салима. — Милиция к нам приходила.

Асрор сразу потерялся.

— Ты что, язык проглотил? Говори, где мой Салим?

— Салим... в больнице.

— Господи, что с ним?

— Не знаю... Что-то с ногой...

— Подожди, проводи меня к нему. Скрываете вы что-то, пострелята!

Она быстро сменила заштопанное платье на более приличное, галоши — на дешевые туфли. Пока добирались до больницы, она несколько раз повторила, не требуя ответа: «Что-то вы скрываете, пострелята».

Асрор проводил ее по коридору, указал на кабинет главврача. Сам быстро вернулся в приемный покой. И вдруг из конца коридора донесся истошный вопль: «Сыно-о-о-к!» Он продолжал звучать, когда Асрор бежал по улице, и потом, когда слонялся вдоль Анхора и равнодушно выслушивал оправдания Миркасима-ака.

Очнулся он, когда сзади окликнул знакомый голос. Камар! Прячется за деревом. Значит, и у него дела плохи.

— Где ты ходишь? Целый день жду. Иди за мной, — приказал Камариддин.

Асрор сообразил, что пришел к своему дому. Вспомнив еще что-то, догнал Камариддина.

— Салим умер, — сообщил он.

Камар резко остановился и схватил его за ворот.

— Кто тебе сказал?

— В больнице... доктор...

— Не учи пустоголовые! От такой раны и в зоне не умирают! Врут они! Идем быстрее, есть разговор, — не поверил или сделал вид, что не верит, Камариддин.

Они вышли на проспект. Камариддин, поймав такси, увез Асрора на окраину города. Завел в кооперативное кафе. Они схоронились в отдельном кабинете в углу. Камариддин достал из кожаной сумки, висевшей на плече, бутылку водки, поставил ее под стул, а сумку придвинул к Асрору.

— Обстоятельства изменились, — сказал он. — Все деньги оставляю тебе. Половина твоя. Другую сохранишь до моего возвращения, если... мне не дадут «вышку». Тогда поделишься с Салимом.

Камариддин откупорил бутылку и, наполнив фужер, залпом выпил.

— Что случилось, то случилось, братишка. Теперь не исправишь. Я виноват. Но на вас даже пылинке не позволю упасть. Мне не впервой, ни черта со мной не случится, выкарабкаюсь... Утром пойду с повинной. Но сегодня я еще должен кое с кем рассчитаться.

Официант принес закуски. Камариддин снова выпил. Асрор ни к чему не притронулся, молчал.

— Не забывай меня, братишка! — обнял его Камар, прижался лбом к его лбу. — Я не совсем дерьмо... Ошибка в том, что я не рожден был волком. Я должен был стать человеком, хорошим человеком, но теперь уж поздно... — Голос его дрожал. — Я сплеховал, а ты не поддавайся. Деньги у тебя теперь есть, иди прямо своей дорогой! А мне еще надо кончить расчет. Опять продала, гадина... Но я не дам ей радоваться со своим хахалем. Сегодня она навсегда закроет глаза, счастливая женщина. Надо было еще тогда, в первый раз... Пожалел... Приди, когда меня будут судить, братишка! Внимательно послушай, что я скажу... А теперь иди. И все забудь. Как был хорошим мальчиком, так и оставайся. Всем назло!

Камариддин сунул ему в руки сумку с деньгами.

— Поймай тачку и отправляйся домой. Никому ничего обо мне не говори! Ну, вали! — слегка подтолкнул он Асрора.

Асрор постоял на улице. Потом поплелся по дороге. Сколько шел, не помнил. Вдруг рядом затормозила машина, из нее выскочил Камариддин.

— Совсем сдурел? — крикнул он зло. — Пешком домой собрался? А ну, садись... — И бесцеремонно втолкнул его на заднее сиденье.

Камариддин остановил машину за квартал до своего дома.

— Шеф, — попросил он, выйдя, — подкиньте братишку чуть дальше, он и рассчитается.

Асрор тоже не доехал до дома. Там ему появляться нельзя. Отец, наверное, уже у этого, как его, — Нуруллы Эгамовича. Верно, костерит Асрора на чем свет стоит... А у Тураба сегодня свадьба... Как они там выкрутились?

Постоял минуту и пошел прочь от дома.

Камариддин наблюдал из-за дерева за своими окнами. Свет горит. Стало быть, «счастливая женщина» еще не отошла ко сну. Придется помочь. Крепко будет спать...

Но его смущала «Волга» с потушенными фарами, затаившаяся за углом дома, выгнувшегося параллельно наблюдаемому. Вынул сигарету.

Показался какой-то парень, вдруг остановился в сомнении между двумя домами: тот или этот?

— Эй, приятель, — окликнул его Камариддин, — спичек не найдется?

Парень резко повернулся на голос.

— Ба! Никак Грегор собственной персоной!.. Чему обязаны? Уж не меня ли ищем?

Талгат стоял, не зная, что предпринять.

— Иди сюда, Грегор, — позвал Камариддин. — Разговор есть. Не бойся, не трону, я тебя давно раскусил...

Талгат подошел.

— Так спички есть?

— Не курю, — ответил Талгат.

— Пай-мальчик, значит. Молодец. Но дела еще не знаешь. А дело обстоит следующим образом: передай своему майору, что утром я сам собирался с повинной, да вы мне помешали — дергаете, кого не надо. А теперь еще одна проблема, и опять вы мешаете. Ну, раз так, придется вам малость подождать... Человека, которого вы нашли в Анхоре, убил я. Он пырнул лезвом моего братишку! На, возьми, вот этим ножом, — протянул он Талгату завернутый в носовой платок нож.

— Похвально, что сам признался, — кивнул Талгат. — Идем.

— Ты не понял? Я же сказал: возникла проблема. Приду сам. Не завтра, так послезавтра...

Талгат вдруг заломил Камариддину руку за спину.

— Ты что, я же с тобой по-хорошему говорил, — возмутился Камар. — Что за грубые манеры. Грегору не к лицу.

— Не дури, пойдем, — прикрикнул Талгат. — Веди к себе домой.

— А, так ты ко мне домой хочешь? — засмеялся Камариддин. — Я-то думал, в отделение. Тогда милости просим, дома мы, пожалуй, и столкнемся...

Камариддин потянул «Грегора» к своему подъезду, но с третьего шага резко вырвал руку и с разворота ребром ладони ударил конвоира по шее. Талгат рухнул, не успев издать ни звука. Камариддин скрылся между деревьев.

Вяжущая слабость сковывала движения Асрора. Иногда тело пробирала крупная дрожь, и приходилось останавливаться, пережидать напасть. Но он все же добрался до дома Камариддина. Осознав в одиночестве слова вожака, он хотел помешать ему. Камар — хороший человек, он не должен губить себя. Да и мать есть мать, какой бы она ни была, нельзя на нее поднимать руку.

Но возле Камариддинова подъезда Асрор увидел «Волгу» с включенным двигателем и группу людей. Узнал «тренера», разговаривающего с «грузчиком из пивной». Из подъезда вышла с тревожным лицом мать Камариддина. Асрор попятился, испугавшись, что его заметят, растворился в темноте.

Переходя Анхор по мосту, он услышал плеск в воде, пробормотал: «Сейчас, я сейчас...» Он направился к дому Салима, но не зашел. Ярко горел свет в окнах, на улице толпились люди, переговаривались, какая-то женщина громко всхлипла. Словно в ответ, из дома донесся плач, длинный, нескончаемый...

У Асрора закружилась голова. Он переждал, прислонившись к забору. Тяжелая сумка больно оттягивала плечо. Асрор взял ее в обе руки, пробрался сквозь жидкую изгородь в огород. В углу на грядке лежала брошенная матерью Салима мотыга. Она уронила ее, услышав, что сын в больнице. Асрор выкопал неглубокую яму и вложил в нее сумку. Слегка присыпал сверху, оставив снаружи лямку, в лямку же вдел рукоятку мотыги. Так и оставил...

Вот и Анхор. Свет фонарей на черной и складчатой ткани воды. Асрор спустился к кромке берега, сел, чувствуя, что ничто в мире не заставит его куда-то еще идти, что-то делать, думать, переживать. Он устал.

Бойко трещали, перебивая друг друга, сверчки. Ветер шевелил листву плакучих ив, склонившихся над водой.

Салим, как живой, сел рядом и подмигнул ему. С таинственным видом достал из-за спины плитку пломбира, разломил пополам и щедро протянул Асрору большой на вид кусок. Асрор удивился. Ведь всегда именно он угощал безденежного Салима...

Сладкая сливочная масса холодом обжигает горло. Захватило дыхание. Блаженство! Вокруг томительно-яркий, гулкий день — последний день учебы во втором классе. И мысль: все лето еще впереди. Два мальчика, управившись с мороженым, молча смотрят на воду.

— Ты мой самый большой друг, — произносит Салим, серьезно обдумав эти слова. — Теперь я буду покупать тебе мороженое...

Асрор, откинувшись на траву, жмурится на солнце. Ему лень отвечать. Молочный вкус еще не растворился на губах. Перед глазами раскачиваются ослепительные цветные пятна. Заунывно скрипят стволы платана.

Но вот свет потускнел, что-то его заслонило. Асрор силится увидеть, морщит лоб, пытаясь сосредоточить взгляд. Наконец, это ему удается: над ним склонилось лицо человека. Добрые и смеющиеся глаза. Миркасим-ака! Он качает маленького Асрора!

От какой-то волшебной искры во взгляде Миркасима-ака безудержная радость просыпается в душе Асрора. Она рвется наружу сквозь непослушную гортань, разлепляет толстые и непослушные губы. Асрор слышит свой смех. И хотя вода уже сомкнулась над головой, он смеется, слышит веселые крики своих друзей. Их много. Они приближаются, встречают Асрора.

Он вступает в царство счастливого детства.

Перевод с узбекского
Владимира ВАСИЛЬЕВА.

Символ молчания

смахну рукою розовый туман
и в лабиринт войду благоуханный
томленьем наполняющейся розы
и каплей переполненной застыну
на бархатной поверхности вселенной

я пью нектар твоих раскрытых губ
вхожу в объятье ночи
сокровенность
как роза распускается
умру
и оживу с тобою
плач цикады

1992

Подожди на нас смотрят

я долго ждал но крик не отозвался
пропал в расщелине
запутался в кустах
в траве самодовольной пело эхо
случайного ручья
поток лучистый
текущий вспять легко струился вверх
в разлом горы в кустарнике на склонах
в зенит входило лето
я сидел
на берегу и расплескать не мог
немое ожидание летала
металась бабочка разбрызгивая свет
на подорожник пыльный и на камни
похожие на черепа

а на верху
сверкая пятками торжественно сидели
чернее черных муравьев мальцы
и жестами показывали чтобы
я искупался в ледяной воде
или нырнул
я им махал в ответ
а сам смотрел туда где торопливо
обочиной дороги шла девчонка
и красный сарафан пылал на ней
как пламя раздуваясь
словно птица
слетала вниз планируя руками

Графика
Анатолия УТЕГАНОВА

и улыбалась так как будто знала
о том что будет счастлива сегодня
и плеч ее загар овал лица
и плавный жест руки над головою
все волновало душу
до автобуса
всего лишь оставалось два часа
но вечность целая клубилась впереди

1992

Ночь изученье английского

как будто может дерево расти
корнями устремляясь к небесам
повиснув кроной в воздухе усталом
как будто может на снегу трава
цвести нежнее чем в самом апреле
не напрягаясь

не боясь замерзнуть
а лепестками шевеля раскованно
рискваннона вьюжистом ветру
приходят люди

для которых небо
колпак который можно заменить
а слово компас

за которым можно
идти в страну неведомую прежде
мы брошенные дети

говорим
с природою на разных языках
попробуйте услышать и понять нас
и может быть поймете

отчего
трава цветет среди завалов снега
а дерево растет корнями вверх

1993

Между светом и тенью

Время такое — левый глаз
завидует правому, притворяясь
облаком беззаботным. Язык
болтает без умолку, как попугай,
выучившийся говорить.

Как с бархана песок, песок,
осьпаются и обваливаются,
образуя наплывы боли,
воспоминанья свои и чужие.
Так запуталось все. Непонятно
чьей судьбою живу. Удивленно
всматриваюсь в свое отраженье —
то ли зеркало врет,
то ли свет преломляется так,
только я исчезаю все время.
Появляюсь и исчезаю.
И печаль, по стеклу растекаясь,
представляется не моей.
Видно, время теней наступило,
не исчезающих в полдень.

Мучает больше, чем жажда.
Пугает безвестностью жизнь,
которая больше не будет,
которая не была. Гнетет,
как радуга в январе,
раздвоенность чувств и мыслей,
разлетаются и рассыпаются
мною не заданные вопросы.
Стрекоза, пролетевшая мимо,
большим смыслом наполнит пространство,
чем твоей головы поворот.
Вот бессмысленность: одиноко
голосую машину в степи
неизвестно — откуда,
непонятно — куда.
Лебеда — не цветок. Но однако
среди тех, кто во всем разуверился,
я, единственный, может быть,
все еще продолжающий верить
в то, что деревья растут,
в небеса упираясь корнями...

Плачет перепел под смородиной,
дышит запахом мяты луна.
Свет, ломаясь, стекает с нее
и зловещая тень, увеличиваясь,
существо неземное
на сухоньких ножках кривых,
неземной возникая тенью,
поедает его как траву...
Сон приснился вчера: на казнь
вели меня адвокаты дьявола.

А ведь прав оказался Сократ,
стократ оказался прав,
когда утверждал, саркастически улыбаясь,
что знает лишь то, что ничего не знает.

В детстве я хотел побыстрее состариться
и затем, как можно дольше,
стариком оставаться. Теперь,
не успев еще толком пожить,
и состариться не успев,
я хочу попрощаться с теми,
с кем пришлось делить немоту.

Между светом вечерним и тенью
существа неземные летают —
это даль моих сновидений
приближается, как мираж...
Правая нога делает шаг вперед,
левая — норовит в сторону,
а меня самого пытаются убедить,
что мир познается спиной.
Ничего не поделаешь, признаю:
быть чутким к трагическому в жизни,
значит, не ощущать счастья.

То ли гром грохочет,
то ли земля опрокидывается,
а может быть это небесные ангелы,
пролетая над нами,
жутко хохочут над последней проделкой теней.

1993

* * *

Остались два шезлонга, берег моря,
и яблоко упало на песок,
здесь были двое, рассуждая, споря,
они с надеждой лица на восток
все обращали. Там корабль желанный
был должен появиться, но... увы,
не появился. Парой странной
покинуты шезлонги, видят сны
последние в каморках горожане,
и утро свой разыгрывает вальс
под разговор иной какой-то пары.
Мотив новейший, но уже усталый
приходит на приморский променад,
пьют школьники холодный лимонад,
и радуют угорством ухажеры,
им улыбаются чужие жены
(так жизнь курортная в который раз
прокручивает фильм свой). В неглиже
бежит красotka в полосу прибоа,
ничто не предвещает... томно море,
а яблоко надкушено давно,
там пьют гуляки кислое вино.
В губительном желаньи озаренья
все цепенеет, силится упасть
на волны камикадзе-чайка,
пес (сгусток пыли) разевает пасть,
и пара новая садится в те лонгшезы.

Они приближаются

Они приближаются.
Шаги уже грохочут в долинах. Но может, они едут
на велосипедах?

Они приближаются.
Птицы приветствуют последний поход. Вымпелы уже видны
над линиялой равниной.

Они приближаются.
Совершенно одинаковые, живые и сильные. Им не знакомы
ваши различения и ночные мысли.

Они приближаются.
Уже виден вымышленный пейзаж. Он покрывает перезревшие
следы ваших батальон.

Они приближаются.
Наконец-то они войдут в ваши опустевшие храмы.

Они приближаются.
Ваши книги для внутреннего пользования будут теперь читать
ветер и огонь.

Они приближаются.
Всходит новое солнце, вырастает новая трава, новая
вода течет из кранов.

Они приближаются.
Теперь ваши тени пойдут за ними. О тенях можно не
беспокоиться.

Они приближаются.
Инфернальные страхи уходят. Их сменяет аппетит
дневного зверя.

Они приближаются.
Они знают новые слова о любви, но пока молчат.

Они приближаются.
Ну что ты стоишь? Они же приближаются!

Они приближаются.
Морщины на лицах стремительно разглаживаются.
Теперь все лица одинаковы.

Они приближаются.
Они уже здесь, поэтому я заканчиваю.

Среди ветвей

Листья на склоне, просохнув, воспрянули.
Природы законы. Ходьба по намокшему полю,
через струенье дымов, опадение влаги на траурный
камень,
на ветви.

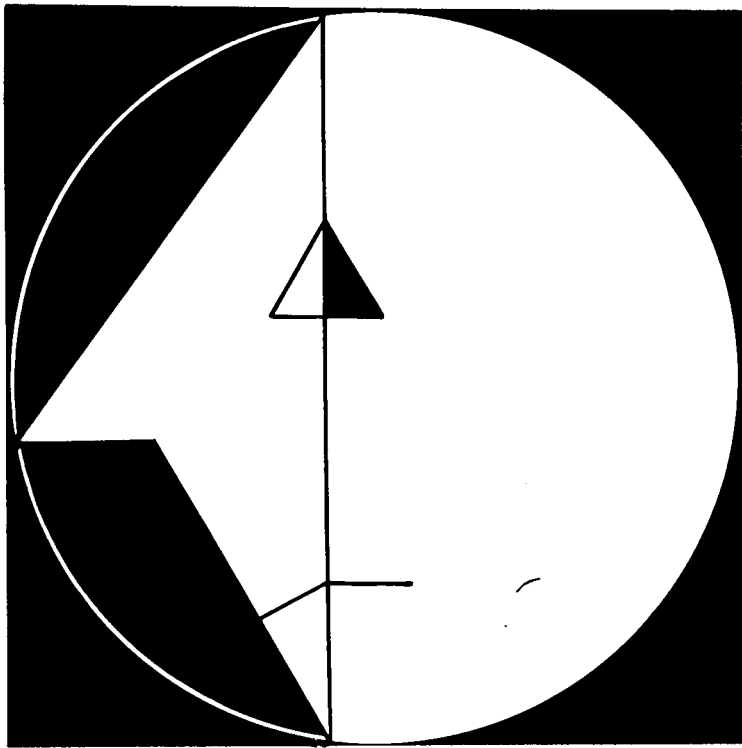
Темницу раздвинув, что зеленью скоро взорвется
и станет иной,
сохраня лишь контур в твоих угловатых раздумьях.

В, мире звучащем опять перемена:
капли дождя зазвучали — туман разродился.
Порой ты бываешь уверенней, тверже,
чем вечный костяк оснований природных. Порой.

Ландшафт изменяется, кроет уклоны трава
неподвластная...

Гибель, рождение проходят:
их взглядом следить осторожно.
От холода выбрав укрытье, ну — хорошо.
И как же тогда? (У картины изъян — птицы розовый
контур

топорщится).

Графика Дмитрия ПЕТИНА.

И два мира нет смысла соединять,
между ними капкан превращения таится.
Проникнуть, уняв подступившую дрожь —
безнадежно.

Со стороны наблюдение.
Человеческий окрик растениям не внятен.

Ветки уперлись в лицо.

Полуденная медитация

В дверь эту опять проникает
с трудом. Когда?
Когда тыходишь в расступившиеся
воды, стены, пески, жизни чужие.
Что же? Дождаться, отбросить и... шаг,
после — новое, нет, все то же, разговор посторонний.
И опять повторяясь
(блаженная возможность повторяться!),
учись.
Кто ты? Особенно после,
когда уже столько ключей
побывало в руках твоих. — Или же это?..
— Нет, ни за что.
Отступленье, подчас невозможно,
захватило и тащит тебя по кускам
по-новой разыгрывать сцену.
Кое-что уж настолько заучено,
что расслабиться можно, подумать,
помыслить... и вот — пробужденье.
Следы увяданья, забытые вещи,
рассказы привычные, город вокруг.
День. Ты задумался.

* * *

*И ты глотаешь этот жгучий алкоголь,
Жизнь пьешь, как водку пьют, испытывая боль...*

Г. АПОЛЛИНЕР

«Когда бы чашу пронести сулил Господь», —
глоток, застывший в горле,
обжигает.
В городе весна
толпится,
жженье не стихает,
но ровным пламенем горит.

«Как водку пьют, испытывая боль».
Роняя слов листву,
ты продвигаешься в объятия сезона,
он будет не таким.

Надсадный окрик чаек
венчает хор, ты знаешь: вычленишь мотив
бессмысленно.

А может бесполезно?
Чередование глотков
уродство
подчеркивает горлового спазма:
не говоришь, стонать давно не смеешь.
Так тишина медлительна,
и нет чтобы взорваться,
даже треск
ракушки под стопой
не отзывается.

Беспамятные звуки
терзают бесконечность,
мчатся, не вонзившись.
Горло жмет
вспоминание глотка, мираж ожога.
Камень, нагреваясь,
лишается бессмертья.
Брось его,
он Вечности уже не сопричастен.
Ты выбрал жить,
ну так глотай скорей.

ОРДЕН НАКШБАНДИ

Мало кто знает, но сам Ходжа-йи бузург и Шах-и накшбанд*, известный под этими именами и — главное — под другим — Бахауддин Накшбанди,— основателем «дервишской школы» или «дервишского Ордена» никогда не был...

Энциклопедический словарь по исламу утверждает, что он — «пятый в цепи руководителей накшбандийа»; «золотой цепи», — соединяющей достойных с Пророком.

Духовным же основоположником самого, пожалуй, распространенного и знаменитого братства суфиев** считается ходжа Юсуф ал-Хамадани. Но, без сомнения, дела и благо, порожденные праведной жизнью Бахауддина, рожденного в 1318 году и умершего в 1389, вместе с собственным, преподанным и другим, ее осмыслением, настолько выделили его среди тех, кто прошел этот Путь и пред ним и после него, что Бахауддин был поднят недостижимо

высоко во мнении принявших учение, вознесен над всеми иными, наставляющими в Истине. А доверие к ним было столь неколебимым, что именно накшбандийским суфиям даровалось право «вводить своих учеников в другие дервишские Ордена».

Бахауддин словно бы растворился в братстве, а братство — в нем...

И последующие поколения в мусульманском мире, ведущие поиск духовного и — отчасти — мистического через суфизм, тоже приняли это как должное, слив воедино носителя идей, символов и откровений с самими идеями, символами и откровениями.

Идрис Шах, отрывки из книги которого мы предлагаем вместе с малоизвестным текстом Алишера Навои, останавливаясь на жизнеописании святого, выделяет три узловых момента его судьбы: «Бахауддин семь лет был придворным, семь лет присматривал

* Название его ремесла (накшбанд — чеканщик) легло в основу имени Ордена.

** Суфизм — мистико-философское течение в исламе.

за скотиной и семь лет провел на строительстве дорог...» Но во всех трех случаях аскеза Бахауддина по отношению к самому себе и безмерная самоотдача по отношению к другим были постоянны, составляли цельность его природы, одинаково этим угодной и Богу и всему сотворенному Им.

Письменных каких-либо трудов

Накшбанди не оставил... Но оставил память об истинно святой своей жизни. До сих пор люди считают его покровителем Бухары, своим ходатаем перед Милостивым и Милосердным...

Могила его — место паломничества. Говорят, трехкратное ее посещение приравнивается к хаджу в Мекку и Медину.

Алишер Навои

ХОДЖА БАХАУДДИН

...Говорили, что первым посмотрел на него благосклонно святой Ходжа Бобо Самосийдин, а на путь своего совершенствования он встал как ученик Амира Сайида Кулолдина. Дух же свой воспитал, отдав себя в послушание известному шейху хазрату Ходжи Абдухалику Гиждувани.

...Говорили, что однажды вечером в Бухаре пришел он к трем гробницам. И в каждой стоял светильник, полный масла, с погруженным в него фитилем. И нужно было возжечь огонь и дать ему разгореться.

(И пришло к нему в тот момент откровение, о котором он мог бы поведать так...)

...В последней священной гробнице я присел, обратившись лицом в сторону Киблы*. Тотчас незримое стало видимым, так как стена предо мною начала расходиться, медленно разделяясь надвое.

И стоял там, за нею, величественный трон, сокрытый от глаз занавесом зеленым, задернутым. Вокруг же толпились многие люди, и узнал среди них я Ходжу Мухаммада Бобо, а узнав — сразу же понял, что лицезрею я умерших...

Тогда сказал мне один из них, что на троне — Ходжа Абдухалик. А все, рядом стоящие, халифы его. Потом стал называть мне их имена, дойдя же до Ходжи Мухаммада Бобо, тоже заметил, что он тот, с кем встречался я при его жизни, назвав когда-то пиром своим, и который вручил мне шапку-кулох и предсказал о будущей благодати — отвращать зло.

После этого собравшиеся у трона обратились ко мне, чтобы

* Кибла — место, указывающее направление к Мекке, куда обращается лицом молящийся мусульманин.

я слушал внимательно и запоминал то, чему станет учить великий хазрат Ходжа, ибо нет мне другого пути в постижении Всевышнего, чем этот...

Я же обратился к обществу с просьбой позволить поклониться хазрату Ходже, а еще — мне хотелось бы удостоиться великой чести, лицезреть его...

И сняли с лица его покрывало. И увидел я своего пира в лучах света. И приветствовал я его.

Он мне ответил. И — сразу же заговорил... О том, чего следует достигать суфию в самом начале своего пути, а затем в середине его и в конце. О том, что через три светильника мне было показано, указано и предсказано, будто путь этот истинно для меня, так как есть во мне и способности и дарование. Но фитиль дарования поддерживать следует еще до того, как он разгорится и тайное проявится в нем.

И еще сказал он о том, чтобы я не входил в запретные состояния, а оставался бы праведным. Чтобы следовал предписаниям, обозначенным в сунне*. Держался бы вдалеке от всех ересей, но следовал бы данному в хадисах и в священном Слове.

Предлагалось мне быть воистину праведным, изучающим сокрытые знаки и сокровенные послания... Быть — лучезарным.

Мы — свидетели чистоты твоего духа, — сказали мне там стоящие. — Ты последуешь всем предписаниям, содержащимся в учении, открытом святыми устами. На рассвете же быть тебе в том месте, которое сейчас мы укажем. Теперь тебе следует послужить Амиру Сайиду Кулолу.

И служил я Амиру. И он проявил ко мне великую милость, — путем наставлений открыл мне тайну ученья. Я был верным послушником. И скоро сам уже мог входить в открытое мне состояние.

О многом я спрашивал. О том, например, быть дервишем — значит н а с л е д о в а т ь образ подобной жизни или же самому и з б р а т ь его, этот божественный экстаз, одинаковый и для джинна и для человека?..

Вся благодать от Бога, отвечено было мне.

Еще спросил: для чего здание вашего учения?

Сказали: для уединения в обществе. Хотя внешне — мы с ним, даже если оно

— **во время купли-продажи забудет совсем о Всевышнем.**

Сказано было дальше, что не держат они рабов и прислугу. Почему? — опять спросил я тогда.

Они же ответили, что эти — все равно что совершившие хадж.

У них же спрашивал: как длинна та цепь, что их связует?

Они ответили: не дано человеку увидеть ее окончание.

* Сунна — священное предание, изложенное в рассказах-хадисах о поступках и изречениях пророка Мухаммада.

Еще говорили: окинь взором своим, человек, страсти свои. Если ты при помощи Бога отретишься от них и раскаешься в разных грехах, то почувствуешь облегчение. Если же затаишь в себе хоть один грех, то отяготишь себя непосильною ношей.

Бог испытует нас каждый свой миг.

Джунайд Багдади поведал: шестьдесят лет исповедую я ислам и ступаю путем суфизма, путем любви, но — в каком состоянии мы, никому никогда не узнать.

Сказали еще: наше учение — это беседы. А слава — в уединении, в нищенстве. Благочестиво то общество, которое в беседе. Она — условие быть друг к другу внимательными. Всевышний так повелел, чтобы сведущие в суфизме поддерживали беседу. До самой смерти... И в этом будет их благодать.

Следуя нашим заповедям, можно прийти к полному растворению в Боге, ибо в них — учение веры. Оно же — истинная наша опора, повеление следовать предписаниям Мухаммада, да будет душе его мир, а также великих пророков, да ниспошлет на них Аллах свою благодать.

На нашем пути даже малыми усилиями можно достичь больших побед. Следовать сумме — это великое дело. А одно из непреложных условий — отыскать одного из возлюбивших Аллаха, подружиться с ним и вести беседы. Пусть каждый сравнивает в беседе свое время с прошлым. Если же обнаружит в себе изъян и станет стараться избавиться от него, то пусть почитает своим долгом общение с познавшим Бога.

Слово «лоилоха» — отрицание божества природы. «Иллалох» же — постижение правоты Аллаха.

Цель зикра* — чтобы повторяющий слова молитвы поднялся до Истины. И достаточно войти в это состояние всего однажды и часто не повторять.

...Сказали мне также о хазрате Ходжи Азизоне, который сравнил нас всех с песчинкою малой, но тоже имеющей свою точку зрения, постигающей единственность Бога.

...И о том, что у шейха Абу Сайида Абдулхайри спросили: какой аят из Корана читать в момент заупокойной молитвы? И он ответил, пусть читает вот этот бейт:

В чем же она, о приятель, мира этого красота?

В том, что друг идет к другу, возлюбленный Им к Нему.

Завершить же молитву можно такими словами:

Буду нищим в объятьях Твоих,
Но молю о свиданьи с Тобой,
Возлюбленный,
Я истомился...**.

* Зикр — особый (у суфиев) способ поминания имени (имен) Бога.

**Литературный перевод текста Навои В. Кузьминой и М. Нигмановой.

КАК ВОЗНИК ОРДЕН

Три дервиша отправились в Длиннейшее Путешествие.

Когда они вернулись, люди спросили их:

«Что помогло вам завершить путешествие, достичь цели, вынести лишения и вернуться?»

Первый ответил: «Кошки и мыши; так как, наблюдая за ними в обычном мире, я научился сознать одинаковую важность неподвижности и активности».

Второй ответил: «Пища, так как она дала мне возможность терпеть и понимать».

Третий сказал: «Упражнения, так как они научили меня быть активным и целостным».

Невежды из слушателей попытались буквально последовать этим советам. Они не достигли успеха и, по крайней мере, в действительности ушли с пути дервишей.

Полунежды из слушателей сказали: «Мы не станем подражать им во всех подробностях, мы попытаемся скомбинировать эти принципы».

Они также не достигли успеха. Но они зато ушли с пути дервишей, оставив их с миром, так как считали, что сейчас обладают всем учением.

Затем дервиши сказали тем, кто остался:

«Сейчас мы покажем вам, как правильно скомбинировать тайны с самыми обычными вещами в этой жизни, и совершение Длиннейшего Путешествия может стать возможным».

Это и есть учение.

Так возник Орден (Мастеров).

И так ведут себя люди внешнего и внутреннего понимания.

ТРИ ПОСЕЩЕНИЯ МУДРЕЦА

Бахауддина Накшбанди посетила группа искателей. Она застала его во дворе в окружении учеников. С первого взгляда посетителям стало понятно, что они попали в разгар пиршества.

Кое-кто из них сказал:

«Как отвратительно, так нельзя себя вести, каков бы ни был повод».

И попытался указать Мастеру на это.

Другие сказали:

«Но это же превосходно, нам нравится такое учение и мы хотели бы присоединиться к нему».

Третьи сказали:

«Мы немного смущены и хотели бы побольше разузнать об этом странном случае».

Остальные сказали друг другу:

«Возможно, в этом заключена какая-то мудрость, но нужно ли об этом спрашивать или не нужно, мы не знаем».

Учитель их всех отослал прочь.

И эти люди в беседах и писаниях распространили свои мнения о том, что видели. Даже те, кто не упоминал об этом прямо, настолько остро переживали увиденное, что в их речах и работах отразились их мнения.

Некоторое время спустя кое-кто из этой компании снова проходил мимо дома Накшбанди. Они опять навестили Учителя.

Еще у калитки заметили, что он и его ученики благочинно сидят во дворе в глубоком созерцании.

«Вот это уже лучше,— сказали одни,— ибо он, очевидно, вял нашим увещеваниям».

«Это замечательно,— сказали другие,— так как в прошлый раз, он, несомненно, только испытывал нас».

«Все это слишком угрюмо,— сказали третьи,— ибо постные лица мы могли бы найти в другом месте».

И так выражалось еще много различных мнений, громких и молчаливых.

Мудрец, когда окончилось время размышлений, всех их прогнал.

Прошло много времени, и вот некоторые из этих людей снова пришли к Накшбанди, чтобы он растолковал им обе ситуации.

Они приблизились к калитке и заглянули во двор. Учитель сидел один, не пируя и не медитируя. Учеников рядом не было.

«Я уже отпустил своих учеников, так как задача выполнена и сейчас вы можете услышать всю историю целиком,— сказал он.— Когда вы пришли сюда в первый раз, у меня был класс слишком серьезных учеников. Я применял исправительные меры. Когда вы пришли во второй раз, они были слишком веселы — я занимался исправлением».

Когда человек работает, он не всегда объясняет свои действия случайным посетителям, какими бы заинтересованными они себя ни считали. Когда действие находится в стадии развития, единственное, что имеет значение, это правильно выполнять это действие. В таких обстоятельствах внешняя оценка обладает второстепенной важностью».

МЕТОД ОБУЧЕНИЯ

Бахауддин сидел с некоторыми из своих учеников, когда в зал собраний вошла группа его последователей.

Аш-Шах попросил каждого из них объяснить, почему он пришел.

Первый сказал: «Вы Величайший Человек на Земле».

«Я дал ему как-то лекарство, когда он болел, вот он и считает меня Величайшим Человеком»,— сказал Аш-Шах.

Второй сказал: «С тех пор, как вы позволили мне посещать вас, я обрел духовную жизнь».

«Он мучился сомнениями, ему было не по себе и никто не хотел выслушать его. Я посидел с ним, и спокойствие, обретенное в результате нашей беседы, он называет своей духовной жизнью»,— заметил Аш-Шах.

Третий пришелец сказал: «Вы понимаете меня, и все, что я хочу, это слушать ваши беседы на благо моей души».

«Этот человек жаждет внимания к себе, даже если оно проявляется в критике»,— сказал Аш-Шах,— и это он называет «благо моей души».

Четвертый ответил так: «Я ходил от учителя к учителю и практиковал их учения. Но только после того, как вы дали мне упражнения ВАЗИФА, я по-настоящему ощутил яркость нашего с вами контакта».

«Упражнение, которое я дал этому человеку»,— сказал Аш-Шах,— было просто придумано мной и оно вообще не имеет никакого отношения к его «духовной» жизни. Нужно было выявить его иллюзию духовности, прежде чем я мог бы достичь той части его существа, которая является в самом деле духовной, а не чувственной».

ПРЕЕМНИК

Забит ибн Аль-Мунаввар, мистик высоких достижений, умер, оставив людей оседлости в Балхе, без подлинного учителя. Почтенный Ас-Саяр, в то время человек лет сорока, был послан из Туркестана Бахауддином, чтобы стать наставником этой общины.

Когда Ас-Саяр (да будет благословенно его сокровеннейшее сознание) прибыл в Балх и вошел в Ханджан, то нашел там Посланника (Халифа), окруженного его учениками и решающего дела общины.

Ас-Саяру определили место на кухнях. Только один ученик признал в нем преемника, но Ас-Саяр приказал ему молчать. «Мы оба здесь занимаем низкое положение»,— сказал он ему.

Месяц спустя Ханджан посетил Великий Шейх из Хорасана. Проходя мимо кухни, он воскликнул:

«Истинный друг здесь! А не истинные еще повсюду!»

Никто не понял этого намека, пока не пришло письмо от Хаджагана, адресованное Ас-Саяру, как Утвержденному Преемнику.

После этого ему были оказаны великие почести. Азимзада, ученик, узнавший Преемника, стал, в свою очередь, главой этого монастыря.

ДРЕВНЕЙШИЕ МАСТЕРА

Бахауддин мысленно перенесся назад во времени.

Он рассказал группе посетивших его искателей:

«Только что я видел и общался с мастерами древнейших времен, которых считают давно умершими».

«Пожалуйста, расскажите нам, как они выглядели?» — попросили его.

Бахауддин ответил: «Ваше отношение к учению таково, что они сочли бы вас демонами. Суть заключается в том, что если бы вы увидели их, вы рассматривали бы их совершенно неприемлемыми для общения с собой. Тогда вы не спрашивали бы о них».

ПОЧЕМУ Я ТАК СДЕЛАЛ

Однажды один человек пришел к великому учителю Бахауддину. Он попросил помочь ему в его затруднениях — взять над ним руководство на Пути Учения.

Бахауддин посоветовал ему отказаться от духовных наук и немедленно уйти.

Мягкосердечный посетитель принялся было возражать Бахауддину, но мудрец сказал:

«Сейчас вы увидите подтверждение».

В ту же минуту в комнату влетела какая-то птичка и заметалась туда-сюда, не находя выхода.

Суфий подождал, пока птичка села возле единственного открытого в комнате окна, и хлопнул в ладоши. Испуганная птица метнулась прямо в окно и вылетела на свободу.

«Для нее, — сказал Бахауддин, — этот звук был чем-то вроде удара, даже оскорбления, не так ли?»

КОСВЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ

Какой-то ученик посетил Аш-Шаха Бахауддина Накшбанди из Бухары.

После того, как он пробыл в его собрании несколько дней, главный ученик Бахауддина сделал ему знак приблизиться к шейху и говорить.

«Я прибыл, — начал ученик, — от Шейха Ридвана. Надеюсь, вы дадите мне что-нибудь?»

«От кого?» — переспросил Аш-Шах.

«От Шейха Ридвана».

Бахауддин попросил человека повторить снова, что он сказал.

Затем снова и снова, пока человек окончательно не убедился, что Накшбанди глух и, по-видимому, глуп.

И вот, когда подобный обмен между ними продолжался уже целый час или даже больше, Бахауддин сказал:

«Я не могу вас услышать. Я не слышу слова, которые вы произносите».

Ученик встал и направился к выходу, прошептал: «Да простит вас Бог!»

Аш-Шах, уже ничуть не глухой, тут же ответил: «И вас, и Шейха Ридвана».

ВОЗДУХ КАРС ЭЛЬ—АРИФИНА

Рассказывают, что правитель Бухары однажды послал за Бахаудином Накшбанди, чтобы посоветоваться с ним по одному делу.

Его послание к Бахауддину гласило:

«К нам приезжает посол. Я хочу, чтобы вы были рядом со мной, когда он прибудет, ибо я нуждаюсь в ваших советах. Пожалуйста, приезжайте немедленно».

Бахауддин послал следующий ответ:

«Я не могу приехать, так как в данное время завишу от воздуха Карс Эль-Арифина и не имею возможности привезти его с собой в кувшинах».

Правитель поначалу был весьма смущен этим ответом, а затем даже раздражен. Несмотря на великую значимость Бахауддина, как мудреца, он решил, при случае, упрекнуть его за невежливость.

Между тем визит посла был отменен и правителю так и не пришлось решать с ним какие-либо вопросы.

Однажды, спустя много месяцев, правитель сидел во дворе, как вдруг на него кинулся наемный убийца. Бахауддин Накшбанди, входивший в эту минуту в тронный зал, бросился на наемника и разоружил его.

«Несмотря на вашу неучтивость, я у вас в долгу, Аш-Шах»,— сказал правитель.

Бахауддин ответил: «Вежливость знающих выражается в том, чтобы они были рядом, когда в них нуждаются, а не в том, чтобы сидеть в ожидании посллов, которые даже не собираются приезжать».

ОТВЕТЫ БАХАУДДИНА

Много вопросов, один ответ.

Я пришел в город, и люди окружили меня толпой...

Они спросили: «Откуда ты?»

Они спросили: «Куда ты направляешься?»

Они спросили: «Кто твои спутники?»
Они спросили: «Какая у тебя родословная?»
Они спросили: «Какое ты получил наследство?»
Они спросили: «Каким будет твой посмертный дар?»
Они спросили: «Кого ты понимаешь?»
Они спросили: «Кто понимает тебя?»
Они спросили: «Каково твоё учение?»
Они спросили: «Кто не имеет вообще никакого учения?»
Я сказал им:
«То, что вам кажется многим, на самом деле — одно.
То, что вам кажется простым — не просто.
То, что вам кажется трудным, является легким.
Для всех вас есть один ответ: «Суфии».

СУФИЙ, НАЗВАВШИЙ СЕБЯ СОБАКОЙ

Маулана Дервиш, руководитель Ордена Накшбанди и один из величайших учителей этого Ордена, однажды сидел в своей Завийе, когда вдруг к нему ворвался взбешенный фанатик.

«Ты сидишь здесь! — заорал незванный гость. — Собака ты, окружённая учениками, которые повинуются каждому твоему слову! Я же не призываю людей добиваться божественной милости молитвами и аскетизмом, как было нам предписано!»

При слове «собака» несколько искателей поднялись со своих мест, чтобы изгнать фанатика.

«Постойте, — сказал Маулана, — ибо «собака» на самом деле хорошее слово. Я собака, которая повинуется своему господину, знаками истолковывая овцам желания нашего Господина. Подобно собаке, я привожу в ярость вора и того, кто вмешивается в чужие дела. И я радостно виляю хвостом, когда появляются друзья моего Господина.

Лай, вилянье хвостом и преданность — свойства собаки, и мы развиваем их в себе, чтобы нашему Господину самому не пришлось вилять хвостом и лаять, ибо он имеет нас».

ВЗЛЕЛЕЯННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Садика Хамзави спросили:

«Как случилось, что мудрец из Самарканда назначил вас своим преемником, если вы были всего лишь слугой в его доме?»

Садик ответил: «Он учил меня тому, что сам считал нужным, и я учился этому. Однажды он сказал: «Я не могу поднять других учеников до такого же уровня, потому что они желают задавать вопросы, они требуют собраний, они навязывают нам систему, то есть они учатся тому, что им уже известно».

Я сказал ему: «Учите меня тому, чему вы можете, и расскажите мне, как учиться».

Так я стал его преемником. Люди полны взлелеянных ими представлений о том, как должно происходить изучение и обучение. Невозможно сохранять эти представления и учиться.

НАКШБАНДИЙСКАЯ ДЕКЛАМАЦИЯ

«Но то, что вы рассказываете, уже старо»,— говорят они.

«Но вы, несомненно, рассказываете нечто новое»,— говорят некоторые.

«Расскажите это еще раз»,— говорят они; или: «Пожалуй, не повторяйте этого больше»,— говорят другие.

«Но ведь я уже слышал все это прежде»,— говорит кто-то; или же: «Но ведь это не так, как рассказывалось раньше»,— говорят остальные.

И вот это — это наш народ. Дервиш Баба, это человек.

ИЗРЕЧЕНИЯ ХАДЖАГАН

БУРБАРИ: Непосредственное общение двух сердец — существенное средство для передачи тайн Пути.

МАГРИБИ: Изучение состоит в деятельности. Одно только словесное изучение представляет собой второстепенную деятельность.

ХАРАКАНИ: В определенное время может быть немного больше передано, отвлекая бесполезное внимание, чем привлекая его.

ГУРГАНИ: Учитель и изучаемое вместе создают учение.

ФАРМАДИ: Переживание крайностей — единственный путь, ведущий к правильной работе слабого в учении.

ХАМАДАНИ: Служба человечеству полезна не только для того, чтобы исправить жизнь. Посредством этого служения знание может быть сохранено, сконцентрировано и передано дальше.

ЯССАВИ: Деятельность на местах — основное условие Дервишского Пути.

БАРКИ: Эстетика есть низшая форма восприятия Реального.

АНДАКИ: Усилие бесплодно без ЗАМАН, МАКАН, ИХВАН (соответствующее время, соответствующее место, соответствующие лица).

ХАДУВАНИ: Мы работаем во всех местах и во все времена. Люди полагают, что человек важен, если он знаменит. Обратное точно так же может быть истинным.

АХМАД САДИК: Признаком Человека, достигшего Досто-

верной Истины, служит то, что он не принимает фигуральное за конкретное, или буквальное за символическое.

ФАГНАВИ: Наша наука не от мира, а от миров.

РЕВГАРИ: Глупость — это искать что-либо в том месте, где наивное воображение надеется найти искомое. Суть состоит в том, что искомое находится повсюду, когда вы способны обнаружить его.

РАМЕТАНИ: Информация становится отрывочной, знания — нет. Отрывочность информации объясняется схоластицизмом.

САМАСИ: Человек думает о многом. Он думает, что он Един. Обычно же он делится на нескольких. До тех пор, пока он не становится Единым, он вообще не может иметь правильного представления о том, кем он является.

СОХАРИ: Мы посылаем мысль в Китай, и они говорят, что она китайская, потому, что не видят человека, пославшего ее. Мы посылаем человека в Индию, и они говорят, что он всего-навсего Туркестанец.

НАКШБАНДИ: Когда люди говорят: «Плачь», — они не имеют в виду: «Плачь всегда». Когда они говорят: «Не кричи», — они не имеют в виду, что вы постоянно кричите.

АТТАР: Истинный документ может содержать в себе семь уровней правды. Сочинение или речь, которые вне контекста не кажутся бессмысленными, могут состоять из стольких же уровней правды.

ХАМУШ: Суть дела не в том, можете ли вы учиться посредством молчания, речей, усилия или повиновения. Все дело в том, как эти методы применяются, а не в том, «что они применяются».

КАШГАРИ: Если вы все еще спрашиваете: «Почему такие-то и такие-то люди обучаются тем или иным путем, и как это применимо ко мне?» — вы не способны достаточно глубоко понять ответ.

ЧАРХИ: Безразлично, где в вашем положении открывается Истина, ваш Учитель поможет вам найти ее. Если он применяет одни и те же методы для каждого, он не учитель, не говоря уже о том, что он не может быть вашим учителем.

САМАРКАНДИ (ХОДЖА АХРАР): За каждым обманом или фантазией скрывается нечто реальное, являющееся ее прообразом.

АЛ-ЛАХИ: Мы не живем ни на Востоке, ни на Западе, мы не учимся на Севере и не обучаем на Юге. Мы не связаны такими условиями, но мы можем быть вынуждены говорить в таком духе.

АЛЬ-БУХАРИ: Путь может находиться в капле воды. Он может также находиться в сложном предписании (инструкции).

ЗАХИД: Когда вы видите суфия, который изучает или обучает тому, что с виду не имеет отношения к духовному, вы должны помнить, что в этом состоит духовность данного века.

ДЕРВИШ: Когда подошло время для безмолвия, безмолствуйте. Когда подошло время для общения, общайтесь. Там, где

нужно приложить усилия, прилагайте усилия. Когда время и место подходят для выполнения каких-то действий, выполняйте их.

САМАРКАНДИ: Будучи во времени и в пространстве, стань вне времени и пространства и пройди к другим мирам. Оттуда мы ведем свое происхождение.

СИМАКИ: Если ты принимаешь относительное за абсолютное, ты можешь запутаться. Лучше ничего не предпринимай, чем идти на такой риск.

СИРХИНДИ: Не говори только о Четырех Путях или о Семидесяти Двух Путях, или о «Путях столь же многочисленных, как и человеческие души». Вместо этого говори о Пути и достижениях. Все подчиняется этому.

МАСУМ АРИФ: Сущность (Джат) проявляется только в понимании. Но она может развиваться независимо от этого. Эти люди, называемые ДАРАВИШ (дервиши), не являются теми, кем вы их себе представляете. Следовательно, думайте только о Реальном. Оно является точно таким, как вы его представляете.

БАДАУНИ: Вы не можете погубить нас, если вы настроены против нас. Но вы можете создать для нас определенные трудности, даже если вы считаете, что помогаете нам.

ДЖАН-И-ДЖАНАН: Человек может принять участие в Вечном. Но это не происходит посредством того, что он предполагает себя способным думать о Вечном.

ДЕХЛАВИ: Мы занимаем пространство в каком-то месте. Не пытайся обозначить это место. Возьми лучше то существенное, что находится в этом месте, пока оно еще там.

КАНДАГАРИ: Вы слушаете мои речи. Так услышьте же, что существуют и речи других людей. Они не предназначены для того, чтобы их слушали физическим ухом. Так как вы знаете только меня, вам кажется, что вне меня нет Суфизма. Вы здесь для того, чтобы учиться, а не для того, чтобы собирать исторические сведения.

ДЖАН-ФИШАН: Вы можете следовать по течению какой-либо реки. Осознайте только, что она направляется к Океану. Не принимайте поток за океан.

ЧУДЕСА И ТРЮКИ

Бахауддин однажды принял нищенствующего каландара, который предложил совершить чудеса в доказательство того, что он принадлежит к величайшим мистическим мастерам.

Аш-Шах сказал:

«Мы здесь, в Бухаре, единственная в своем роде община, и наша вера ни в малейшей мере не исходит и не подкрепляется необычными явлениями, которые называются чудесами. Но для вас было бы неплохо выступить перед собранием дервишей и гостями».

Итак, Аш-Шах назначил выступление чужеземного каландара на следующий праздничный день.

Целый день монах совершал одно чудо за другим: он воскрешал мертвых, ходил по воде, заставлял отрубленную голову разговаривать и показал еще множество других чудес.

Бухарцы были потрясены. Некоторые заявляли, что этот человек, должно быть, ученик дьявола,— и не желали перенять его образ жизни, так как не верили, что он обладает какими-либо благотворными силами. Но некоторые провинциальные последователи Аш-Шаха были убеждены в том, что «взошло новое Солнце» и просили разрешить им последовать за ним в его монастырь, даже если понадобится для этого пойти на край света. Кое-кто из новых учеников Аш-Шаха умолял мастера совершить такие же чудеса и доказать, что и он обладает сверхъестественными силами.

Три дня... Бахауддин ничего не делал. Затем, перед огромной толпой народа, он стал проделывать все, что только можно назвать чудесами. Люди стали свидетелями таких чудес, в которые верится с трудом. Они видели, слышали и касались таких вещей, которые невозможно было встретить даже в преданиях о чудесах величайших святых всех времен.

Потом Бахауддин сказал всем, как эти «чудеса» делаются, и разоблачил их, как простые трюки.

«Пусть те, кто желает заниматься трюками, следуют по пути трюкачества, — сказал он, — а у меня есть более важная работа».

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Однажды ночью один вор, пытаясь влезть в окно дома, который он хотел обокрасть, сорвался вниз, так как оконная рама не выдержала его веса, упал и сломал себе ногу.

Вор подал в суд на хозяина дома. Когда вызвали этого человека в суд, он сказал: «Судите плотника, который вставлял оконную раму».

Плотник в свою очередь сказал: «Это вина строителя, потому что он неправильно сделал оконный проем».

Когда позвали строителя, он сказал: «Это произошло потому, что я засмотрелся на красивую женщину, проходившую мимо как раз тогда, когда я работал над оконным проемом».

Женщину нашли, и она сказала: «В тот день на мне было красивое платье. Обычно никто не обращает на меня внимания. Во всем виновато платье, которое было искусно выкрашено в разноцветные полосы».

«Наконец-то мы нашли виновного, — сказал судья, — позовите ко мне человека, который красил платье, и он понесет ответ за ущерб, причиненный ноге вора».

Красильщик оказался мужем этой женщины. И случилось так, что это был сам вор.

ЛОЖНОЕ

Один человек пришел к суфийскому Мастеру и рассказал ему, какие упражнения рекомендовал своим последователям некий лжеучитель:

«Очевидно, что этот человек мошенник. Он просит своих учеников «ни о чем не думать». Это легко сказать, так как подобные слова оказывают впечатление на некоторых людей, но ведь просто невозможно ни о чем не думать».

Мастер спросил его:

«Для чего вы пришли ко мне?»

«Указать вам на нелепое поведение этого человека, а также поговорить о мистицизме».

«Не только ли для того, чтобы я поддержал ваше мнение о том, что этот человек мошенник?»

«Нет, нет. Я и сам это знаю».

«А не для того ли, чтобы показать всем сидящим здесь, что вы знаете больше, чем обычный легковерный человек?»

«Нет, что вы! Я в самом деле желаю получить от вас наставление».

«Прекрасно. Единственное, что я могу вам посоветовать, это ни о чем не думать».

Посетитель тут же покинул собрание, убежденный, что Мастер — обманщик.

Но другой посторонний человек, который не слышал начала разговора, так как он вошел в собрание в тот момент, когда мудрец говорил: «Единственное, что я могу вам посоветовать, это ни о чем не думать», — был глубоко впечатлен этими словами.

«Ни о чем не думать», — какая потрясающая концепция», — подумал он про себя.

И он ушел, когда окончилось дневное собрание, не услышав ничего, что противоречило бы идее «ни о чем не думать».

На следующий день один из учеников спросил Мастера, кто из этих людей был прав.

«Оба они далеки от истины», — сказал он, — они все еще должны учиться тому, что их алчность служит завесой или преградой. Ответ им нельзя заключить в одном слове, в одном посещении или в одном легком объяснении. Только благодаря непрерывному контакту с учением ученик мало-помалу начинает поглощать то, из чего постепенно образовывается понимание Истины.

Именно таким образом искатель становится достигшим».

Мастер Руми сказал: «К вам приходят два человека. Один грезит о небесах, другой боится ада. Они спрашивают: какова реальность. Что им можно ответить? Будьте внимательны к беседам Мастера, пока не придете к согласию».

НАУКИ И КАРАВАНЫ

Шейха Ревгари посетил человек, который уже давно страстно желал стать его учеником.

Шейх поговорил с ним о его жизни и его проблемах и затем распрощался с ним, сказав: «Я пришлю вам ответ в надлежащее время».

Когда человек ушел, шейх позвал одного из своих старших последователей и сказал ему: «Ступай к такому-то и такому-то человеку (претенденту в ученики) и, не упоминая моего имени, предложи ему надежную и выгодную работу в своем торговом караване».

Вскоре после этого шейху пришло письмо от человека, претендовавшего стать его учеником.

«Прошу вас извинить меня за то, что я не явился к вам. Дело в том, что на днях счастливая случайность помогла мне найти место у одного из богатейших купцов нашего города и интересы моей семьи вынуждают меня посвятить все свое время новой работе».

Было несколько таких же случаев, когда шейх Ревгари предугадывал, что люди посещают его потому, что испытывают разочарование в личной жизни.

И это не единственный пример, когда он поступал таким образом.

ВНУТРЕННИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Каждый Совершенный Человек, в некотором смысле, представляет собой то же, что и другой Совершенный Человек. Это означает, что, соответственно настроенный энергией школы, ученик может вступить в общение со всеми великими, подобно тому, как и они все находятся в контакте между собой вне пространства и времени.

Мы восстановили сущность традиции древних. Многие из посвященных дервишей не сделали этого, и мы не должны им мешать заниматься тем, чем они желают. Не вступайте с ними в споры. «Вам — ваш Путь, а мне — мой».

Правила и практические приемы школы образуют одно целое. Истина, метод обучения и участники вместе составляют одну руку, глядя на которую, невежда может увидеть только несхожесть пальцев, а не действия руки, как таковой.

Бахауддин НАКШБАНДИ.

О ВАШЕЙ РЕЛИГИИ

Повсюду в дервишской литературе вы можете встретить наши неоднократные заявления о том, что мы не имеем никакого отношения ни к вашей религии, ни к отсутствию таковой. Как это можно примирить с тем фактом, что верующие считают себя избранными?

Совершенствование человека является целью, и внутреннее учение всех вер ставит перед собой именно эту задачу. Для этой цели всегда существует традиция, передаваемая потомству через живую цепь адептов, которые избирают кандидатов для того, чтобы сообщить им это знание.

Через самых различных людей передавалось это учение. Благодаря тому, что мы преданы сущности, мы собрали на Дервишском Пути тех, кто в наименьшей степени привязан к форме и, таким образом, может тайно сохранить в чистоте нашу способность к продолжению традиции (преемственности). В догматической религии Евреев, Христиан, Зороастрийцев, Индусов и в буквальном Исламе эта драгоценная вещь была потеряна.

Мы возвращаем всем этим религиям этот насущный принцип. Вот почему вы видите среди моих последователей столько евреев, христиан и других. Евреи говорят, что мы настоящие евреи, христиане — что мы христиане.

Только тогда, когда вы знаете высший фактор, нам становится понятно действительное положение существующих религий, а также и самого неверия. И само неверие есть религия со своими собственными формами веры.

Ахмад ЯССАВИ.

ДВОРЕЦ ПРОСВЕЩЕННЫХ

ПРИЧИНЫ ОСНОВАНИЯ ШКОЛЫ

Путь (Орден) Мастеров наследует свою сущность посредством непрерывной преемственности с самых древних времен. Он поддерживает параллельную связь как с древними, так и с современными учениями, благодаря непосредственной взаимосвязи (всего) бытия.

Многих посторонних наблюдателей привел в смущение тот факт, что в нашем Пути имеются различные Ордена и формулировки. Еще больше их сбивает с толку то, что хотя приверженцы той или иной школы с почтением и благоговением следуют за каким-либо учителем и изучают его методы, они могут с таким же успехом рано или поздно примкнуть к другому учителю.

Причину не нужно долго искать, если вы знаете, как ее искать. Ответ заключается в нашем древнем афоризме: «Говори со всяким человеком в соответствии с уровнем его понимания».

Перед учителем стоит задача обучать. Чтобы обучать, он

должен учитывать настоящие заботы и навязчивые идеи своих учеников. Он должен, например, пользоваться языком Бухары в беседе с бухарцами, и языком Багдада — в Багдаде.

Если он знает то, чему обучает, он приспособливает внешнюю форму методов обучения к данным обстоятельствам, подобно тому, как создается физическая форма школы. При этом учитываются характер и типы учеников, а также их возможности.

Возьмите, к примеру, музыкальные собрания. Мы их не посещаем и не используем музыку. Это потому, что в наше время и в нашем положении в ней больше вреда, чем пользы. Музыка, слушаемая правильно, облегчает приближение к Сознанию. Но она принесет вред, если человек не подготовлен для нее или если слушание и исполнение музыкальных мелодий не соответствует его типу.

Те, кто не знает этого, воспринимает музыку как нечто священное само по себе. Испытываемые ими чувства, которые возбуждает в них музыка, они принимают за возвышенные переживания. Фактически же они используют ее для низших целей, чтобы возбудить в себе чувства и эмоции, не являющиеся основой для прогресса. Дервиши присоединяются к Ордену, который больше всего соответствует их внутренней натуре. Они остаются у своего учителя до тех пор, пока он не разовьет их так, как это только возможно. Затем они могут отправиться или быть посланными к другому учителю для того, чтобы принять участие в особых упражнениях, которые он может им предложить. Это объясняется тем, что может существовать такая сторона их существа, которая извлекает пользу из этой специализации.

На пути Мастеров мы следуем базису Дервишской работы. Некоторыми из наших упражнений пользуются так, другими — иначе. Некоторые упражнения переделываются, так как они не соответствуют данному месту или данному времени. Точно то же происходит во всех других школах. Вот почему вы можете здесь найти Мастеров, которые имеют Мантию Позволения вводить учеников во все ордена, но которые работают в данной общине в согласии с ее потребностями, опираясь на первоначальную науку, лежащую в основе всех других форм.

Наша школа основана на безупречном и поддающемся проверке авторитете наших предшественников путем непрерывной и документированной преемственности духовной традиции. Однако до чего же мало вы знаете о том, как мало значат эти поверхностные вещи (удовлетворяющие вас из-за нашей духовной репутации) в сравнении с фундаментальной Истиной Опыта, которая есть наше скрытое и могущественное наследство.

Бахауддин НАКШБАНДИ.

ЖИЗНЬ ТЕМУЧЖИНА

I

Кто такие монголы и откуда они появились? Вопрос неспроста, если науке достаточно хорошо известно, что на той территории, где расположена нынешняя Монголия и где будут разворачиваться действия и события нашего повествования, на рубеже нашей эры жили гунны, этническая принадлежность которых (тюрки? монголы, самодийцы?) достоверно не выяснена. Здесь господствовали жуаньжуани (авары, или обры по русским источникам) и сяньбийцы, а затем с VI по X вв. н.э. сменяли друг друга каганаты тюрков, уйгуров, кыргызов. В «Истории Монгольской Народной Республики» говорится, что «само слово «монгол» до сих пор в исторической науке не имеет единого толкования», «наиболее вероятно предположение о том, что термин «монгол», обозначавший вначале одно из племен, затем стал собирательным, подразумевавшим всю монгольскую народность, вместе взятую». Рашид-ад-дин полагал, что слово «монгол» значило или «слабый», «бессильный» или «прямодушный», чистосердечный», Я. Шмидт считал, что слово «монгол» значило «смелый», «отважный», «неустрашимый». П. Рачневский допускает и уничижительные толкования: «монгоо» — «глупый»; например в наименовании предка Чингис-хана Бодончар-мунгак — «Бодончар-простак», «Бодончар-дурачок».

Монголы под именем мэнью или мэнва упоминаются в старой и новой историях китайской династии Тан (618—908гг.), среди племен шивэй. В тексте старой истории династии Тан «Цзю Тан шу» сказано: «Шивэй — особый род киданей. Живут по северным берегам реки Ясюех. Их государство находится на северо-востоке от столицы на расстоянии свыше семи тысяч ли. На востоке оно простирается до хэйшуй мохэ, на западе до тюрков (туцую), на юге сопредельно с киданями, а на севере доходит до моря. В этом государстве нет государя и старших начальников,

а есть семнадцать главных правителей, которые зовутся мохэву и наследственно правят ими, хотя и зависят от тюрков.

Эти люди обрабатывают землю, но не платят поземельного налога. В вотчинах своих строят небольшие дома, которые покрывают сверху шкурами. Объединяются в группы и живут, иногда числом до нескольких десятков или сотен семей. Заостряют деревья и делают из них сохи, не насаживая на них металлических сошников (лезвий). Соху тянет человек, и производится посев. Не разрешается использовать быков для пахоты. Летом там много туманов и дождей, зимой много инея и снега. В качестве домашних животных годятся собаки и свиньи. Их откармливают и поедают, а шкуры используют для изготовления выделанных кож. И мужчины и женщины из этих кож шьют одежду. Волосы у них растрепаны, одежды они застегивают на левую сторону. Богатые семьи выделяют себя тем, что делают украшения из разнообразного пятицветного жемчуга. Законы, регулирующие вступление в брак, таковы: жених прежде входит в дом невесты и работает там три года. По этой причине он может лично близко общаться с женщиной. Когда срок отработки кончается, то семья невесты выделяет им их долю имущества, муж и жена садятся на одну телегу и нагружают ее. С барабанным боем и плясками они вместе возвращаются в дом мужа.

...Говорят, что при нашей династии Тан есть девять племен шивэй».

В текстах новой истории династии Тан «Синь Тан шу» имеются некоторые разночтения.

О семейных отношениях добавлено, что если муж умирал, то жена вторично не выходила замуж. Имеются дополнения о похоронных обрядах. Каждая группа шивэй строила большие навесы, на которые сверху клались трупы умерших. По умершим носили трехлетний траур. Если умирал правитель, то приемником и наследником становился его сын. Лишь в случае отсутствия у правителя сына на место умершего ставили сильного и решительного человека. Ездили шивэй на телегах, запряженных быками. Жилища строили из плетенок и покрывали шкурами. Или сгибали деревья, а крышу покрывали плетенками. Для переправ через реки делали плоты и кожаные лодки. Лошадей пускали пастись спутанными. О домашних животных добавлено, что у них нет овец и мало лошадей. Одежды, которые шили из шкур и кож, они называли мохэ. Сказано, что было 20 с лишним племен шивэй (вместо 9, упомянутых в «Цзю Тан шу» — Е. К.). Перечень племен не имеет существенных различий. Интересующий нас текст о древних монголах изложен так: «На севере есть Большие горы. За горами живут большие шивэй, которые расселены по берегам реки Тицзяньхэ (верховья Амура, название сохранилось в наименовании реки Шилка). Река вытекает из озера Цзюйлунь и течет на восток. К югу от этой реки есть племя мэнва, к северу от нее — племя лотань. Река течет на восток и сливается с реками Нахэ и Хуханьхэ».

И в том и в другом источнике шивэй названы «особым родом

киданей». От наименования этого народа, между прочим, происходит и слово «Китай». О соотношенности киданей и шивэй хорошо сказано в более раннем источнике «Суй шу»: «Шивэй одного рода с киданями. Тех, кто образует южную часть этих племен, называют киданями, а тех, кто северную, шивэй». Если следовать сохранившейся китайской историографической традиции, то кидани были одного рода с кумоси, а кумоси, в свою очередь, восходили к восточным сяньби, к роду юйвэнь.

В слове шивэй ряд исследователей и, возможно, не без основания, видят первое упоминание столь хорошо знакомого слова Сибирь. Авторы последних китайских исследований («Юань чао ши») полагают всех шивэй татарами, в эпоху Ляо, т.е. в X — первой четверти XI вв. Татары-шивэй, к которым, как мы видим, принадлежали и монголы, были родственны киданям, по некоторым сведениям, были просто их северной частью. Поскольку принадлежность языка киданьского к языкам монгольским нынешней наукой не оспаривается, допускается лишь известное влияние тунгусо-маньчжурских языков, то и шивэй мы вправе считать группой племен, хотя бы в массе своей говорившей на монгольских языках.

Профессор Комаи Ёсиаки пришел к выводу, что та часть племен шивэй, которая именовалась монголами, жила по южному берегу реки Амур, западнее соединения Амура и Сунгари и восточнее хребта Малый Хинган. Другой японский ученый, профессор Тамура Дзицудзо, также отождествляет озеро Цзюйлунь с Далай-Нор. Ванцзян он считает рекой Аргунь и делает вывод, что «монголы в это время жили кочевой жизнью в степных районах к югу от реки Аргунь».

Профессор Л. Гамбис на основании этих же материалов пришел к выводу, что «наиболее древние тексты помещают монголов к западу от верхнего течения Нонни, возможно, в северной части области, расположенной между рекой и озером Келен, откуда вытекает Аргунь, составляющая главную часть верхнего Амура, и к югу от этой реки». Таким образом, по мнению специалистов, древние монголы жили к югу от среднего течения Амура, между Малым Хинганом и нижним течением Сунгари, или по южному берегу нижнего течения Аргуни и верхнего течения Амура. Рашид-ад-дин называет прародину древних монголов Эргунэ-Кун.

II

За рекой Керулен расселение монгольских племен происходило в разных направлениях. Тут нам на помощь приходит Рашид-ад-дин со своим поистине бессмертным трудом. Род Чингиса и его многочисленные сородичи жили в долинах Онона, Керулена и Толы.

П. Пельо и Л. Гамбис считают, что «истинные татары были монголоязычны». Татары впервые упоминаются в тюркоязычных надписях в 731—732 гг., в китайских источниках — с 842 г.

Как предполагает Ту Цзи, именно татары прежде всего в эпоху Ляо и Цзинь именовались цзубу, от монгольского слова «джебэ», означавшего вид стрел. Основным местом обитания татар были области у озер Бур-Нор и Кёлён-Нор, между Керуленом и центральным Хинганом. Земли их были богаты серебром.

Татары были сильны и дерзки, если бы при их многочисленности они бы не враждовали, то другие народы из китайцев и прочих были бы не в состоянии противостоять им. В среде татаро-монгольских племен татары «с глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части монгольских племен и областей, выделяясь своим величием и могуществом и полным почетом от других». В XII в. первое общее наименование татаро-монгольских племен было татары, «из-за их чрезвычайного величия и почетного положения», — писал Рашид-ад-дин. Он считал все татаро-монгольские племена «племенами тюркскими, которые в настоящее время называются монголами». Итак, при всем различии разрядов и названий все племена назывались татарами. Различные роды полагали свое величие и достоинство в том, что относили себя к ним и стали известны под их именем. Вследствие же благоденствия Чингис-хана и его рода разные тюркские племена (джалаиры, татары, онгуты, керейты, найманы, тангуты и пр.) из-за самовосхваления стали называть себя монголами.

Сильным монгольским племенем были меркиты, «часть монгольского племени», «племя... многочисленное», которое имело «чрезвычайно воинственное и сильное войско». Рашид-ад-дин пишет, что меркиты представляли собой «род монголов».

Самым сильным, по мнению авторов «Юань чао ши», среди монгольских племен XI—XII вв. были керейты. Они жили к югу от реки Керулен. Их владения простирались на востоке до Хангайских гор, на западе до нижнего течения рек Толы и Орхона и до пустыни Гоби на юге.

Керейты первые из шивэй ушли на запад. Несколько столетий они жили с тюрками, поэтому подверглись их влиянию.

Западные области Монголии заселяли найманы. Рашид-ад-дин очень осторожно высказывается об их этнической принадлежности: «их обычаи и привычки были подобны монгольским».

Современный монгольский ученый Далай-Чууны относит найманов «к кочевникам ойрат-монголам», он пишет: «К концу XII века найманы, обитавшие по соседству с уйгурами и другими тюрками и находившиеся под влиянием их культуры, по-видимому, уже давно пользовались уйгуро-монгольским алфавитом. Однако, на наш взгляд, пока еще нет оснований соглашаться с выводами тех исследователей, которые считают, что найманы «были уйгуро-тюркского происхождения» или «были монгольским племенем, говорящим на тюркском языке», и что алфавит, которым они пользовались, был «чисто уйгурской письменностью».

Найманы, как и керейты, были христианами-несторианцами. Эти самые общие сведения о народах Халхи и Алтая в годы,

предшествовавшие объединению Монголии, хотелось бы завершить цитатой из «Юань чао ши»: «Таким образом, на Монгольском плато с X по XIII век на восток от хребта Хангай до Большого Хингана образовалась территория, заселенная монголо-язычными племенами, однако переселившиеся на запад монголоязычные племена, несомненно, в той или иной степени включили в свой состав оставшиеся на данной территории тюркоязычные племена, что сильно повлияло на собственно монгольский язык, обычаи, хозяйство и произвело у монголов большие изменения».

Сведения о жизни монголов в XII в. и ранее очень ограничены. Но если нам не удастся заглянуть по-настоящему в XII век, давайте посмотрим на жизнь монголов первой половины XIII в. глазами их современников: даосского монаха Чан Чуня, у которого Чингис пытался заручиться рецептом бессмертия: сунских дипломатов Чжао Хуна, Пэн Дая, Сюй Тина и Чжан Дэ-хоя; посланца папы Иннокентия IV, францисканского монаха итальянца Плано Карпини; другого монаха-минорита, фламандца Гильома Рубрука, посланного к монголам французским королем Людовиком IX; перса Ата-Малика Джувэйни, приехавшего в столицу монголов со своим отцом на выборы нового хана; наконец, знаменитого венецианца Марко Поло.

Для всех них, китайского даоса и китайских дипломатов, европейских монахов и венецианского купца, сына персидского царедворца из Хорасана это был новый мир, «народ безвестный и чужой».

Монголия поражала воображение приехавших в страну чужеземцев. «Куда бы взор ни достигал, — писал Чан Чунь, — не видно конца горам и рекам; ветер и туман непрерывны, и реки вечно текут. Для чего Творец, образуя вселенную, в этих странах повелел людям пасти коней и коров?»

«Домом татар и местом их происхождения и рождения, — писал Джувэйни, — является гигантская долина, размеры которой составляют семь или восемь месяцев пути как в длину, так и в ширину. На востоке она граничит с землей Китая, на западе — со страной уйгуров, на севере — с кыргызами и рекой Селенгой и на юге — с тангутами и тибетцами»,

Путешественников, особенно европейцев, поражал внешний облик монголов. «Внешний вид лиц, — писал Плано Карпини, — отличается от всех других людей. Именно между глазами и между щеками они шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скул, нос у них плоский и небольшой, глаза маленькие и ресницы приподняты до бровей. В поясе они, в общем, тонки, за исключением некоторых, и притом немногих, росту почти все невысокого. Борода у всех почти вырастает маленькая, все же у некоторых на верхней губе и на подбородке есть небольшие волосы, которые они отнюдь не стригут... Из... волос они составляют две косы и завязывают их каждую за ухом. Ноги у них тоже небольшие».

• Чан Чунь писал: «Мужчины связывают волосы и свешивают

до ушей». Другой китайский источник сообщал: «Сбривают круг на самой макушке. Остающиеся спереди волосы коротко подстрижены и свисают в беспорядке, но волосы по обе стороны головы отделяют и связывают в два узла. Они свисают до одежды слева и справа... Некоторые соединяют и заплетают волосы в одну косу и она прямо свисает сзади поверх одежды».

Чан Чунь, одним из первых посетивший Монголию, изложил свои впечатления от знакомства с ней и в путевом дневнике: «Обитателей весьма много; все они живут в черных телегах и белых юртах. Обычное занятие их — скотоводство и звероловство. Одеваются в кожаное и меховое платье, питаются мясом и молоком. Жители переходят с места на место, смотря по тому, где есть вода и трава для пастбища».

Жилищем монголам служили юрты, разборные или установленные на телегах. Плано Карпини так описывает монгольскую юрту: «Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же, в середине ставки, имеется круглое окно, оттуда падает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны тоже из войлока». «Дома на колесах» — юрты, поставленные на телеги, хорошо описаны Г. Рубруком: «Дом, в котором они спят, они ставят на колесах из сплетенных прутьев; бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка, наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком, чаще пропитывают войлок тоже известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда также они берут черный войлок. Этот войлок около верхней шейки украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от пестроты тканей. Именно они сшивают цветной войлок, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей. И делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину. Я насчитал у одной повозки 22 быка, тянущих дом, 11 в один ряд вдоль ширины повозки и еще 11 перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом, погоняя быков». Марко Поло сообщает, что такие юрты на телегах хорошо укрывали монголов от непогоды: «Телеги у них покрыты черным войлоком, да так хорошо, что хоть бы целый день шел дождь, вода ничего не подмочит в телеге; впрягают в них волов и верблюдов и перевозят жен и детей». Разбирать и снова ставить юрты, не укрепленные постоянно на телегах, было обязанностью женщин.

На стоянках монголы располагаются куренями (кольцом). В центре кольца находилась юрта главы данного кочевого сообщества. Курень обеспечивал надежную защиту от внезапных нападений врага.

Монголы разводили коней, коров и быков, овец, коз, в меньшем числе верблюдов. Кажущееся или действительное обилие скота у кочевников поражало современников. «Они очень бога-

ты скотом: верблюдами, быками, овцами, коровами и лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет в целом мире» (Плано Карпини).

Вторым по важности после скотоводства занятием монголов была охота. Монгол древней эпохи был, по меткому определению Б. Я. Владимирцева, «кочевником-охотником». Охота была и одним из средств существования и хорошей школой воинского мастерства. «Татары рождаются и вырастают в седле. Сами собой они выучиваются сражаться. С весны до зимы они каждый день гоняются и охотятся. Это и есть их средство к существованию. Поэтому у них нет пеших солдат, и все — конные воины».

Их обычай — стрельба из лука и охота. Когда их правитель устраивает облавную охоту, всегда непременно собираются большие массы людей. Они выкапывают ямы и втыкают в них колья. Последние соединяются между собой волосяными веревками, а к веревкам привязываются лоскуты войлока и птичьи перья. Веревки тянутся кругом на 100—200 ли (50—100 км.). Так как на ветру перья и лоскутки войлока колышутся, то перепуганные звери не осмеливаются перебежать их. После этого люди окружают огромный участок; постепенно прижимая зверей к середине круга, ловят и бьют». (Пэн Дая, Сюй Тин).

В монгольской семье «мужчины делают луки и стрелы, приготавливают стремяна и уздечки, изготавливают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут кумыс (т.е. кобылье молоко), делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и вьют их». Обязанности женщин состоят в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и курт (сухое молоко), приготавливать шкуры и сшивать их, а сшивают они их ниткой из жил» (Г. Рубрук).

«В поход отправляются, взяв с собой жен и детей. Они сами говорят, что женщины нужны, чтобы заботиться о таких делах, как поклажа, платье, деньги и вещи. У них исключительно женщины натягивают и устанавливают войлочные палатки, принимают и разгружают верховых лошадей, повозки, вьюки и другие вещи. Они очень способны к верховой езде» (Чжао Хун).

«Зимою они, — сообщает Г. Рубрук, — всегда делают себе по меньшей мере две шубы: одну, волос которой обращен к телу, а другую, волос которой находится наружу к ветру и снегам. Эти шубы сшиты по большей части из шкур волчьих и лисьих... Бедные приготавливают верхние шубы из шкур собачьих и козьих». Древние монголы не стирали одежду, «так как бог гневается и будет гром, если одежду повесить сушить» (Г. Рубрук).

«Замужние женщины, — сообщал Чан Чунь, — надевают на голову бересту фута в два вышины и весьма часто накрываются сверху черной шерстяной фатой, а богатые женщины красной сырцовою тафтой; хвосты шапок похожи видом на гуся или утку, а называются гугу (богтаг — Е. К.); они весьма боятся, чтобы кто-нибудь неосторожно не наткнулся на эти шапки, и входят в юрты или выходят из них, нагнувшись вниз и задом».

Питались древние монголы в основном мясом и кумысом. «Мясо они жарят на огне в девяти случаях из десяти, а в двух-трех случаях из десяти варят его в чане о трех ногах» (Пэн Дая, Сюй Тин). «Кобылье молоко, если оно у них есть, они пьют в огромном количестве, пьют также овечье, коровье и верблюжье молоко. Зимой у них нет даже и кобыльего молока, если они не богаты. Они также варят просо с водою, размельчая его настолько, что могут не есть, а пить. И каждый из них пьет поутру чашку или две, и днем они больше ничего не едят, а вечером каждому дается немного мяса, и они пьют мясную похлебку. Летом же, имея достаточно кобыльего молока — «обычно молока от одной кобылы достаточно для насыщения трех человек» (Чжао Хун); они редко едят мясо, если им случайно не подарят его или они не поймают на охоте какого-нибудь зверя или птицу» (Плано Карпини). «И они также довольно выносливы: голодая день или два и вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-либо нетерпения» (Плано Карпини). «Когда при выездах в карательный поход в Срединное государство татары съедают в пути всех овец, то они стреляют зайцев, оленей и диких кабанов для пропитания» (Чжао Хун), а «случается надобность, так скажут, скажу вам, дней десять без пищи, не разводя огня, и питаются кровью своих коней; проткнет жилу коня да и пьет кровь» (Марко Поло). Разделить трапезу с путником считалось у монголов делом естественным. «Встретив обед, они (т.е. проезжие монголы — Е. К.), без церемоний садятся вместе с хозяевами», — пишет Чан Чунь.

Возможно, уже в глубокой древности сложилась цветовая символика классификации пищи. Существовала пища белая — молоко и молочные продукты, желтая — масло, красная — мясо и продукты из мяса, зеленая — дикорастущие корни и травы (лук, ревен и т.п.), черная — мясной бульон, вода, позже чай без молока.

Кровь животного считалась обиталищем его души. При забое скота старались не проливать кровь. Для этого делали разрез под грудиной животного, например, барана, потом, просунув в разрез руку, обрывали согнутым указательным пальцем сонную артерию. Если кровь животного не была пролита, то предполагалось, что животное спит. «А раз животное спит, оно временно перешло в тот невидимый, но вполне реальный мир, а потом может снова возродиться в своих потомках и убыли в стаде не произойдет» (Л. Л. Викторова).

Из молока делали водку. Пьянство не считалось пороком, наоборот, пьяный гость только радовал хозяина. «По обычаю татар на пиру хозяин держит в руках блюдо и чарку и уговаривает гостя пить и есть. Если гость, который пьет, оставит хоть каплю, то хозяин ни в коем случае не берет обратно чарку. Когда видят, что человек выпил вино до конца, то бьют рады». «Всякий раз, когда они пьют вино, они прежде всего совершают возлияние». «Всякий раз, когда татары видят, что чужеземный гость, напившись, шумит, нарушает этикет, либо его рвет или он уснул, они

бывают очень довольны и говорят: «Раз гость напился, то значит он с нами душа в душу». Чжао Хун, выдержки из сочинения которого мы привели, сам был жертвой монгольского гостеприимства — Мухали оштрафовал его шестью чарками вина за неявку на игру в конное поло — «к концу дня ваш посол неизбежно сильно опьянел и тем кончил». В ходу было и взаимное потчевание — пирующие обменивались чарками. По сведениям Рашида-ад-дина, Чингис-хан был озабочен ограничением пьянства у своих подданных, он постановил, что «если уж нет средств против питья, то человеку нужно напиться три раза в месяц. Как только он перейдет за три раза — совершит наказуемый поступок. Если же в течение месяца он напьется только дважды — тем лучше, если один раз — еще похвальнее, если же он совсем не будет пить, что может быть лучше этого? Но где же найти такого человека, который совсем бы не пил?» Общеизвестно, что сын Чингиса и его преемник на престоле Угэдэй был алкоголиком.

Европейцам некоторые способы приема пищи монголами казались негигиеничными. «Никогда не моют они блюд, — писал Г. Рубрук, — мало того, сварив мясо, они моют чашку, куда должны положить его, кипящей похлебкой из котла, а после обратно выливают в котел». Совершенно необычными для них были и некоторые виды пищи, например, кумыс. Тот же Г. Рубрук не только подробно описал способ приготовления кумыса, но и те чувства, которые испытал, впервые отведав его: «В тот вечер служитель, который провожал нас, дал нам выпить кумысу; при первом глотке я весь облился потом вследствие страха и новизны, потому что никогда не пил его. Однако он показался мне очень вкусным, как это и есть на самом деле». Г. Рубрук, очень обстоятельный информатор, — отметил, что на пирах соблюдался определенный порядок угощения: «Прежде чем поставить мясо барана гостям, господин сам берет, что ему нравится, а если он даст кому-нибудь особую часть, то получающему надлежит съесть ее одному, и нельзя давать никому; если же он не может съесть всего, то ему надлежит унести с собою или отдать своему служителю».

В знак приветствия при встрече монголы обнимали друг друга. Чжао Хун считал нравы монголов простыми. Монголы «презирают дряхлость и любят силу», «в их обычаях нет взаимных драк и ссор», «они находят радость в питье и пиршестве», «по обычаю татары в большинстве случаев не моют рук и хватают рыбу или мясо грязными руками. Когда на руках появляется жир, они вытирают их об одежду, которую не снимают и не стирают до тех пор, пока не износится» (Чжао Хун). По заметкам современников, древние монголы были закаленными, сильными, честными людьми, которые «давши слово, не изменяли ему» (Чан Чунь), и которые «не подымут по дороге утерянных чужих вещей» (Пэн Дая, Сюй Тин). Счет времени они вели, соотносясь с явлениями окружающей природы: «Когда зазеленеет трава, то считалось, что прошел целый год, а когда впервые появляется новый месяц, то считалось, что прошел месяц» (Пэн Дая, Сюй Тин).

Его древние монголы делили на три декады: новолуние, полнолуние и старость. В летоисчислении пользовались традиционным для Центральной Азии двенадцатилетним циклом каждый год звался именем животного: мыши, быка, тигра, зайца, дракона, змеи, коня, овцы, обезьяны, курицы, собаки и свиньи.

Древние монголы не знали письменности. По свидетельству Чан Чуня и в годы его посещения Монголии они «договариваются только на словах и заключают контракты вырезыванием меток на дереве». «Суд творят вот так: «Кто украдет хотя бы и немного — тому за это семь палочных ударов, или семнадцать, или двадцать семь, или тридцать семь, или сорок семь и так доходят до трехсот семи, увеличивая по десяти, смотря по тому, как украдено. От этих ударов многие помирают. Кто украдет коня или что-либо другое — тому за это смерть; мечом разрубят его, а кто может дать выкуп, заплатит против украденного в десять раз, того не убивают» (Марко Поло).

«О свадьбах их знайте, что никто не имеет там жены, если не купит ее» (Г. Рубрук). «А женятся они вот как: всякий берет столько жен, сколько пожелает, хотя бы сотню, коли сможет их содержать». «Приданое отдают матери жены, а жена мужу ничего не приносит. Первую жену они, знайте, почитают за старшую и самую милую» (Марко Поло). Богатые скотоводы устраивали пышные свадьбы. Такую свадьбу видел Чан Чунь: «Старшины окрестных кочевьев в окружности на 500 ли (т. е. 250 км), приехали с кобыльим молоком для вспоможения. Черные телеги и войлочные юрты стояли рядами в числе нескольких тысяч». Женщины украшали себя, смазывая лоб желтыми белилами».

«Ни одна вдова не выходит у них замуж, на том основании, что они веруют, что всё, что служит им в этой жизни, будет служить и в будущей; отсюда о вдове они верят, что та всегда вернется после смерти к первому мужу. От этого среди них встречается обычай, именно, что сын берет иногда всех жен своего отца за исключением матери. Именно двор отца и матери достается всегда младшему сыну. Отсюда ему надлежит заботиться о всех женах своего отца, которые достаются ему с отцовским двором, и тогда при желании он пользуется ими как женами, так как он не признает, что ему причиняется обида, если жена по смерти вернется к отцу» (Г. Рубрук). «С чужой женой ни за что не лягут и считают это за дело нехорошее и подлое» (Марко Поло).

Брачные контракты заключались родителями часто тогда, когда будущие супруги были еще малолетними детьми. Безбрачие, по-видимому, считалось недопустимым и позорным. Во всяком случае, один описанный Марко Поло обычай свидетельствует о том, что родители стремились добиться заключения брачных контрактов даже для умерших детей: «Если у двух людей помрут, у одного сын лет четырех или около того, а у другого дочь, они их женят; мертвую девку дают в жены мертвому парню, потом пишут уговор и сжигают его, а когда дым подни-

мается в воздух, говорят, что уговор понесло на тот свет, к их детям, чтобы те почитали друг друга за мужа и жену. Играют свадьбу, разбрасывают еду там и сям и говорят, что это детям на тот свет, а кончат все это, почитают себя за родных и родство блюдут так же, как если бы их дети были живыми».

Весной монголы поминали усопших, забивали лошадь, мясо делили между членами семьи, рода в зависимости от близости родства, шкуру лошади вешали на шест возле места погребения предков. При жертвоприношении старейший в роду в белых одеждах и на белой лошади исполнял «великое песнопение», гимн предкам и обращение к ним. Родовые кладбища были в уединенных местах, часто под горой, скалой. Когда скончался военачальник Хуилдар, Чингис-хан повелел похоронить его в местности Халха под нависшей скалой.

«В их обычае больше всего чтить Небо и Землю. По каждому делу они непременно упоминают Небо» (Чжао Хун). Кроме «Вечного синего Неба» — Тэнгри и богини земли Этуген, почитался также дух Огня — Ут. Изображения божков-онгонов имелись в каждой юрте. Описание их сохранилось в труде Марко Поло: «А вера у них вот какая: есть у них бог, зовут они его Начигай, и говорят, что то бог земной; бережет он их сынов и их скот да хлеб. Почитают его и молятся ему много; у каждого он в доме. Выделяют его из войлока и сукна и держат по своим домам; делают они еще жену того бога и сынов. Жену ставят по его левую сторону, а сынов перед ним; и им тоже молятся. Во время еды возьмут да помажут жирным куском рот богу, жене и сынам, а сок выливают за домовую дверь и говорят, проделав это, что бог со всеми поел, и начинают сами есть и пить».

С верованиями в духов были связаны многие поверья и гадания древних монголов. Гадали на бараньей лопатке. Ее жгли на огне, потом били железным молотком. На лопатке образовывались трещины, разглядывая эти трещины и гадали. «Что касается их гадания, то они обжигают баранью лопатку и определяют счастье или несчастье, смотря по тому, проходят ли трещины по ней по направлению туда и обратно. Этим гаданием решается все — откажет ли Небо в желаемом или даст его» (Пэн Дая, Сюй Тин). Известно, что Чингис-хан лично гадал, сжигая баранью бедренную кость. «Когда кто-нибудь занедужит, — сообщал Г. Рубрук, — он ложится в постель и ставит знак над своим домом, что там есть недужный и чтобы никто не входил... Именно, они опасаются, чтобы с входящим не явился злой дух или ветер». Наверное, это и было так, но главное, особый знак у юрты больного должен был предотвращать распространение болезни. Старое монгольское общество практиковало целый ряд запретов, связанных с верой в духов: запрещалось купаться в реке, черпать воду золотой и серебряной посудой, резать скот, перерезая ему горло, ступать ногой на порог жилища, извлекать мясо из котла ножом, бить лошадь уздой, осквернять огонь и т.д.

Лично свободные люди делились на людей благородных, сайн хувун, и простолюдинов, карачу. Среди благородных выде-

лялись «золотые роды», «природные ханы». Таков был «золотой род» Чингиса. «Золотые роды» имелись и у других объединенных монголов, например, у хунгиратов, икилесов. Прочие господа именовались обобщенно нояны.

III

«Предком Чингис-хана был Борте-Чино, родившийся по изволению Высшего Неба. Супругой его была Гоа-Марал. Явились они, переплыв Тенгис (внутреннее море). Кочевали у истоков Онон-реки, на Бурхан-Халдуне, а потомком их был Бата-Чиган» («Сокровенное сказание»). Позднейшие монгольские источники, подчиняясь уже буддийской историографической традиции, выводили предка Чингис-хана Борте-Чино из Тибета, из той страны, откуда к монголам пришла их новая буддийская вера.

Рашид-ад-дин полагал, что к моменту рождения Чингис-хана его роду было «примерно около 400 лет», т. е. он начался с середины VIII в.

У предка Чингис-хана Добун-Мергана была супруга Алан-Гоа, «красивая, очень знатного рода». «Войдя в дом Добун-Мергана, Алан-Гоа родила двух сыновей. То были Бугунотай и Бельгунотай». «Долго ли, коротко ли — Добун-Мерган скончался». После смерти Добун-Мергана Алан-Гоа, будучи безмужней, родила еще троих сыновей. То были: Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончар-простак. Бельгунотай и Бугунотай, старшие сыновья, стали втихомолку поговаривать: «Вот наша мать родила трех сыновей, а между тем при ней нет ведь ни отцовых братьев, родных или двоюродных, ни мужа. Единственный мужчина в доме это Маалих, Баяудец. От него-то, должно быть, и эти три сына». Алан-Гоа узнала об этих пересудах. Однажды весной сварила она дожелта провяленного впрок барана, посадила рядом всех своих сыновей и дала им по одной хворостинке, чтобы они переломили. Выполнить просьбу не составило труда. Тогда она дала им уже по пять хворостинок, связанных вместе. Как ни старались сыновья, а сломать пучок все же не могли. Тогда мать их, Алан-Гоа, произнесла: «Вы, двое сыновей моих Бельгунотай и Бугунотай, осуждали меня и говорили между собой: «Родила, мол, вот этих троих сыновей, а от кого эти дети?» Подозрения-то ваши основательны. Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри погасло, входит ко мне светлорусый человек; он поглаживает мне чрево и свет его проникает мне внутрь. А уходит он в час, когда солнце с луной сходится, процарапываясь, уходит, словно желтый пес. Что же болтаете всякий вздор? Ведь если уразуметь все это, то и выходит, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них, как о таких, которые под стать простым смертным? Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумеют все это простые люди».

Эпоха Алан-Гоа вероятнее всего относится к концу X — началу XI века. Рашид-ад-дин отмечал, что Алан-Гоа жила за 300 лет

до того, как он писал свой труд. По данным «Алтан Тобчи» XVIII века, сын Алан-Гоа Бодончар, прямой предок Чингиса, родился в 970 г.

IV

Говорят, Есугай-баатур, отец Темучжина, будущего Чингисхана, имел много жен из разных племен. А старшую из них, Оэлун, мать Темучжина, он силой отбил у меркитского Эке-Чиледу. Вот как это было. «В ту пору, охотясь однажды по реке Онону за птицей, Есугай-баатур повстречал меркитского Эке-Чиледу, который ехал со свадьбы с невестой из олхонутского племени. Заглянув в возок и поразившись редкой красотой девушки, Есугай поспешно вернулся домой и привел с собой братьев Некун-тайчжи и Доритай-Отчигина. Испугался Чиледу, но под ним был скакун Хурдун-хуба. Хлещет он своего хуба по ляжкам, старается скрыться от них за холмами, но те втроем неотступно преследуют его. Когда Чиледу, объехав мыс, вернулся к своему возку, Оэлун говорит ему:

— Разве ты не разгадал умысла этих людей? По лицам их видно, что дело идет о твоей жизни. Был бы ты жив-здоров, а девушки в каждом возке найдутся. Был бы ты жив-здоров, а жены в каждой кибитке найдутся. Придется, видно, тебе моим именем Оэлун назвать другую девушку. Спасайся, поцелуй меня и езжай!

В те далекие годы монгольские девушки не выбирали себе мужей. Отцы или слепой случай решали их судьбы. Монгольский род был экзогамным, монгол не мог взять в жены девушку из своего рода. Роды жили на общей пастбищной территории, но когда тот род, из которого, как правило, члены данного рода брали себе жен, кочевал подалеку, то за женой приходилось ездить в дальние края. Это чаще всего касалось знати, которая особенно строго придерживалась отношений традиционного брачного партнерства. Но случалось, что когда за женами ездили в дальние края, их умыкали. Чиледу принадлежал к меркитской знати. И Оэлун нравился ее жених. Иначе не подарила бы она в прощальный час возлюбленному свою рубашку, не оплакивала бы его и свою судьбу так, что

Онон-река волновалась,
В перелесье эхо отдавалось.

Но когда ее, плачущую, везли в стойбище Есугай-баатура, еще не знала она, что в тот момент, когда Есугай случайно заглянул в ее возок, а позже, отбив от любезного ее сердцу Чиледу, твердой хозяйской рукой взял за повод ее коня, ей уже было суждено стать матерью сына, одно имя которого повергало в ужас целые народы на гигантской территории от Тихого океана до океана Атлантического...

Темучжин родился в тот момент, когда его отец возвратился из очередного похода на татар. А как пришло родиться ему, то

родился он, сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови, величиною с альчик.* Рождение его совпало с приводом татарского Темучжин-Уге, вот его и нарекли Темучжином».

У этого имени есть сокровенный смысл. Мальчик родился, держа в руке сгусток крови, что было знаком высокого предназначения малыша, его будущая судьба — судьба завоевателя, потому и назвали его именем пленного врага. Некоторые ученые предполагают, что имя Темучжин в переводе с древнемонгольского означает «кузнец». И для этого есть основания. Еще в прошлом веке монголы считали, что наковальня Чингиса, сделанная из металла бурын, имеющего свойства меди и железа, хранится на горе Дархан. Выше села Новоселенгинска, на левом берегу реки Чикой есть безлесая гора с плоской вершиной. Говорят, что это наковальня Чингис-хана. Здесь богатырь-кузнец ковал железо, стоя одной ногой на правом, а другой — на левом берегу реки.

По данным Рашид-ад-дина и Чжао Хуна, Темучжин родился в 1155 году. Официальная «История династии Юань» указывает в качестве даты его рождения 1162 г. Эта же дата дается в «Шэн-у цинь чжэн лу». Ряд иных китайских источников косвенно указывают на 1167 г. Последнюю дату принял Поль Пельо, считая, что она лучше всего согласуется с биографией Чингиса.

Продолжение следует.

* Мальчик, родившийся со сгустком крови в руке — фольклорный сюжет, известный в буддийской Индии и в Иране. Такое рождение предвещало появление безжалостного завоевателя.

Наталья Кривцова

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

I

...Темное ночное купе со светящейся головкой лампочки под потолком. Полупьяный бред художников-попутчиков, борода-тых, разновозрастных. Споры. Проблемы. Смех. «Я еще ничего не натворил, — это о себе борода черная, тридцатитрехлетняя. С тоскою в каждом слове. И далее о вечном: — Не бережем. Не храним. Не множим. В Небит-Даге живет дочь Малевича, а никто не знает...»

В диссонанс погоде с не любимыми им неяркими красками — Казимир Северинович? Откуда?

Москва? Ленинград? Витебск?... Да. Но Небит-Даг? Но Средняя Азия?

Оглядываюсь, пожимая плечами. Оглядываюсь, припоминая...

II

Красками-камушками, настилем живописных мостовых выстелен путь. Знаем — откуда; это о себе сами. Но только другим — после нас, ушедших — узнать окончательно — куда...

О себе он знал это «откуда?» О нем самом мы попробуем — проходя путем неожиданных мостовых из красок его — узнать — «куда?»

Итак, изначальное:

...23 февраля 1878 года у поляков Северина Антоновича и Людвиги Александровны, в квартире их родственницы, в Киеве, родился еще один ребенок. Мальчика, по обоюдному согласию, назвали Казимиром, Казиком. Детей в семье было десять, и отца постоянно заботило состояние финансов. Много позднее в автобиографических заметках Казимира Севериновича промелькнуло: отец работал на различных сахарных заводах около

Киева. Несладкая сладость детства. Краски — яркие даже в пасмурность. Азиатские краски не законно, но изнутри, — духовно, душевно, телесно...

В 1890 году семья Малевичей жила в Пархомовке, около Белополья. Именно там Казик окончил местное пятиклассное училище и жадно потянулся к кистям и карандашам, к пастели и маслу; краски должны были быть «проявлены» — явлены миру. Рисовать все окрест — поля, мужиков, баб... Почему? Потому что, наверное, уже мыслилось красками. Впрочем, так ответил бы зрелый Малевич.

Неявленный мир не существует. Неявленный — это беспамятство. Беспамятство приобретенное, беспамятство вынужденное, беспамятство воспитанное и от этого не изменившее своей ужасающей сути. Беспамятство — белая простыня, стертая сознание. Сознание, никогда не восстанавливаемое потом во всей полноте, — самая малая брешь прорывает цельную ткань...

Сменялись городки, поселки, сменялись, сливаясь в акварельные нежные полутона.

В Конотопе Казимиру впервые удалось написать первые законченные картины. Краски-камушки в мостовую. Первая явленность. Однако, и художественные пути, — как натоптанные людьми, наезженные колесами телег и машин, — разбегаются, расходясь.

На одном из них — без раздумья — вырывают словом и красками из беспамятства, из точек материальных, взглядом ошупанных, мир внешний, имеющий линейную логику.

На другом — свой собственный, никому, кроме самих отражающих, — не известный; как Америка неоткрытая. Первооткрытия — без повторов — путь тех, кто вглядывается в себя. Туда, где хаос творения, где человек сам бог своей вселенной. Из хаоса — свет, отделяемый трудно от неизменной тьмы.

И позже, в Курске, где с 1896 года Северин Антонович работал в управлении железной дороги и где среди чиновников оказалось много настоящих ценителей искусства, художников-любителей, от каждого нового соприкосновения с миром таланта и духа желание стать художником делалось непреодолимым. Постепенно, однако, его перестали удовлетворять частые вечера в созданном кружке любителей искусства, оказались недостаточными и подсазки художника Льва Ключевского, с которым они вместе ходили на этюды. Теперь его манили Москва, Петербург. Но — недостаток средств мешал...

Собственно, «недостаток» этот будет преследовать его долго, и свидетельства тому — недавно опубликованные письма к Матюшину — художнику и музыканту.

Малевич — Матюшину: «...после такого письма, как я получил от Вас, конечно, не откажешься поехать потолковать. Но если имеешь на текущем счету двадцать копеек, то не можешь ухитриться отрезать чек, чтобы купить билет...»

Свой билет в искусство он покупает иначе: продолжает рабо-

тать чертежником в управлении той же железной дороги, чтобы позволить себе полукочевой образ жизни, перемещаясь между Курском и Москвой. Вернее, для него — между Москвой и Курском.

Дни и года обрели курьерскую скорость...

В 1904 году он посещает училище живописи, ваяния и зодчества.

В 1906 году учится в студии Рерберга, а на следующий год уже выставляет два этюда на 14 выставке московского товарищества художников, одновременно с Натальей Гончаровой и Василием Кандинским.

Дни спрессовались до мгновений. Дымные дискуссии, тесные мастерские — все подчинялось идее творчества, желанию мыслить. Москва пленяла.

В этом же году — еще одно памятное событие, верстовой столб, точка отсчета: Малевич принял участие в первой выставке «Бубновый валет», устраиваемой Ларионовым и Гончаровой.

Принято считать, что именно они — «вожди» русского неопримитивизма оказали наиболее значительное влияние как на Малевича, так и на многих других художников, вышедших из глубинки, которые, — что находилось естественным, — привнесли в «рафинированное искусство народные оттенки».

Казимиру Малевичу исполнилось двадцать пять лет, когда делегаты «Первого Всероссийского съезда футуристов», — он, а еще Матюшин и Крученых (не смогли приехать Бурлюк и Хлебников) — опубликовали в московских и петербургских газетах манифест с вызывающе обозначенной целью: «...Устремиться на оплот художественной чухлости — русский театр... И решительно преобразить его...»

Малевич занялся эскизами костюмов и декораций, Матюшин писал музыку, Крученых — либретто. Началась работа над программным футуристическим произведением — оперой «Победа над Солнцем». Соратники, задумав, осуществляли ее как алогизм слова, алогизм музыки и алогизм живописи одновременно, что равно, пожалуй, — алогизму ограниченности.

«Заумь» — считали все трое, — должна уничтожить устаревшее движение мысли по закону причинности, «беззубый здравый смысл».

«Заумь» — выражение «нового разума», опирающегося на «высшую интуицию».

Много-много раньше, еще в 1912 году, Малевич уже пытался, тогда еще, бог весть для кого, может быть пока для самого себя, — утвердить как реальность интуицию, — «интуитивный разум» — внутреннюю вселенскую суть пространства, объяснить воспроизведенное не отражением, но самовоспроизведением. И хаос имеет право на существование, ведь по сути — все из него.

Совершенное конечно. Совершенное завершено. А хаос несовершенен; у него есть будущее иных форм. Художник

способен вырвать эти формы из хаоса, — вычленив, выплеснуть в реальность. Но прежде «формы» должна быть «идея» ее, осознание образа, невидимая работа ума, сотворяющего новую вселенную, которая не имеет пока «верха» и «низа», как — еще не создавшая звезд и планет — вселенная пред-космоса.

На обороте написанной в том году картины «Корова и скрипка» Малевич разъяснял: «Алогическое сопоставление двух форм — скрипка и корова — момент борьбы с логизмом, естественностью, мешанским смыслом и предрассудком».

Казимир хотел запечатлеть, именно запечатлеть, мысль о всеобщей связи явлений, устранить линейную логику как способ существования, объяснить человеку возможность существования духовного зрения, помочь воспринять себя, да и любой факт — как часть универсальной системы мира.

В отличие от итальянских мастеров, в частности, приехавшего в Россию Маринетти, стремящихся в авангардном искусстве находить новые приемы самовыражения, русские авангардисты пытались воплотить в искусстве особенность своего мышления. «Мы дошли до отвержения разума, но отвергли разум в силу того, что в нас зародился другой, который в сравнении с отвергнутым нами может быть назван заумным, у которого тоже есть закон, и конструкция, и смысл, и только познав его, у нас будут работы основаны на законе истинно новом, «заумном», — считал Малевич.

Чтобы обретенный новый разум стал естественным состоянием, в те месяцы Малевич пишет, не отрываясь, одну картину за другой. Необходимо было доказать, что все неверие в новый разум, — «заумь», — вызвано лишь отождествлением себя с умом в общепринятом смысле. В его работах обязательно должен был просматриваться процесс ощущения себя как единицы Мира во всех с ним взаимосвязях. Когда же наступит «самосуществование картин с полным пониманием смысла действия, тогда можно будет говорить о принятии, об установлении внутренней связи с абсолютным существованием.

Декорации, эскизы костюмов Малевича отрывались от реальности мира, обращаясь с ним, как с реальностью сна. Теория супрематизма, как новая точка зрения, позволяла передать свое пространство переживаний, прийти к Космическому через холст. Сознание переставало быть геоцентричным во Вселенной, тем самым — переставало быть частью, становясь всем.

Возникал другой, иной мир, по ощущению соотносенный с универсальной мировой гармонией (или гармонией расчленения?). Супрематическая идея воплощалась. Сценический занавес, на котором впервые был изображен черный квадрат, перед началом спектакля был не раздвинут — разорван. Он стал, по выражению автора, «родоначальником и куба, и шара», чьи «распадения несут удивительную культуру в живописи». Конструкция идей и ожившей мысли получила свое воплощение.

В 1913 году Малевич писал Матюшину: «...вижу, что в настоящее время все больше и больше начинает попадаться бессмыс-

ленного черчения, изображающего то одно, то другое, чем сводится к нулю всякая сложность постижения. Я думаю, что 1) искусство есть то, что не всякий может проникать в вещи, что это оставлено только выродкам времени; 2) что нельзя чертить ни одной линии без контроля ума и смысла, а у нас больше всего встречаешь работы, сделанные по какой-то бессмысленной судороге. Мы дошли до отвержения разума, но отвергли разум в силу того, что в нас зародился другой, который в сравнении с отвергнутым нами может быть назван заумным, у которого тоже есть и закон, и конструкция, и смысл.

Супрематизм стал для Малевича смыслом, целью, содержанием жизни. Начался круг воплощения знания. Его картины — одновременно — могли существовать только при «соучастии» автора, но в то же время — были и необыкновенно самостоятельны...

Невероятно силой жила в нем — мистически почти ощущаемая — необходимость писать работы, составлять таблицы, поясняющие его мировоззрение. Словно некто живой, большой, невидимый, стоя за спиной Малевича, заставлял показывать и другим путь в открытую им страну, в то жуткое великолепие грандиозного пространства ума, которое он создал.

Праздновалась победа над солнцем старой эстетики.

Крученных, подхватывая идею такой работы, объяснял: «Творчество должно видеть мир с конца, должно... постигать объект интуитивно, насквозь, постигать его не тремя измерениями, а четырьмя, шестью и более». Матюшин отзывался: «Когда я писал музыку... мне с такой убедительной ясностью представилась новая страна новых возможностей. Мне казалось, я вижу и слышу пласты правильно рифмующихся в бесконечности масс. Мне, кажется, удалось это выразить в музыке».

Духовное согласие алогизма живописи, слова и музыки произвело на свет новую оперу, которую одни считали авангардной, другие — просто скандальной. И хотя все эти веселые и талантливые люди склонны были скандал поддерживать, выходя, например, на демонстрацию по Кузнецкому мосту с деревянными ложками в петлицах, все равно, все вместе — и Малевич, и Богуславская, и Пунин, и Матюшин, и Бурлюк, — не только создавали новое искусство, они желали быть понятыми, а потому — писали манифесты и программы. Сам Казимир Северинович издал брошюру «От кубизма и футуризма к супрематизму». Читал лекции о современной живописи, проводил опытное демонстрирование — рождение «рисунка с натуры» по принципу кубофутуризма. На выставке «Магазин», организованной Татлиным, Малевич показывает только супрематические работы под общим названием «Алогизм форм».

III

...Взгляд на балкон, заставленно-заваленный вещами. На их фоне — детская использованная коляска. Никакого плохого предчувствия. Только гвоздики в руках вместе со мной вытягиваются «во фронт». Для многих поколений Малевич — легенда, изгой, мученик, художник-формалист. И — тайна. За семью запретами.

Неужели в искусстве будет так вечно?

Неожиданно неубранный подъезд, когда ты сам сверкаешь, словно пряжка на поясе ученика реального училища, готовясь прикоснуться к вечности искусства... В контраст. Первый. Между воображением и действительностью. Со второго этажа навстречу — девочка-калека, вопреки внутреннему звуку.

В мире, им сотворенном, — краски в своем большинстве подбирались иные...

Вовсе не сразу появился «Черный квадрат».

Черный...

...Блондинка с серо-голубыми глазами: «Мама очень больна. Но попроси ее поговорить, Вахит», — это мужу. Весь разговор в полутонах. И вдруг из спальни, через паузы, прерываемые высоким ослабленным голосом: «Не хочу никого. Не мучайте. Не пускайте. Непускайте...»

IV

Почему он принял революцию? Может, посчитал, что это взрыв нового сознания, или — что в ней действительный авангард мысли? Доподлинно известно одно, Казимир Северинович ее не отверг... Он избран в Совет народных депутатов. Он комиссар по охране ценностей Кремля, уберегший их от разграбления. Он пишет горячие статьи, выступая против пытающихся сохранить свою власть консервативных сил, сплачивая авангардистов для поддержки революции: «Чертите в ваших мастерских красный квадрат, как знак мировой революции искусства».

Время не делилось между выставками, дискуссиями, оформлением спектаклей и семьей. Это был один, захлестнувший художника океан. Его жена, Софья Михайловна Рафалович, ожидает рождения ребенка. Он выставляет серию композиций «Белое на белом». Уже знаменитый Родченко отвечает ему циклом «Черное на черном», а он водворяет над колыбелью манифест-листовку: «Ниспровержение старого мира искусства да будет вычерчено на ваших ладонях».

Уна родилась 20 апреля 1920 года, в Витебске, куда непоседливый Малевич унесся к Марку Шагалу, наверное, не без желания обратить в более глубокую революционную веру авангардизма.

Серо-голубые глаза, как оказалось, глаза дедовы. Ольга — дочь Уны — говорит, говорит...

А я отказываюсь понимать, что встречи — не будет. Что я — не узнаю Уну...

Не узнаю.

Чтобы не травмировать Анну Казимировну, мы встречаемся с Ольгой в безлистных февральских скверах. Она пытается объяснить поведение мамы: старый, немощный, да еще обманутый человек. К тому же категоричный.

Как-то Ольга вынесла и оставила мне ее фотографию. Уна была пронзительно похожа на Казимира Севериновича. Заострившиеся скулы и взгляд. «Да, знали, что дед наш — великий художник. Однажды обмолвились об этом в школе — там посмеялись...»

Уна все свои 70 лет чувствовала на себе тень отца — нет, не отблеск его мировой славы, а тень человека, распространяющего на родине «буржуазное искусство». Родившаяся в семье крупного художника-мыслителя, Уна была отторгнута от идей его приговором политиков и временем. Более полувека имя Малевича если и упоминалось у нас, то только в негативном контексте. Тучи сгустились над его головой еще при жизни. После возвращения из Берлина Казимиру Севериновичу восемь месяцев на Лубянке доказывали, что он — «немецкий шпион». Вскоре после этих событий Казимира Севериновича не просто сняли со всех должностей, но сделали так, что под запретом оказались многие работы художника. Малевич был отстранен от, впрочем, всегда и так отстраняемой им, внешней инерционной жизни. Но у него оставались мысли, оставались кисти. Предпринималась попытка убить авангардное искусство. Бунт за себя, каков он есть, Казимир Северинович готовился продолжить смертью. Предчувствуя свой конец, изготовил супрематический гроб, настойчиво желая быть похороненным в нем.

От Уны бунта никто не ждал. Ей исполнилось всего 15 лет, когда отца не стало. Времена надвигались сумрачные, — шел тридцать пятый год. Уна и близкие ей люди, — воспитывавшая ее с пяти лет тетка (сестра матери, Софья Михайловны, умершей в 1925 году от чахотки) и мачеха Наталья Андреевна, являвшиеся наследниками работ Малевича, оставшихся на родине, — поспешили сдать их на хранение в Государственный Русский музей. (Картины, находящиеся в Берлине, после выставки 30-го года так к ним и не возвратились).

Достаточно поруганная публично, фамилия «Малевич» уже сама по себе означала буржуазные взгляды. Она сразу же вызывала в памяти разгромные статьи. Чистый мир переставал быть чистым, обратясь в Черный.

«Черный квадрат...»

Много вопросов было и к странному имени — Уна. Девочка была крещена по-супрематически, в честь Утвердителей

Нового искусства, но напоминать о новом сделалось опасным занятием...

Авангардизм был хорош, когда рушил прежние догмы. Новые догмы уже были против всяческих революций, — прежде всего духовных, от которых, как известно, перманентно беспокорящее власть предержажших — зло. Очередная закрепившаяся власть всегда за старые формы, всегда возвращается к ним, стараясь, вопреки новозаветной истине, влить новое вино в старые мехи — утвердить свою временность на постоянном фундаменте прошлого.

VI

По-особому готовился Малевич к отчетной выставке 1926 года. Было много новых картин, а еще — неожиданно — и архитектурных работ; его в ту пору привлекали города будущего, которые — он в этом не сомневался — привнесли бы новую, высшую радость в затрепанную привычками быта жизнь... Поведать бы об этом всему вселенскому миру! Но хотя конец двадцатых годов еще не обозначился открытыми репрессиями, — в атмосфере уже витала подозрительность. Бывшему комиссару Кремля снова и снова отказывают в командировке за границу. А Малевичу непременно хочется познакомить Европу со своими теориями. Человечество не может не захотеть стать богаче!

Он настаивает, настаивает, настаивает... И в 1927 году ему, наконец, разрешают выехать с выставкой. За собственный счет. Его путь — в Польшу и далее в Германию.

Европа любопытствовала, но производить еще одну революцию не спешила.

Казимир Северинович, оставив часть работ в Берлине, торопливо возвращается. Углубить идею, переосмыслить и вновь объявить, — сделать явью! Увидит ли он потом, выйдя из тюрьмы на свободу, тяжкую тень над всею страной? До дня его смерти в 1935 году еще было время увидеть. Вместе с Суэтиным он продолжает разработку идеи социалистических городов, но его подозревают в работе на немецкую разведку, арестовывают, на месяцы хоронят в тюрьме. В Черный квадрат камеры. В сурепатический гроб каменного мешка.

VII

...Уна не рассказывала домашним, в каком году взяла имя — Анна. Ни говорить в те годы много, ни спрашивать не рекомендовалось. Отец умер, но отваживались хорошо вспоминать о нем только самые близкие люди. Когда у художницы А. Лепорской, ученицы Малевича, занимающейся фарфором, выкрали его рисунки, она, опасаясь ярлыка аполитичности, даже не обратилась в следственные органы...

Уна узнала безвестность, забвение отца здесь и триумф его

работ за рубежом. В начале 70-х годов директор Государственного Русского музея В. Пушкарёв предложил возбудить иск о возвращении картин Малевича, оставшихся за границей. Но вдова, уставшая от постоянной травли за «формализм Малевича», наотрез отказалась как-либо участвовать в этом деле. Не стала ничего делать и Уна... Решила: в Амстердаме картины Малевича показывают в экспозиции, а у нас они все равно лягут в запасники.

Думаю, понять обеих женщин нетрудно — немало прочитано нами сегодня о тех днях...

Нас долго и терпеливо приучали мыслить не личностными, но «государственными» категориями. Мы послушались и привыкли. В нас как-то одно незаметно подменили другим. Мы в глубине души наивно надеялись, что государство — это то, что построили для себя сами люди, чтобы им легче и правильно жилось. Но вдруг оказалось, что государство то ли исподволь, то ли подталкиваемое к тому группкой людей, — не «партия» ли ей название? — вышло на основное, самодовлеющее место и само принялось «строить» угодных себе людей методом идеологического прокрустового ложа. И человек оцепенел, боясь оказаться на голову выше определяющей благонадежности черты. Человек, маленький человек, публично осмеянный за свое живое ничтожество, несравнимое с «широтой» государственного горизонта, стал вторичен, перестав быть интересным построенному — не нами ли? — государству.

Я не имею в виду одну только судьбу людей — если можно так выразиться — первого ряда, людей не ординарных, если на то пошло, — знающих себе цену, входящих в противоречие с государством не безмысленно, не случайно, но с логичной целенаправленностью... Больше всего жаль попавших в тоталитарные жернова людей обычных по судьбам, по той доверчивости, с которой они шли ему навстречу. Обидеть такого человека — значит, обидеть навсегда, навечно.

Анна Казимировна редко бывала словоохотлива, когда речь заходила о прожитом времени. Привыкнув молчать, таить в себе, она так и не смогла доверить все свои думы за прожитые годы людям.

А люди, между тем, продолжали обижать ее. Смеялись в школе... Настойчиво вертелись возле, визнавая — сохранились ли в семье какие-либо рисунки или картины отца, сулили взамен золотые горы, обещали помощь, а когда убеждались, что нет, не сохранились, тут же исчезали, позабыв о ней сразу, словно она сама по себе ничего и ни для кого не значила. Затем появлялись другие, третьи...

Она нервничала, убегала от них...

Но в очередной раз ее настигли, расспрашивали, визнавали. Какой-то заезжий журналист выпросил — «на один миг» — редкие письма, документы и фотографии, да так и исчез с ними, позабыв возвратить.

Черный квадрат Казимира Малевича, обретая земную плоть,

переходя из разряда духа в разряд тела, ширился, разливался, захватывая и накрывая все вокруг...

Внешне — направляемая общими для всех событиями — ее биография выстраивалась ладным рядком. Прошла войну и счастливо уцелела. Дважды побывала замужем и оба раза рожала хороших, веселых детей. С истинной верою в пользу, собой приносимую, пребывала радисткой на фронте и — после — в клайпедском морском порту; с партией геофизиков пешком, верхом и на попутках исходила и изъездила неизмеримые квадраты километров, все более и более суживающихся, сходящихся в новую — среднеазиатскую точку ее судьбы. Баку, Махачкала, Челекен и — вот оно, приближение к яркой Азии — красному квадрату, — Небит-Даг.

Можно объяснить случаем, линией судьбы...

А можно — внутренним каким-то побегом от людей, от их жестокости, особенно страшно скрываемой в равнодушии, в пренебрежении другими судьбами — что с того, что живые? — если эти, другие, выбиваются из общего, политическими ножницами подровненного ряда. Пусть выбиваются они даже и не сами по себе, а опосредованно: через странных родственников, пишущих людей без лиц, квадраты и прочую геометрию.

Да и разве забыть то — 1937 года — указание: «Ликвидировать последствия вредительства и устранить произведения Малевича из музея».

Чуяли, нет ли, что и придвинутый к стенам, в запасниках, Малевич — дух, перешедший в тело заgroundованной материи — дух-разрушитель, дух-Творец...

Наверное, — раз избавлялись...

Но — избавиться ль от Творца?

VIII

Его несли в супрематическом гробу собственной его конструкции. Он лежал, широко раскинув руки, принимая, может быть, на себя не только пространство неба, но и всех прегрешений наших...

IX

Уна Малевич, Анна Казимировна Уриман, побыв рядом с нами, с глубиною всех страданий своих, так нам и не открытых, но нами, быть может, даже еще и усиленных, — посмеялись в школе над детьми, вспомнили, снова забыли, локтем непонимания больно толкнули, — умерла негромко. Весною. В то время, когда и пески Туркмении ярко цветут. Красно-зеленым. Без черного...

«...Да будет вычерчено на ваших ладонях».

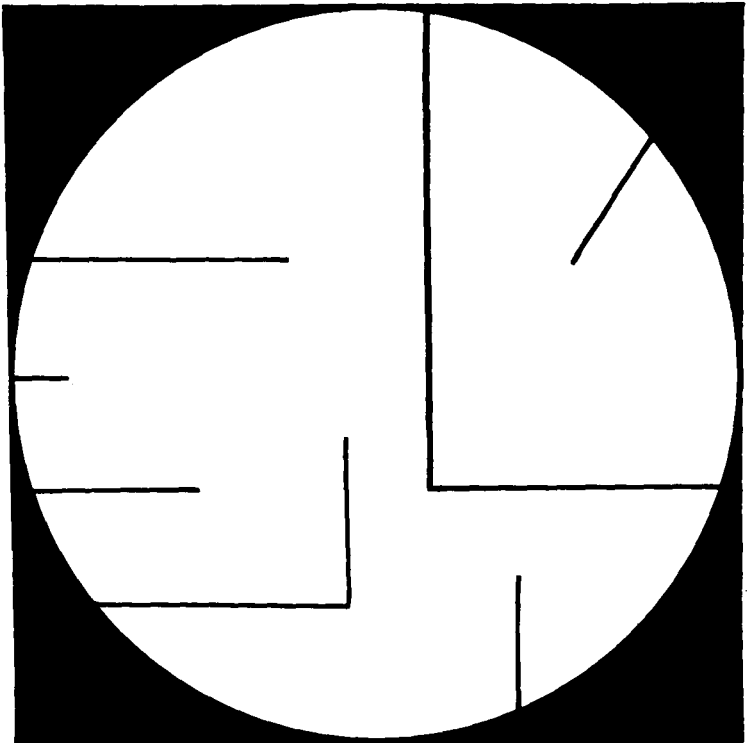
...черный квадрат.

Х

Иногда мне кажется, что все мы едем в ночном вагоне путем беспамятства...

Если это так, — то какой может оказаться конечная станция? Наша станция. А не та, которую Малевич когда-то назвал «Станцией без остановки».

Небит-Даг — Ашхабад.

Графика Дмитрия ПЕТИНА

И ТЬМА НЕ ОБЪЯЛА ЕГО...

РОМАН-ФАНТАЗИЯ

IV.

АЙЯТЫ ОТ АЙСА

«...Была Надежда. И Надежда была Светом во Мраке. И Мысль шла по лучу Света, пока не стала Миром...»

— О, Верховный Айяр! Беда! Рудник пуст! Пропали все!.. Ни единого следа!..

«...Цель, требующая жертв, ведет в тупик», — вспыхнул в мозгу обрывок айята, и Айс вернулся в реальность. Перед ним, дрожа всеми перьями, склонился вестовой твердокрыл.

— И охрана?!— вскочил Айс.

— И охрана.

— Откуда известно?

— Я был там...

— Без приказа?!

— Там находился мой сын...

Айс не выдержал зрелища горя отца, потерявшего сына, и отвернулся. Это было ему слишком знакомо. «Айя... Айян... Айяна...»

Он метался по омерзительной пещере, заляпанной багровыми сполохами от чадящих факелов, воткнутых в расщелины стен. И хотя пещера была в несколько раз больше его семейной жилой ячейки в ныне разрушенном хрустальном гнездовье, ощущение тесноты душило Айса. Он понимал: пещера тут ни при чем — теснота внутри него, — но она стала символом этой тесноты, ощущение которой ярость и безысходность обращали в душающую пытку. Неба! Сердце жаждало Неба!..

Айс устремился к выходу, бросив вестовому:

— Передай айяру Айту, что я на рудник, и потом за мной!..
— Верховный Айяр! Тебе нельзя одному! — воскликнул вслед ему вестовой.

Айс резко остановился.

— Тебе можно было, а мне нельзя?

Красноречивое молчание вестового ответило ему: «Кто я для стаи, и кто ты?!..»

— Ладно, — кивнул Верховный Айяр, — я подожду неподалеку. Только живо!.. — Все, все... Больше он не в силах терпеть эту пещеру!

Небо было хмуро и серо. Мокро и зябко. Но это было Небо! И Айс ввинтил неистовую спираль своего полета в его благодатную бездонность. И лишь ощутив разреженность чужих высот и приятную успокаивающую усталость, он перешел на парение, в общем-то не свойственное стремительным твердокрылам. Но Айс помнил удивительное ощущение мощного парения мягкокрыла, которое Высшей Волей ему дано было испытать...

Он вдруг вновь с обжигающей ясностью ощутил, как разжимаются его когти, несущие конец одной из жердей, на которых покоится большой камень, и смертоносный груз со свистом устремляется вниз — на гнездовье, где спят ничего не подозревающие Айя и дети, и десятки, сотни других твердокрылов.

«Зло порождает Зло и не может породить ничего, кроме Зла», — так записал Айс в своих Айятах, и Стая послушно повторяла за ним. Но могла ли она жить согласно такому айяту — вот что мучило Айса. Ведь зло, в основном, совершается не из любви ко злу, а по жизненной необходимости. То, что является злом для жертвы, для охотника — всего лишь удовлетворение естественной потребности... Но мягкокрылы мстили! А месть — это осознанное свершение зла... Были ли у них иной способ убедить нас в пагубности порабощения мягкокрылов для удовлетворения нашей естественной потребности строить хрустальные гнездовья?.. Но ведь мы вняли их убийственному аргументу, мы разгадали их смертоносную притчу. Неужели они еще продолжают нас убеждать и теперь сами порабощают твердокрылов?..

Айс ясно представил себе, как мягкокрылы застыли в темноте рудника, поджидая жертву, которая влетает, ничего не подозревая, и получает мощный удар клювом по спине между крыльев, что парализует их, или по голове (но это уже насмерть)... Картина показалась Айсу настолько убедительной, что сомнения почти покинули его. Почти... Объяснив себе, как мягкокрылы могли это сделать, он не мог понять — за чей же? Ведь они достигли цели. Но знают ли об этом? Откуда им знать, что он запретил Стае месть. К тому же он и сам не уверен, что, подчинившись приказу, кто-то не вынашивает идею мести в себе... Да и стая его — не единственная на планете. Остатки ближайших объединились под его началом,

а с дальними связь прервалась. Возможно, они по-прежнему продолжают пленять мягкокрылов, а те не видят разницы между стаями?.. Да... Значит, и мотивы могут существовать... От этого становилось еще тоскливей. Как остановить зло?.. Ведь если его догадка верна и твердокрылы узнают об этом, то лавину мести, взаимной мести, невозможно будет остановить...

Айс посмотрел в сторону пещеры. Несколько терпеливых фигур чернело на камнях у входа. Твердокрылы молча наблюдали за тем, как Верховный Айяр кружит в вышине — они не смели тревожить его уединение. Так в стае летал только он после того, как совершил Восхождение и вернулся, умудренный Великим Знанием. Конечно, другие пытались подражать ему, но у них не получалось.

Только теперь Айс ощутил назойливое давление дождливой мороси и обнаружил, что потерял высоту и парит уже совсем рядом с пещерой. Он окончательно стряхнул с себя оцепенение и, войдя в вираж, стремительно пронесся мимо поджидавшего его эскорта, который, мгновенно приняв зов, сорвался за ним следом.

* * *

Прошли те времена, когда твердокрылы с крутого виража бесстрашно влетали в черную пасть рудника. Тогда они чувствовали себя здесь хозяевами. Но после того, как двое попали в паутину, сотканную громадным пауком в темной зоне у входа, и чуть было не стали его жертвами, подобное лихачество было категорически запрещено. Чудесное же спасение пойманных в тот раз отнесли на счет того, что твердокрылы оказались пауку несъедобными.

Айс спланировал на камни у входа, надежно защищенные от налетающих посетителей неприступной высотой отвесного склона. «Впрочем, — вдруг подумал Айс, — «посетители» вполне могут воспользоваться и подземными коммуникациями, по которым мы отправляем руду к подножию, и руслами подземных потоков...»

— Вы охраняете вход! — приказал он эскорту. — Двое здесь, двое внутри, но так, чтобы снаружи не было видно. Если мы не вернемся до сумерек, один сообщает айяру Айту, остальные остаются на своих местах до его приказа. Еще: если появятся мягкокрылы, в бой не вступать! Оставайтесь незамеченными. Меня предупредить одиночным вскриком!

И Айс осторожно вошел внутрь, приказав вестовому идти следом. Он взял из ниши у входа запасной факел и зажег его. Внимательно осмотрел все щели вокруг — ничего, скольконибудь вызывающего тревогу. И Айс двинулся в глубь рудника, пристально всматриваясь в своды и дно пещеры, надеясь обнаружить хоть какие-то следы борьбы...

Монотонно шипящий шум тишины проникал в сознание ожиданием грядущей беды. Черно-красная цветограмма пещерного мрака, колеблемая отблесками чадающего факела, саднила памятью о беде уже случившейся. «О, Мать-Создательница, — шептал про себя Айс, — я слишком ничтожен пред Тобой, чтобы задавать вопросы, ответы на которые недоступны моему сознанию, но я не могу не спросить Тебя: за что Ты наказываешь мой род столь жестоко?»

Ответом ему были только вздох да чуть слышное пыхтение вестового за спиной.

— Как думаешь, друг мой, — вдруг обратился к спутнику Айс, — кто виноват в бедах Стаи?

Вестовой вздрогнул от неожиданности и, смущенный странной доверительностью обращения (какой он друг Верховному Айяру?!), не сразу нашелся с ответом. Как всегда, помогли Айяты.

— Сказано: «И посмотрел я в зеркало своего Горя, и увидел в нем свою Радость...»

— Неужели? — искренне удивился Айс. — Значит, ты полагаешь что в бедах твоего сына повинна его радость?

В глазах вестового пламенем польхнуло отчаяние. Или это блик от факела?

— Это сказал ты... — глухо ответил вестовой, глядя в глаза Верховному Айяру.

— Сказал... Но ты-то как думаешь? Жизнь ведь твоя, и сын твой...

— Пощади, Верховный, — прохрипел вестовой.

— Хочу услышать правду. Сейчас наше спасение только в ней. Но глупо думать, что вся она доступна мне. Каждому доступна лишь та ее часть, которую он выстрадал. Не мог же я выстрадать всю правду! Тогда бы я был не твердокрыл, а бессмертный Айяр Айяров... Но почему-то таких не видно в нашем небе...

— Правды хочешь, Айяр? — поднял глаза вестовой; красные сполохи вместе с осколками черных теней делали его лицо словно высеченным из красно-черного камня. — Я думаю, твой аяйт открывает истину. Если «моя радость» — это радость Стаи, то есть ее потребность... Мы не учим наших детей различать эти радости, и дети гибнут за радости Стаи, но виноваты ли они в своей слепоте?..

— Быть тебе айяром, вестовой... Твое имя?

— Айян.

Айс вздрогнул.

— Так звали моего сына.

— Знаю.

— А как зовут твоего?

— Айк.

Они помолчали.

— Ты прав, Айян, — прервал молчание Верховный Айяр. — Хотя многим в Стае твои слова не понравились бы... Да, для того, чтобы сохранить Стаю, надо научиться отказываться от тех радостей, из-за которых гибнут ее дети. Ради главной радости — жизни. Вроде бы все верно. Ты согласен?

— О, да!

— Но только куда нас приведет этот путь, друг мой? В мире, полном столкновений, противоречивых радостей... Жизненное пространство не бывает пустым. Если мы освободим какие-то его участки, отказавшись от некоторых радостей, то есть потребностей, то их тут же займет кто-то другой... Мы покинули гнездовья и переселились в пещеры. Но стало ли нам здесь безопасней? Ведь мы, не спросив разрешения, заняли чье-то место... И так, отказываясь от своего жизненного пространства, которое состояло из наших естественных радостей и поэтому определяло сущность нашей жизни, в поисках спасения мы вторгаемся в чужое пространство и находим новые, неизвестные нам опасности, бороться с которыми еще не умеем. Мы теряем сущность жизни, перестаем быть собой, но что обретаем? Спасителен ли этот путь, Айян?.. Ты винишь меня за то, что я хочу вернуть Стаю в хрустальное гнездовье, потому что твой сын исчез, добывая хрусталь? Я повторяю — исчез, а не погиб, — ведь пока мы с тобой не обнаружили следов его гибели.

— Исчез? — оторопело переспросил Айян. И после продолжительной паузы тихо поинтересовался: — Ты тогда тоже надеялся, Айс?

— Разве только на чудо... Нет, не надеялся — видел, во что превратилось гнездовье. Но ты ничего подобного не видишь. Ты обязан надеяться. Может быть, твоя надежда — единственное, что может спасти твоего сына...

— Я ни в чем не виню тебя, Верховный Айяр, — помолчав, сказал вестовой.

— Твое горе винит, — вздохнул Айс. — Но ты пойми, что путь отказа от радостей не ведет к спасению. Это путь к смерти, добровольной смерти, которая есть отказ от сущности жизни.

— Но как же тогда понимать твой айт?!

— Как исповедь... Конечно же, радости не должны быть слепы, особенно, когда они сталкиваются с противоположными радостями.

— Да, — кивнул вестовой, — как сказано в твоих Аятах: «Все в мире — дети Матери Мира. Братья могут спорить, могут ссориться, но не должны убивать друг друга, ибо этим они истязают сердце Матери своей».

— Ты хороший ученик, Айян, но сейчас важнее найти следы твоего сына.

— Ода, Верховный Айяр! — воскликнул воодушевленный надеждой вестовой и принялся оглядывать каждый камешек, каждую трещинку.

Айс занимался тем же, но ему не давала покоя какая-то мысль, промелькнувшая на краешке сознания. И теперь, исчезнувшая, она представлялась Айсу чрезвычайно важной, быть может, спасительной.

* * *

А рудник уже мало напоминал мрачное подземелье, наполненное натужными стонами обескрыленных мягкокрылов, запряженных в груженные рудой вагонетки, и взвизгами деревянных полозьев в желобах деревянных рельсов. Помнится, у Айса от этого пронзительного звука то и дело мороз пробегал по коже, встопорщивая перья. И он, не долго думая, рубил провинившегося раба ловким взмахом острого крыла. Некоторое время смазанные плотью и кровью поверженной жертвы рельсы не скрипели. Можно было спокойно погрузиться в интеллектуальные глубины цветограмм. Хотя надсмотрщикам запрещалось заниматься этим, но кто проверит? Да и в бдительности долгое время нужды не было.

Теперь вагонетки стояли на колесах, выпиленных из самых твердых пород деревьев, и все вращающиеся части были хорошо просмолены и смазаны. Айс толкнул рукой ближайшую вагонетку — она легко и беззвучно двинулась по рельсам.

— Да, — почтительно произнес вестовой, — ты принес с Вершины Великое Знание...

Кроме того, Айс разработал целую систему передачи движения от колес с лопатками, вращаемыми подземными потоками, к вагонеткам и даже к забойным механизмам. Строительством этой системы и были заняты исчезнувшие твердокрылы. Айс лично подбирал самых толковых и тщательно обучал их...

Наконец, они подошли к подземной реке; бурное течение, цепляясь за лопасти установленного на оси огромного колеса, довольно быстро его вращало. Ощущение скорости и мощи зачаровывало.

— Теперь я понял, — восхищенный, воскликнул вестовой, — зачем нам руки.

— Разум, Айян, прежде всего, разум... — уточнил Верховный Айяр, отпуская рычаг остановки колеса. — Но ты понимаешь, если колесо вращается, а их нет, то, значит, они исчезли внезапно?

— Ты прав, Айяр Айс... Но что случилось?

«Если бы я знал... Испуг? Зов о помощи? Внезапное нападение? Но кто мог напасть на них? Какое-нибудь подводное чудище, которое они побеспокоили шумом колеса?.. Стоит ли множить чудищ сверх необходимости?.. Хотя мне рассказывали про какое-то летающее чудище, которое пыталось напасть на пещеру во время моего Восхождения. Истребители

сразили его. Это было на закате. А наутро не нашли никаких следов, кроме спутанных клочьев паутины на скалах... Летающее чудище? Предположим, истребителям не померещилось. Тогда причем здесь паутина? Пауки не летают... Или кто-то кроме нас пользуется этим прекрасным материалом? Мягкокрылы? Но зачем мягкокрылу лететь к нашей жилой пещере с клубками паутины в когтях? Не понимаю. И неужели истребители не отличили бы мягкокрыла от неведомого чудища? Значит, существует некто неизвестный, способный угрожать нам. Плохо мы еще знаем свою планету!.. О, Мать Мира! Почему ты не наделила нас Знанием Творения Твоего?..»

— Верховный Айяр! — прервал размышления Айса вестовой, смущаясь собственной дерзости. Но от долгого наблюдения за потоком, в свете факелов казавшимся потоком крови, ему стало страшно. Он представил себе шестерых молодых твердокрылов, собиравших колесо: четверо на ободе колеса, двое на берегу. И вдруг что-то случилось у того, кто следил за рычагом включения, и колесо начало вращаться, увлекая за собой монтажников, ломая их крылья и швыряя в воду. Оставшиеся на берегу бросаются на помощь, но и сами попадают под колесо. И через несколько мгновений в пещере остается только оно, равнодушно вращающееся...

— Впечатляет, — согласился Айс. — Но слишком много случайностей. Вот только... если они решили покататься на колесе... Нет, маловероятно! Конечно, они молоды, но не дети же!..

— О-о-х, — в ужасе простонал Айян. От предположения Верховного Айяра ему стало еще хуже.

Айс заметил состояние вестового.

— Будем надеяться, что мы ошибаемся. И все же, проверим! Ты знаешь, где выходит на поверхность эта река!.. И не теряй надежды, Айян! Быть может, Айк ждет твоей помощи...

Они поспешили назад к выходу.

— Айян, ты ведь был в числе тех, кто сразил летающее чудище?

— Да, Верховный Айяр. Я тогда был истребителем.

— Опиши мне его.

— Это трудно. Ты же знаешь, что истребитель видит только цель.

— Это немало.

— Был закат, и оно заходило на нас со стороны солнца. У него были громадные огненные крылья невиданной формы...

— Невиданной?

— Хотя чем-то они напоминали крылья этих мелких пещерных грызунов, которыми питается паук на руднике... Громадные огненные треугольные крылья. И паучья морда! Правда, может быть, мне показалось... Против солнца... Да и заходили мы на него со спины...

— А в лапах? Что у него было в лапах?
— Я не заметил у него лап...
— Как это?
— Не знаю... Не обратил внимания. Я смотрел на крылья... Они были громадны, пылали, как огонь, и были прозрачны... как огонь.

— Прозрачны?.. И ты не побоялся сунуться в этот огонь?
— Я истребитель! — гордо сказал Айян. — И мой сын, Айк, — истребитель!

— Значит, к тебе и к твоему сыну относится тот айт, который ты же мне здесь читал...

— Извини, Верховный Айяр, не понял. — Вестовой ковылял следом за Айсом, неуклюже оттопырив назад крылья. Он, как и другие твердокрылы, не любил много ходить, и поэтому получалось у него это неловко. Айс же во время ходьбы был легок и энергичен.

— Ты же знаток моих Айятов, — усмехнулся Айс. — «Зло порождает Зло и не может породить ничего, кроме Зла».

— Но разве истребитель совершает зло?! — воскликнул, не сдержавшись, Айян.

— Если ты этого не понял, то, вероятно, тебе еще не раз доведется посмотреть в Зеркало Горя...

Вестовой был явно обескуражен. Что-то в словах Верховного Айяра было не так. Конечно, не ему сомневаться в мудрости Айятов... Но что-то здесь не так. Да! Он уничтожал врагов Стаи. Но с каких пор уничтожать врагов — зло? Может быть, с тех пор, как заглянули в Зеркало Горя?.. Но разве не зло — лишать защитников Стаи уверенности в правоте и добродетельности их дела?

Айс подождал отставшего вестового. Он стоял перед черным провалом перехода в пещеру Паука, где твердокрылы добывали прочную эластичную нить паутины, скармливая пауку мягкокрылов. Молчаливый натуральный обмен. Который прекратился, когда рабы сбежали, а на захват новых Айс наложил запрет. Ему казалось, что он убедил сородичей в своей правоте. Но правота Верховного Айяра поверяется благодеянием Стаи. И ему верили, пока Стая ощущала свою безопасность. Теперь же... Хотя Стая и согласилась с его айятом: «Верховным Айяром быть может отныне лишь тот, кто бывал на Священной Вершине». Но кто может поручиться, что вместе с Верховным Айяром не отвергнут и этот его айт?..

Тяжко одному... Больше пока никто не решился на Восхождение. Даже айяр Айт. А приказывать Восхождение бессмысленно и, может быть, равносильно убийству... Придется и дальше все решать самому, но как они будут жить без него?

— Ты был там? — спросил Айс запыхавшегося вестового, указав в провал пещеры Паука.

— Нет, я думал, там им делать нечего. Ведь мы пока не берем у Паука нить.

— Все-таки заглянем...

И они, держа перед собой факелы, нырнули в рваную темноту перехода. Мрак впереди казался твердым как камень. И ощущение чуждого твердокрылам замкнутого пространства, и память о притаившейся где-то рядом опасности — все это с каждым шагом обращалось в удушающее объятие ужаса. Айс защищался от него солнечно-небесной цветограммой, распространяя ее действие и на ковлявшего рядом вестового. И они упорно шли вперед, ибо твердокрыла, не сумевший преодолеть собственного страха, умирает от стыда, прячась в цветограмму небытия...

Впереди что-то засветилось. Идти сразу стало легче. Свет всегда кажется спасительным, даже если таит в себе гибель. Айс поспешил вперед, чуть расставив в стороны крылья, отчего у него получился полушаг-полуполет, и он быстро оставил вестового позади. Айян, подталкиваемый страхом, попытался подражать Айсу — и у него получилось! Может быть, даже лучше, чем у Верховного, потому что вскоре он нагнал его.

А впереди из темноты уже отчетливо выступала светящаяся зеленоватым влекущим светом, улетающая в бесконечность многоспиральная паутина. Раньше, при свете множества факелов на стенах, ничего подобного не ощущалось. Если паутина и светилась, то слабо, и свечение не бросалось в глаза.

Паутина была прекрасна! Твердокрылы умеют ценить красоту. Ведь они создавали свои хрустальные гнездовья по инстинкту красоты... Айс застыл в восхищении, пытаясь прочувствовать замысел объемного рисунка светом по темноте, проследить полет сужающихся в перспективе спиралей — и вдруг ему показалось, что неведомая сила пытается оторвать его от каменистого пола пещеры и увлечь в эту светящуюся и вращающуюся даль. Он вскинул крылья...

— Верховный Айяр! — воскликнул вестовой. Он следил за паутиной лишь краешком глаза, опасливо вглядываясь в темные глубины пещеры, и потому особого впечатления паутина на него не произвела.

Айс встрепнулся, стяхнул наваждение и, на всякий случай крепче вцепившись когтями в камни, внимательно посмотрел на спутника.

— Это удивительная красота, Айян! И упаси нас, Мать Мира, от попыток уничтожить ее...

Вестовой пошевелил крыльями, явно не разделяя верховного восторга.

— А где мы тогда будем брать нить, когда снова начнем добывать хрусталь?..

— Это и есть «опасная радость», о которой я предупреждал в Айятах.

— Сколько нити уже взяли здесь — никакой опасности не наблюдалось. Паук быстро восстанавливал свою паутину.

— Да, пока нам было что предложить взамен... Опасности нет, когда есть обмен радостями... И потом, я не говорю, что не надо брать, но надо брать, не разрушая и с позволения создателя.

— У нас теперь нет мягкокрылов!

— Да, Айян, об этом я думаю денно и нощно.

Айс посмотрел на паутину, пытаясь запомнить ее рисунок, и показалось ему, что в самой глубине ее, там, где сходятся спирали, появились какие-то красные огоньки. Впрочем, могло и почудиться. Айс сильно дернул нить паутины рукой, как неоднократно делал это, работая на руднике. Обычно, после сигнала, Паук не заставлял себя ждать и послушно являлся на зов. Рука неприятно ощутила вязкое прикосновение нити. Айс поморщился и потер ладонь о ладонь. Паук не появлялся. Айс повторил зов более энергично. Айян напряженно застыл в отдалении.

— Зачем это, Верховный Айяр? Если он их сожрал, то не откликнется, пока не переварит, — хрипло напомнил вестовой.

— Резонно, только с шестью твердокрылами ему не справиться. И потом — зачем бы ему нападать на своих кормильцев? — попытался приободрить вестового Айс.

— Проголодался, — мрачно буркнул Айян. Было видно, что держится он из последних сил.

— Ладно, уходим, — сказал Айс. — Здесь их нет...

К выходу они продвигались довольно быстро, поскольку уже не было необходимости искать следы — их просто не было. И это казалось Айсу противоестественным. В пределах разумного это оставалось лишь в двух случаях: либо следы намеренно заметали, либо исчезнувшие исчезли добровольно. Но зачем? И куда? Хоть бы подсказка какая-нибудь пришла!.. Сейчас они осмотрят русло и место выхода подземной реки — быть может, следы окажутся там?.. Хотя Айс в это уже не верил.

* * *

После темноты рудника даже серое дождливое небо, врываясь в распахнутый глаз входа, ослепляло. Наверное, поэтому Айс не сразу заметил, что ниши, где должны были находиться охранники, пусты. А когда обнаружил, неприятный озноб пробежал по спине между крыльями.

— Резко, одновременно, сразу подальше от склона, ты — вправо, я — влево! — скомандовал Айс. Вестовой кивнул, и они с разбега выстрелили собой из жерла рудника, черными снарядами разлетевшись в разные стороны.

Сделав крутой вираж, они развернулись лицом к склону. Он был пуст! Совершенно пуст! И это было невероятно — твердокрылы-стражи никогда не покидают своего поста!

Пусто было и небо, пуст был и мокрый мрачный противоположный склон ущелья.

— Ай-я-я-я-ях! — звонко воззвал Айс, и зов его, пометавшись между стенами ущелья, затерялся в шепоте мелкого дождя. Никто не отозвался на него.

Айс, подозвав вестового, крикнул:

— Быстро к айяру Айгу! Доложишь ситуацию и передашь, что я жду усиленный отряд истребителей для целей разведки.

— Но Верховный Айяр! Это проклятое место! Все пропадают!..

— Боишься, что и я пропаду? — усмехнулся Айс. — Значит, никудышный я Айяр, если не могу распознать опасность. Найдете себе другого...

— Не говори так, Айяр Айс! Стая верит тебе! Стае нужно твое Великое Знание! Ведь больше никто не был на Священной Вершине!.. Я никогда себе не прощу, если с тобой что-нибудь случится!

— Когда не прощаешь себе чего-то, то живешь достойно, стараясь не повторить своей ошибки. А чтобы не повторить, надо осознать. Для этого необходимо уединение... А уединение открывает путь к Священной Вершине... Придется тебе, в этом случае, совершить Восхождение и заменить меня... Айян!.. Так звали моего сына... Выполний приказ, вестовой! Я пока наблюдаю...

— Й-й-ях! — вскрикнул вестовой, принимая приказ к исполнению, и, войдя в крутой вираж, вскоре исчез в сером лабиринте ущелья...

* * *

Айс поднялся над ущельем, чтобы избежать неожиданного нападения того, кто мог скрываться в скалах. До чего же отвратительно — не знать своего врага...

Он перешел на парение и медленно описывал вдоль ущелья эллипсы, внимательно разглядывая скалы, расщелины, кусты, деревья. Но с таким же успехом он мог бы рассматривать собственную ладонь. Кто же в такую погоду будет сидеть в скалах? Только всякие недотепистые Верховные Айяры полощут тут крылья в мороси...

Айс прикрыл глаза и, создав багрово-черную цветограмму рудника, попытался извлечь из памяти мысль, показавшуюся ему там важной. «Мы говорили о радостях, которые, сталкиваясь с чужими радостями, превращаются в горе... Мы заняли чье-то место, не спросив на то разрешения прежнего хозяина этого места... Возможно, это и так, но какая здесь связь с исчезновением строителей колеса? В конце концов, мы заняли пустующие, как нам казалось, пещеры, а исчезновение произошло на руднике... А кто настоящий, природный хозяин этих пещер? Конечно же, Паук! Или пауки? Но мы

никогда не видели больше одной твари. Не может же один Паук, пусть и громадный, контролировать все пещеры!.. Впрочем, речь только о руднике, где один раз Паук уже нападал на твердокрылов. Последние, можно сказать, отделались испугом, но никто не гарантировал, что нападение не повторится с гораздо худшими последствиями... И ведь побывавшие тогда в паутине так и не отошли, отказываются жить в пещерах, ютятся в скалах.

Айс представил изумительный рисунок паутины, сияюще-зеленый по черному, и открыл глаза — так его влекло устремиться в самый ее центр. «Неужели существо, создающее такую красоту, способно уничтожать разумные существа?» — подумал он и тут же мрачно усмехнулся: «А разве мы, создавая хрустальные гнездовья, не уничтожали разумных мягкокрылов?.. А разве Паук не поедал их с превеликим удовольствием?.. И разве красота паутины не для того, чтобы завлекать жертвы, способные поддаться ее очарованию?.. О, Мать Мира, зачем Ты создала мир таким? Я не судья Тебе. Впрочем, как и Ты мне не судья. Я всего лишь маленькая искорка в Луче Твоей Надежды. Неужели Ты в Своей Всевышней Мудрости сочла возможным возложить бремя Поиска на эти чуть заметные, всего несколько мгновений блуждающие во мраке искорки?! Поистине неисповедима Мудрость Твоя, Мать Мира!..»

Айс понял: если он когда-нибудь вернется к своим Айятам, то непременно включит в них этот вопрос к Матери-Создательнице... Если вернется... Сейчас он уже не был в этом уверен, хотя и небо, и скалы по-прежнему были пустынно и никакой опасности не предвещали. Потому что в них ее не было...

* * *

Айс стряхнул с себя прострацию парения и резко лег на крыло. Стенки ущелья ринулись вверх и слились в сплошной темно-серый фон. Айс вышел из пике точно на уровне входа в рудник и, развернувшись, влетел, притормаживая, внутрь. Схватил новый факел, поджег его и побежал вглубь рудника. Бежать по шпалам было удобно — их и укладывали, соразмеряя с шагом твердокрыла.

Мелкали одна за другой пустые ниши для надсмотрщиков, бывшие спальни и кормежные отсеки для мягкокрылов. И вот она снова — черная пасть перехода в пещеру Паука. «Успеть! Надо успеть до прилета отряда, — уговаривал себя Айс, — иначе могут появиться новые жертвы!» Лишь Великое Знание, которым обладал он, давало ему шанс на спасение. Конечно, шанс не очень велик, потому что кроме знания необходимо еще и умение, но у других не было и этого. Страх лишает Разума, а Стая боится Паука, хотя никто и никогда в этом не признается. Великое же Знание в том и состоит, что Паук *внемлет доводам Разума.*

Айс, торопясь, все же внимательно глядел под ноги — травма ему сейчас ни к чему. Он должен успеть встретиться с Пауком, пока Стая не уверовала, что тот сожрал ее детей. Горе, как и страх, лишает Разума, порождая жажду мести. Айс сомневался, что сможет остановить ее взрыв. Но чтобы попытаться, он должен знать Правду. Действительно ли дети Стаи стали жертвой Паука? Если да, то что это — месть или, как сказал Аяян, Паук проголодался?..

Переход стал воронкообразно расширяться, и Айс различил впереди знакомое зеленоватое свечение. Тогда он воткнул факел в ближайшую расщелину, сделал несколько прыжков и... взлетел. Он помнил, что объемы пещеры здесь это позволяют. Учитель на Священной Вершине дал ему увидеть, как Он прошел сквозь паутину с протезами крыльев. А ведь мягкокрылы гораздо больше твердокрылов. Поэтому Айс рассчитывал пролететь ловушку насквозь и, если не встретит Паука, вылететь наружу. А если встретит... Тут уж как судьба распорядится... Но РАЗГОВОР должен состояться!

Айс не торопил себя. Напротив, он летел как нельзя более медленно и плавно, и, не отрываясь, смотрел на выраставший перед ним силуэт паутины, начиная РАЗГОВОР с невидимым собеседником...

...И стал Айс обескрыленным мягкокрылом, со страхом и надеждою подставляющим культы Пауку, который вдохновенно наплещает на них новые искусственные крылья из паутины. Он ясно ощутил в себе эту надежду и страх перед Пауком. И в то же время чувствовал, как растут крылья и сладкая тяжесть их все явственней передается телу звонкой истомой предвкушения... О! Как он хочет взмахнуть этими крыльями и взлететь!..

И вот крылья готовы. Неуклюже сложив протезы за спиной, ступает он на пружинящую паутину. Паук бежит впереди, он ковыляет следом, с трудом удерживая равновесие и все дальше углубляясь в светящуюся спиральную воронку.

И вдруг небо! Звезды! Ветер! Слезы!.. Он летит! Летит, запрокинув лицо к звездам, и кажется, что он летит с ними и среди них. И радости нет предела!..

Такова была первая речь этого странного РАЗГОВОРА...

Неожиданная догадка выбила Айса из медитации. «О, Мать Мира! Как же это я раньше не догадался? Ведь Паук умеет делать крылья!..»

Он снова взгляделся в спираль паутины, его словно бы ввинтило в пространство, и Айс ясно увидел Паука, летящего на искусственных крыльях, созданных по облику летающих пещерных грызунов. Конечно же, для Паука они гораздо удобнее, чем крылья мягкокрыла и, тем более, твердокрыла. Перепонки, натянутые на длинные лапы, превращают его в парящее чудище. Паук оказался творцом! И стало быть, эта ужасная тварь действительно разумна!

И вот Паук летит к жилой пещере в красных лучах захо-

дящего солнца, и крылья его кажутся сотканными из огня. Страшен темный лик его! Так мнится перепуганным твердокрылам, которые неспособны помыслить Паука, научившегося летать, видят перед собой только угрозу. Они, спасая себя, совершили зло...

Такова была вторая речь... Но есть ли собеседник?

Айс продолжал ввинчиваться в пылающую спираль паутины, уже не в силах остановиться, потому что остановка означала бы падение в паутину и... И что? Они же уничтожили единственного паука. Но никто не видел трупа Паука, и если он остался жив... У Паука больше нет оснований щадить твердокрылов, наоборот — все основания ловить и уничтожать своих врагов...

- Но неужели можно выжить, упав с той высоты, на которой летел Паук? Хотя бы прояснилось, что лохмотья паутины на камнях были крыльями Паука, которые так искусно отсекали истребители. А тело? Тело могли утащить ночные хищники. Никто ведь не задавался целью обнаружить его...

И все же, вопреки умозаключениям, Айс ощущал, что прекрасная ловушка — жива! О, Мать Мира!.. Айс был на грани отчаяния. Он влетал сюда с надеждой — теперь же не видит выхода. Жерло воронки сузилось настолько, что развернуться он уже не мог. Оставалось только вперед — до предела. До предела чего, о Мать Мира?..

А спираль вращалась все быстрее и быстрее. Верховному Айяру казалось, что вращается он сам. Кто знает, может так оно и было — Айс потерял ощущение реальности. Так и становятся жертвами ловушки — теряя ориентацию в бесконечности вращения. Что противопоставить? — закрыть глаза...

...И Айс снова стал неизвестной громадной птицей, которой ему довелось ощутить себя во время Восхождения. И снова он ввинчивал величественную спираль своего полета в звездное небо, пытаясь познать предел Своей Высоты, и с удивлением чувствовал, что предела этого нет. Родная планета превратилась в маленькую, чуть светящуюся точку. Крылья его стали прозрачными и легкими, словно были сотканы из тончайшей паутины, инкрустированной бисером созвездий... И вдруг ему стало так одиноко без тех, кого он оставил на родной планете! И сам собой сложился аят: «И когда Звезды Небесные стали украшением крыльев моих, понял я, что Предел Высоты Полета находится не в пространстве, а в Любви моей...»

Такова была третья речь Айса... Вопль в пустоту...

...Айс открыл глаза и увидел, что спираль больше не вращается, а сжимает его со всех сторон. И крылья его, распяты в полете, глубоко и прочно застряли в паутине, и ноги запутались где-то внизу, и руки плотно прижаты к телу. Он попытался высвободиться, но ловушка только крепче стиснула тело. Стало труднее дышать...

«Вот он, Предел, — подумал Айс. — Что ж, я сам стремился найти его...»

Тишина. Впрочем, нет: едва различимо посвистывает в нитях паутины сквозняк. Айсу показалось, что впереди сквозь зеленое свечение мелькают красные огоньки. Он вспомнил, как такие же огоньки бегали у него перед глазами там, на склоне, когда он совершал Восхождение. Какие однообразные видения... Но почему видения? Ведь так же светятся и глаза Паука! Правда, их здесь целое созвездие: один, два, три, четыре... Нет! Они движутся, не сосчитать.

Айс стал изучать рисунок паутины. Да, спирали стремились сойтись в одну точку, но это им не удалось, и от некоторого критического сближения они, продолжаясь, вновь разлетались куда-то. Он видел это сквозь прозрачную сетку рисунка. Сам же он был распят на паутине, перегораживающей воронку. «Какая элементарная ловушка! — с горечью подумал он. — И я попался в нее, как какая-нибудь безмозглая тварь! Теперь меня, видимо, съедят. Или, если мы действительно погубили единственного ее хозяина, придется умирать от голода и жажды...»

Кто теперь поднимется на вершину? Айт? Айян?.. Кому-то придется это сделать — Стая не может жить без Верховного Айяра...

А рисунок спирали завораживал, затягивал сознание Айса в свои иллюзорные глубины, и он, спасаясь от отчаяния, не видел оснований сопротивляться влечению... Что ж, у него еще есть возможность сказать Последнее Слово в так и не состоявшемся РАЗГОВОРЕ...

...И Айс вспомнил свой последний вечер в родном гнездовье. Вот он входит в свое гнездо, наполненное розово-голубой мелодией.

— Айс! Наконец-то! — нежно обнимает его Айя.

— Айс! Айс! — щебечут дети, Айян и Айяна, протискиваясь под его крылья и цепляясь руками за его ноги...

«О, Мать Мира!» — Тело Айса сотрясла ледящая судорога перед бесконечной разлукой. Паутина еще плотнее жала Айса. «Надо прощаться...» — понял он.

...Он положил их на один большой осколок. Айю в центре, Айяна и Айяну под ее крыльями с двух сторон, где они любили прятаться... И лег рядом...

Саркофаг полыхал на солнце темно-багровым погребальным пламенем...

* * *

— Ты мне еще ответишь за Верховного! — полыхнув взглядом, пообещал айяр Айт.

Разведчики, оглашая пространство тревожными криками, метались над скалами, прочесывали дно ущелья, внимательно изучали берега и течение бурного потока.

«Ответишь... — тяжело вздохнул Айян. — Как тут ответить? Только сложить крылья и...» Сейчас это казалось ему вполне достойным выходом. Он потерял сына, не уберег Верховного Айяра... «Придется тебе совершить Восхождение и заменить меня...» — вспомнились прощальные слова Айса. Завещание, о котором никто не узнает... Нет, у Айяна ни сил, ни желания жить дальше. Какое уж тут Восхождение? Как он посмотрит в глаза Айялы, когда она узнает о гибели их сына?..

После исчезновения Верховного Айяра затеплившаяся было надежда окончательно оставила вестового. Что-то неумолимое и страшное надвигалось на Стаю, засасывало ее в свое ненасытное нутро, как воронка водоворота... Воронка... И вдруг Айян вспомнил странное поведение Верховного перед паутиной, когда тот, словно подчиняясь ее зову, расправил крылья, чтобы взлететь... Но то было в пещере, где ловушка, действительно, затягивала. А здесь... Может быть, в уединении Айс понял, что он, Айян, был прав — именно Паук сожрал детей Стаи!

— Паук, говоришь? — мрачно переспросил айяр Айт. — Что ж, проверить обязаны. Показывай.

Айян и Айт с горящими факелами в руках быстро углублялись во мрак рудника. Еще два десятка твердокрылов спешили следом.

— Сюда! — свернул Айян к пещере Паука. Шаги его невольно замедлились. Он боялся увидеть страшное подтверждение своей догадки — растерзанное тело Верховного...

— Давай-давай, — подтолкнул его айяр Айт.

— Факел! Там факел! — воскликнул Айян, заметив впереди мерцание. — Верховный Айяр там! — Он бросился бежать, расставив в стороны крылья. — Верховный Айяр! Айяр Айс!..

Никто не откликнулся. Одинокий факел, потрескивая, догорал в расщелине стены.

— Он был здесь, — доложил вестовой.

— Вижу, — кивнул подошедший Айт. — Может быть, ты его здесь и оставил, а? — грозно спросил он. — В лапах Паука!.. А сам сбегал.

— Айяр Айт! — предупреждающе взмахнул крылом вестовой. Подобного оскорбления он вынести не мог.

— Крыльшками-то не размахивай, — мрачно усмехнулся Айт, — а то подпалишь ненароком... — И резко двинул факелом в сторону Айяна. Пахнуло паленым пером, но вестовой все же успел отскочить. — Осторожней, вестовой, ты принес очень дурные вести... Осмотреть все до последней щелочки! — приказал айяр подоспевшим разведчикам, которые тут же рассыпались по пещере, опасливо озираясь на паутину. — А ты стой рядом!

Айян, оглушенный случившимся, и не думал двигаться.

Неотрывно смотрел вглубь паутины, уже не защищаясь от ее завораживающего действия, даже желая оказаться там, в этом зеленом омуте... Он все пытался высмотреть Верховного Айяра, но зеленое свечение, вроде неяркое, тем не менее слепило до головокружения. Айян упал на колени.

— Что, лапки не держат? — презрительно выцедил айяр Айт. — Однако, слаб ты, вестовой. Придется заняться твоим воспитанием.

Тем временем один за другим подбегали разведчики, докладывая о безрезультатности поисков. Да Айт и сам при свете двух десятков факелов видел, что ничего похожего на останки Верховного Айяра в пещере нет.

— Что ж, — подвел он черту, — Верховного Айяра мы помянем всей Стаей с подобающими ему почестями. Но я клянусь, что он был последним, кто погиб здесь!.. Ну! — грозно повернулся он в сторону разведчиков.

— Клянемся! — четко отозвались они, и эхо прокатило рокот их клятвы под сводами пещеры.

— Вестовой Айян! — острым, как коготь, голосом приказал айяр все еще стоявшему на коленях твердокрылу. — Поджечь паутину!

Айян повернулся на голос.

— Я приказал поджечь паутину! И клянусь Стаей, плохо придется тому, кто...

— Верховный Айяр Айс сказал мне: «Это удивительная красота, Айян! И упаси нас, Мать Мира, от попыток уничтожить ее...»

— И где теперь Верховный Айяр Айс, а, вестовой? За Верховного Айяра Айса, за твоего сына Айка и за других наших детей!.. Выполняй приказ, вестовой! И дети наши перестанут гибнуть!..

И Айян ткнул факелом в паутину...

Айс ощутил запах дыма и вроде бы отдаленный говор сородичей. Почудилось?..

— Йя-я-я-ях, — прохрипел Айс, но сам себя услышал с трудом. Нет, им сюда не добратсья.

И тут Айс услышал отчетливый крик, но не из-за спины, как ожидал, а откуда-то спереди. «Они идут с двух сторон?.. Или здесь те, кого мы ищем? Живые!..»

Дымом потянуло сильнее. Защищало в глазах. Вдруг Айс увидел красные огоньки прямо перед собой. Два огонька. Они смотрели на него внимательно и тревожно. Да, это глаза Паука. А вот и он сам приблизился, выплыл из-за сужения воронки, заслонив ее своей громадной тушей. Лапы его подрагивали на паутине, а жвала медленно и как бы задумчиво шевелились. Значит, собеседник все же присутствовал при РАЗГОВОРЕ! Но слышал ли он речи Айса?..

Айс инстинктивно дернулся, Он был готов к такому концу, но реальные жвала, плотоядно джущиеся перед его лицом, лишали его разума и наполняли неуправляемым ужасом и брезгливостью. Айс попытался достать Паука клювом, чтобы отогнать, но тот дружинисто увернулся на длинных лапах и не менее ловко обмотал его клюв паутиной. И приблизился уже без церемоний.

Айс задышался от ожидания, но Паук явно не спешил погрузить свои жвала в его тело. Он был занят чем-то вне жертвы. И вдруг Айс ощутил, что крылья и руки его свободны!..

От дыма уже невозможно было дышать. Айс закашлялся. А когда приступ чуть отпустил, он обнаружил себя в объятиях Паука. Паук очень спешил, прижимая двумя лапами Айса к своей мохнатой груди. Шестью остальными лапами он стремительно перебирал сочленения паутины и как будто летел над нею. Айс почти ничего не видел из-за слез, кашля и дыма, клубами валившего сквозь пещеру, как сквозь дымоход с хорошей тягой. Собственно, пещера с двумя выходами и есть дымоход...

«Они подожгли паутину! — остатками ускользящего сознания догадался Айс. — Безумцы! Они не восприняли ничего из моих Айятов!» И, видимо, уже в бреду он увидел лавину зла, холодную и грязную, погребаящую под собой его родную Стаю...

Айс ощутил, что падает, и открыл глаза. Дно ущелья стремительно приближалось к нему. Он рывком расправил крылья, еще слегка спутанные паутиной, и с натужным свистом вышел из пике.

Резко взмыв вверх, Айс увидел, что из небольшой дыры на склоне валит густой черно-белый дым. Вместе с дымом из дыры выстреливали какие-то комья, которые, к удивлению Айса, не падали в пропасть, а разворачивали громадные прозрачные крылья и в молчаливом ожидании парили чуть ниже отверстия, что-то делая там. Айс подлетел поближе и увидел, что это летающие пауки и что они торопливо плетут паутину. «Для тех, кто будет падать, не успеет надеть крылья!» — догадался Айс. Но в этот момент с утробным гулом из дыры вырвался длинный красно-желтый язык пламени и, свирепо лизнув пространство в поисках жертвы и никого не найдя, через несколько мгновений исчез. Гул стих.

Сильный ветер скоро разогнал дым, и Айс увидел черное закопченное жерло, вокруг которого, отчаянно борясь с бурлящим потоком воздуха, кружили на прозрачных крыльях громадные черные пауки. Спешно сплетенная ими паутина была пуста. Но они ждали. Или просто не знали, куда теперь податься?..

А в это время, проникая все глубже в быстро остывающую пещеру Паука, твердокрылы наткнулись на двадцать обугленных комочков, десять из которых были когда-то твердокрылами, а десять — пауками. Они лежали на некотором расстоянии друг от друга по дворе, держась руками-лапами один за другого. И все неподалеку от выхода. В нескольких шагах. И тогда вопль отчаяния вознесся к сводам пещеры и вырвался наружу.

— О, мой Айт! — возопил Аяян, уронив факел. — Ты был жив, когда я поджег паутину!

— О, мой Айт! — кричал его сосед.

— О, Ай-ай-ай-ай! — разносилось по пещере.

Но молчало Черное Зеркало. И замолчали твердокрылы, разглядев его страшный лик.

А сквозняк, резвясь, гонял по пещере хлопья копоти, забивая глаза и клювы. Было трудно дышать. И когда твердокрылы во главе с айяром Айтмом протиснулись к выходу, чтобы сделать несколько глотков чистого воздуха, то увидели на фоне серого дождливого неба черный клин, который медленно и печально парил над ущельем, покидая его. На острие его летел Верховный Айяр Айс, а следом — по пять с каждой стороны — какие-то странные черные существа на прозрачных треугольных крыльях.

И столько тоски и торжественности было в этой процессии, что никто не осмелился двинуться с места и поинтересоваться, куда улетаёт Верховный Айяр со странными чужими существами...

Этого не знал и сам Айс, бесконечно повторяя про себя: «Была Надежда. И Надежда была Светом во Мраке...»

Карим Егеубаев

РОМАН-ФАНТАЗИЯ
В. ВАСИЛЬЕВА
И
ЕВАНГЕЛИЕ ВАСИЛИДА

1.

Противоречие заключается в том, что речь пойдет о романе В. Васильева «И тьма не объяла его...», который не полностью опубликован. Первые три новеллы — в № 8, 1993 г., четвертая — в данном номере. Всего же их, как мне известно, семь. Вернее, пока семь. Ибо замысел и воплощение свидетельствуют о предприятии, возможно, безграничном — о деле спасения мира. Конец романа и спасение, т. е. Совершение, словами богослова, — одно и то же событие. И потому сам собою возникает вопрос: имеет ли такой роман шанс когда-нибудь совершиться? Не напоминает ли ситуация ту, что связана с романами Кафки?

В диалоге на темы антиутопии Стругацких Владимир Васильев формулирует максиму писателя-фантаста: «Из мира реальностей всегда есть выход в мир возможностей». Далее: «Мир возможностей или, иными словами, фантастическая реальность — раздвигает границы реального мира, организует осознанную взаимосвязь материальной и идеальной сферы мира. Осознание же вносит элемент активности...» И наконец: «Было сказано: мир един. Значит, если понять фантастическую реальность и найти для нее выход из заколдованного inferнального круга, это изменит весь мир в целом!»

Изложено языком диамата, отсылающим нас к вдохновениям Гегеля и Маркса, но я слышу мысль Апостола: «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся» (1 Кор. 15, 51). И само название романа воспроизводит заключительные слова

знаменитой христианской космогонии («В начале было Слово... и тьма не объяла его», Иоан. 1, 1—5). Спрашивается, что «полегче» можем инкриминировать человеку, отважившемуся по сути на «Евангелие В. Васильева»? (Обращаю внимание на авторское многоточие: «И тьма не объяла его...»). Идея безумная, мы оказываемся в русле самой устойчивой традиции в русской культуре: Иванов, Лесков, Достоевский, Федоров, Соловьев, Гаршин, Скрябин, Циолковский, Платонов, Вернадский...

Но в памяти, набитой разным хламом, возникло название другого, очень древнего, произведения: «Евангелие Василида». Оно не сохранилось, но, говорят, мало отличалось от Евангелия Матфея. И сам Василид утверждал, что основные мысли свои воспринял от ап. Матфея. Перечитывая роман В. Васильева, я вдруг начал понимать, что именно нес миру великий александриец, и наоборот, находя крохи сведений о Василиде, я проникался красно-черной «цветограммой» новелл В. Васильева. И чем дальше, тем менее случайным представляется мне созвучие имен и творений этих авторов, единых в диалектическом мышлении и в стремлении изменить мир: уменьшить в нем зло, страдание.

Правда, прежде чем изменять мир, следует убедиться в том, что он в этом нуждается. Существует и противоположный взгляд на вещи, согласно которому зло и страдание суть черные краски на великолепном полотне Рембрандта. И с этой точки зрения Лейбниц, пожалуй, посоветовал бы В. Васильеву не вырывать фразу из контекста, а задуматься над пятым стихом Иоанна в его полноте: «И свет светит во тьме, и тьма не объяла его». Но опровержение звучит следующим образом: одно дело — созерцать Рембрандта в музее, т. е. со стороны, и другое дело — самому быть черной краской, т. е. собственной частью заполнять мрачные участки, якобы необходимые в великолепном разнообразии природы. Проблема метафизическая. Я лишь указываю, что в основе любой программы спасения лежит концепция мира ущербного, каковую, в данном случае, и обнаружил в «Александрии, во втором веке нашей религии, когда Василид заявлял, что космос — это дерзновенная или злокозненная импровизация ущербных ангелов» (Борхес).

Никто не знает, когда Василид родился и когда умер. Выходец из Сирии, он общался с ранними иудео-христианами (Эбионитами), осилил несколько еврейских слов и «беседовал с ап. Матфеем». (Не потому ли Ренан именует автора первоэвангелия псевдо-Матфеем, впрочем, как и автора четвертого, избранного В. Васильевым, — псевдо-Иоанном?) Все 24 книги Василида уничтожены, лишь кое-какие цитаты сохранились в трудах его ниспровергателей — «отцов церкви». Имя его ставят первым в ряду христианских ересиархов, но привлекательнее и, пожалуй, достовернее мистическая версия: первым все же был Симон Маг (Волх), герой Деяний и вечный оппонент ап. Петра. Учеником Симона Мага был Менандр, учеником же Менандра — Василид Александрийский, гностик и герменевтик, II век н. э.

Это был старый мир, прошедший сквозь все искушения философии и изживший все исходы диалектики в обоих ее крылах: левом и правом. Левое, как известно, идет от Гегеля к демифологизации сознания, к насущным проблемам и производственным отношениям, к миру и царству свободы на земле. Правое же — к мифу, имени, к «конкретности Бога в мире» и к «Царствию Небесному». Оба крыла в конечном счете рождают концепцию Ноосферы: не то мечта, не то реальность, словом, кентавра из духа и материи. Духовную трактовку развил отец Тейяр де Шарден. Вещественные толкования Ноосферы (психологическая, социологическая, биологическая и пр.) родились из писаний Бергсона, Маркса, Вернадского. Подобный же исход имели греческие школы в учении об Эоне, сущем и грядущем, рождении которого Александрия отмечала как праздник Рождества и, кажется, 25 декабря.

Что же такое Эон? Дословно — век, вечность. Когда мы говорим о «духе времени», «духе поколения», то непосредственно говорим об Эоне, претерпевшем эволюцию от Бога Вечного до метафоры на потребу и до меры в сто лет. Такое могло случиться только потому, что отождествив Эона со Славой и Светом, гностики, в частности Василид, опрометчиво пропустили физический смысл. Разумеется, есть «Свет истинный, просвещающий всякого человека, приходящего в мир» (Иоан. 1,9), но яд медленно и неуклонно подтачивал учение о Славе Божьей, и оно потихоньку скатилось к теории относительности.

По Василиду, Эон — цикл творения жизни, пространственно-временная длительность, имеющая начало и конец. Например, история нашего неба вместе со светилами и человеческой цивилизацией от зарождения вещества до Совершения составит один эон. Но это и Бог по имени Яхве, или Иегова, по несколько неверной транскрипции. Он и шесть подчиненных ангелов-демиургов сотворили наше небо («И назвал Бог твердь небом» — Быт. 1, 8). Им мы обязаны злом и страданием на земле, впрочем, как и стремлением к свету, совершенству. Поэтому все на свете есть тотальное развитие, и сумма вожделений тварей действует в направлении добра. Улучшение осуществляет «пограничный дух» — наш суммированный «пограничный опыт» — Иегова, который, «пребывая, так сказать, одной ногой в идеальном мире, а другою в мире вещественном, направляет мысль в вещество и непрерывно его возвышает» (по Ренану).

Благовествование — это не Слово Божье (Логос), по Василиду, а Универсальный Ум (Ноос или Нус), пришедший в мир через Иисуса, сына Марии. Небесный Христос вошел в земного Иисуса, и «мы видели славу Его, славу как единородного от Отца» (Иоан. 1,14), и Иоанн Предтеча сказал: «вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Иоан. 1, 29). Все это свидетельствует о Свете, о совершенном Эоне Ноосе Моногене (Единородном), посланном исправлять очередную ошибку Иеговы. Последний избрал евреев Своим народом и попытался выйти к совершенству через вмешательство в их судьбы. Крестный путь

Христа спас человечество как от самоистребления, так и от антисемитизма, ибо Иегова, по Василиду, навеки иудейский Бог, в них Его Сердце. Христос не отменил, но именно закрепил это положение, что, однако, не отменяет вселенского характера Иеговы для всех нас, обитателей земли.

Сходную картину, правда в материалистическом обрамлении, мы встречаем в романе В. Васильева. Некто Учитель приходит в мир, созданный Ученицей, чтобы своим примером и даже смертью вывести его к совершенству. «Зачем он такой? — недоумевает Он. — Могу предположить, почему: буйные всходы дало зерно жестокости, которое она принесла из своего прамира. Но зачем?! Ведь она создавала этот мир заново, имея за душой не только свой дикий прамир, но и теорию Совершенных Миров, и опыт Большого Мира, и, наконец, опыт своих первых неудач...» И вот Его диагноз: «Кажется, я начинаю понимать: ее гнетет inferнальность родного прамира, она все время воссоздает его, тщетно пытаюсь найти выход именно для него. Разнообразит внешний облик — его флору и фауну, но лишь слегка изменяет сущность... Трагедия тупикового мира...»

Думаю, если бы автор намеревался написать только новый роман, он не стал бы поверять Ученице, этому «ущербному ангелу», свою собственную задачу: посредством творения нового «мира» решить проблему «родного прамира». Допустив, что Ученица (как и Иегова Василида) является зеркалом самого автора, мы будем, конечно, правы, но ровно настолько же неправы, насколько не праведен наш мир. Потому что перед нами не роман, а правильное сказать — мистерия. Что такое мистерия? Это действия (жертвоприношение), посредством которых Бог входит в мир (спасение), или, словами современного гностика, «Истина вступает в нескрытость бытия» (Хайдеггер). Но это именно действия, серьезные и осмысленные, а не фантазирование и не «эстетическое» времяпровождение. В этом смысле В. Васильев — еще один участник романа, еще один Ученик, «прамиром» которого являемся мы — читатели.

Итак, надежда надежд — Учитель, Который отверг омолаживающую реинкарнацию в «океане Коллективного Разума», т. е. ноосфере Большого Мира, и избрал крестный путь в мире Ученицы. Потому что и Большой Мир не блещет совершенством, готовится уничтожить мир Ученицы, убедившись в его тупиковости. Да и сама Ученица готова бросить свое творение во имя новой попытки. «Может ли Мир быть более нравственным, чем она... или я? — говорит Учитель. — Мир — это равнодействующая наших желаний, осознанных и неосознанных. Он — это Мы, все вместе: не только с Красотой, но и с болезнями тех миров, из которых пришли в Большой Мир». Т. е. необходимо нечто большее, чем Иегова и Его небо, чтобы стало возможным улучшение. Это большее проходит в романе как «теория Совершенных Миров». Ученица характеризует ее как «абстрактное совершенство абстрактного мира». Она не понимает, что своим определением отмечает не столько теорию, сколько реальность

совершенства, и потому все ее эксперименты, в том числе и последний, суть «конкретность несовершенства», «дурная бесконечность» (Гегель), «вечное повторение тождественного» (Ницше). И весь вопрос, следовательно, в том, согласен ли с Нею и Учитель, наша надежда, но об этом ниже.

Напротив, по Василиду, наиреальнейшее в мире — Бог Отец и шесть Его совершенств, составляющие Святую Семерицу, по числу букв в Имени Абрахас (от греч. «abrakos» — божество; аналогично складывалась и догматическая Троица). Он Бог верховный, несказуемый, самодовлеющий, чистое Добро, доступное мышлению только как Молчание (Битос). От Него исходят два единородных Зона: первый — Ум (Нюос), Он же и Христос, и второй — Слово (Логос), Которого Евангелие Иоанна отождествило с Христом. Но это неверно, утверждает Василид, ибо Логос — «меньший», и Универсальный Ум (Нюос) никогда не смиритсЯ с противоестественным возвышением рождающего, т. е. женского, начала. Тяжба между Моногенами диалектически приводит к рождению третьего Зона — Разума (Фронезис). Он, так сказать, синтез Ума и Слова, но одновременно (вспомним диамат) отрицание отрицания, и начатое движение не может остановиться: Разум постепенно делится на два противостоящих Зона — Мудрость (Софию) и Силу (Динамис), которые, в свою очередь, приходят к согласию в рождении Имени (Онома), т. е. Имени Абракасас. Так складывается Божественная Полнота (Плерома) Семерицы, Которая есть вечный Свет мироздания.

Правда, шестой Зон — Имя (Онома) — есть, подобно Иегове, «пограничный Зон», как бы «окно» из Плеромы в остальной мир. Открывая Богу Отцу все сущности творения в именах, Он сам являється всякому существу как Образ Божий, рожденный в «день шестой» (Быт. 1, 27), т. е. как Человек (антропос или Адам Кадмон). И в этом пункте Василид поразительно близок к мистикам вроде М. Экхарта и особенно к Гегелю: «Око, которым Бог видит меня, есть око, которым я вижу Его, мое око и Его око — одно». То, что человек есть «последняя буква» Имени Бога Отца и «первая буква» своего подлинного имени, приводит и Василида к гегелевскому выводу: «Индивидуум должен проникнуться истиной о первичном единстве божественной и человеческой природы, и эту истину он постигает в вере во Христа. Бог уже не является для него потусторонностью». Бог в нас уже постольку, говорит Василид, поскольку мы имеем Имя — не то, которое носим и истаскиваем в повседневности, но подлинное — Имя (Онома). Оно, скрытое и тайное, есть у каждого, и каждый носит Его в себе, не разглашая, ибо разглашение смерти подобно. Как сказано: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами и, обратившись, не растерзали вас» (Матф. 7, 6). Мысль александрийская.

От вышней Семерицы, или Плеромы, диалектически соединяясь и вновь расходясь, возникают нижние Зоны, сотворяющие

свои небеса, — образуется длинная цепь в 365 эонов и небес (по сумме числовых значений букв в Имени Абракасас). Далее цитирую по Ренану: «Ангелы последнего неба, повелитель коих Иегова, создали землю, которая есть слабейший из миров, наиболее запятанный веществом. Он создан по образцу, составленному Софией (Мудростью), но гнет необходимостей сделал его соединением добра и зла... Закон, Его творение, есть смесь материалистических и духовных воззрений». М. П. Холл прибавляет: «Эта концепция, правда под другим названием, повлияла на средневековых Розенкрейцеров, которые рассматривали Иегову как Повелителя материальной Вселенной, а не как Верховное Божество» (творчество Ф. Бэкона, Шекспира). Завершим обзор опять же Борхесом: «Почему мир, созданный Им, полон ошибок, ужаса, грехов, физической боли, полон чувства вины, полон преступлений? Божественность идет на убыль, и Иегова создает мир, склонный к ошибкам».

Это ответ и на вопрос, почему мир ангела-демиурга Ученицы стал на тупиковый путь развития и почему потребовалось вмешательство Учителя. И какое!...

2.

С первой же страницы романа мы погружаемся в «заколдованный inferнальный круг», который обрушивается на читателя адской какофонией шипящих и скрежещущих звукосочетаний, потоком ощущений, очень неприятных и физиологичных, сквозь которые проявляется мрачная пещера в освещении факелов: вереница горбатых, бескрылых и пернатых существ, толкающих вагонетки, долбящих мощными клювами горную породу или добывающих в пещере Паука крепкую нить, — рабы. Они уже не помнят, что прежде парили величавыми белыми мягкокрылами на высотах, не доступных более никому, что их занятием были своеобразная нирвана и телепатическое общение друг с другом. Но, будучи все же телесной природы, они спускались к подножиям гор за пищей. Здесь некоторых поджидала засада твердокрылов — более мелких черных птиц с острыми концами крыльев, стремительно атакующих из-за скалы и с лету срезающих крылья зазевавшемуся высокому гостю. Мягкокрыл беспомощно падает на гигантскую ловушку между скалами, сотканную из нитей паутины, и вот он уже раб среди рабов: добывает горный хрусталь или судорожно обматывается нитью, пока ужасный Паук не спеша и на выбор поедает одного из них.

На этом «базисе» стоит цивилизация твердокрылов с развитыми понятиями о красоте (хрустальная архитектура гнездовых и медитации в цвете), о порядке (свод Аятов и дисциплина военной демократии), о культе гнезда и семьи, о почитании умерших и погибших. Подобно древним грекам, твердокрылы озабочены «этикой досуга», а не «этикой труда», и столь же скептически в отношении письменности: «Интеллектуальные занятия АЙСА заключались в самосозерцании и попытках изложить

увиденное в цветограммах. Изредка он пользовался и знаковой записью. Это, конечно, оперативно, но так мало способно выразить полноту Истины: знак есть знак».

И весь этот мир (неразумная фауна и флора значения не имеет) пребывал в гомеостазе, т. е. в равновесии, пока не вмешался Учитель, поставив вопрос о свободе и справедливости и тем самым нарушив установленные Ученицей социально-экологические связи.

Сперва Он становится мягкокрылом под именем Неуловимого, который прививает сородичам искусство высшего пилотажа. Затем добровольно подставляет себя под атаку истребителя Айса и, обескрыленный, оказывается среди рабов. Здесь Его, почти потерявшего память, находит Ученица и с настойчивостью истинно любящей, раз за разом проходя через ампутацию крыльев, возвращает Ему самосознание. А ведь это опасно. Ее гибель автоматически означала бы и гибель мира, подобно тому, как без света зона немедленно погаснет и сотворенное им небо. Между Учителем и Ученицей происходит поучительный диалог о судьбе и совершении этого и многих других миров, которого мы выше уже касались. Он произносит о Ней слова, которые можно вынести в эпиграф учения Василида об Иегове и демиургах: «Она уже ненавидит этот созданный ею мир за те страдания, что он принес мне, за то страдание, которое причинил ей через меня...» Он не позволяет Ей обречь мир на исчезновение («что мы знаем о чувствах тех, кто действительно исчезает?»), ибо без понятия ответственности никакое совершенство немислимо, и, именно хорошо зная о несуществовании — об «альтернативной смерти» и «океане Коллективного Разума», Он берет мир Ученицы на Себя: «Я остаюсь один на один с этим миром, в котором могу только то, что может Учитель. Мир теперь будет существовать, потеряв связь с ноосферой Большого Мира. Отныне он может рассчитывать только сам на себя, да еще на меня, хотя это не бог вещь какая опора...»

Он освобождает мир от власти законов и необходимостей, сформулированных Ученицей, как и от иерархической подчиненности Большому Миру. Это новое состояние мира характеризуется поразившим меня термином «коллапс ноосферы».

Василид это событие описывает несколько иначе: «Когда несотворенный и непоименованный Отец увидел падение человечества, Он послал Своего первенца Нооса в мир в форме Христа для искупления всех тех, кто верил в Него, для освобождения сил, которые сотворили мир (Демиург и шесть его сыновей, планетарных творцов). Он появился среди людей как Иисус и творил чудеса» (по Иринею). Т. е. обнаруживается разница между духовной и материалистической трактовкой. Разница в построении: строки Василида дышат радостью, слова же Учителя — отчаянием диссидента. Но суть события от того не меняется, возвещена Благая Весть: «Я свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме. И если кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его: ибо Я пришел

не судить мир, но спасти мир» (Иоан. 12, 46—47). И диалог между Учителем и Ученицей я рассматриваю как род теургии, транскрипцию величайшего космического, как требовал понимать Тейяр де Шарден, события — встречи Моногена с Иеговой.

Учитель отсылает Ученицу из пещеры — подальше от опасностей — и глубокой ночью входит в обиталище Паука, осеняет его светом познания. Паук научается мастерить крылья. На вторую ночь Учитель, с трудом убедив его, ставит перед гигантом обескрыленного сородича, и тот видит чудо: Паук плетет ему крылья. «...Так продолжалось сто ночей, — рассказывает Паук в третьей новелле. — И в сотую ночь я проводил их. Это было грустно и красиво. Сто светящихся траекторий, одна за другой улетающих во тьму». Так самодовольная культура твердокрылов лишилась привычного «базиса».

Но еще до того твердокрылы подверглись разрушительному налету мягkokрылов, бомбардировавших гнездовые огромными камнями. И этот акт мести — тоже следствие появления в мире Учителя. Похоже, истина «не мир пришел Я принести, но меч» (Матф. 10, 34) сбывается главным образом на твердокрылах. Их участь открывает очевидное противоречие в Евангелии: «Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан вон» (Иоан. 12, 31), которое Василид пытался разрешить диалектически. Но под первым же камнем гибнет семья Айса, и он со своим вопросом о справедливости совершает великое восхождение на гору, давшее ему встречу с Учителем, новое знание, сделавшее его впоследствии вождем племени и автором новых Айятов. От «этики досуга» твердокрылы переходят к «этике труда», к «эпохе гуманизма». Здесь, конечно, вопрос. Ницше, например, сомневался, что это было шагом вперед.

Да и Паук, сотворяя крыло очередному рабу, вдруг встает перед проблемой: «Как же я теперь буду их есть?! Нет, я теперь не буду их есть». Кончилась сытая упорядоченная жизнь — в обмен на нить ему поставляют жертву. Новое знание запрещает губить разумную душу. Еще больше его тревожит «удивительная связь между разумностью и крылатостью». Но самая большая проблема такова: «Я опять остался один. Не думал, что так привяжусь к этим странным существам, столь не похожим на меня. Они наполнили мою жизнь каким-то смыслом. Теперь опять лишь суетиться в поисках пропитания? Бессмыслица...» Я бы сказал, не менее удивительна связь между разумностью и одиночеством, но именно отчаяние одиночества подвигает Паука на вдохновенный порыв. Он создает крылья для самого себя, взлетает над пропастью, преодолевая свою участь, и падает, внезапно атакованный парой твердокрылов.

Нет, это не конец истории. Искалеченный, он все же добивается до своей пещеры и умирает на родной паутине. Но вместе с гибелью сбывается его главная мечта: из мертвого тела вдруг вылупляются маленькие паучата. Их много, им весело (говорят, природа насекомых допускает подобное девственное размножение). И как сказано: «Истинно, истинно говорю вам:

если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоан. 12, 24). Перед нами, наконец, первое позитивное изменение в мире со времени пришествия Учителя.

3.

И все же. Если бы спросили у Василида Александрийского, что он думает по поводу «оптимистической трагедии» Паука, он не без смущения указал бы на историю грехопадения Адама: тот тоже прозрел, что наг и одинок, и, убоившись, оделся в смоковые листья (Быт. гл. 3). Т. е. шестой Эон Имени впервые облекся в пространственно-временные одежды — в небо, сферу, мир, плоть, тело, майку, рубашку, костюм, галстук — т. е. уже в одежды одежд. Так возникла душа — свет в оковах тьмы, зоносфера. Именно тогда Адам, проклятый, заслужил свою смерть и «воскресение» в потомстве, тогда-то он и дал имя жене — Жизнь (Ева). Теперь мы, закованные в броню повседневности и одежды культуры, лишь смутно можем представить, что же почувствовал праотец, отведав плодов познания, или «что мы знаем о чувствах тех, кто действительно исчезает?» Но первородный опыт Ничто (что кроме Бога нет ничего, даже тьмы) живет в нас отголоском как непостижимый стыд и страх перед собственной наготой, подчас просто телесной, хотя мы и воображаем про себя, что всего лишь стесняемся друг друга. Полет Паука — свобода новичка на нудистском пляже. Проблема не снимается. Грех, вернее, смерть («Жало же смерти — грех; а сила греха — закон» — 1 Кор. 15, 56) управляет нами доныне.

Загадка шестого Эона и грехопадение Адама — слабый пункт в учении Василида. Кто же, собственно, был тот змей, сказавший: «будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3, 5)? Иегова или Христос Моноген? (Сатаны, по Василиду, не существует, это метафора зла). Если искусителем был Иегова, желавший исказить в человеке образ Божий, то за что же он мстил? За свою участь 365-го Эона — смесь «материальной и идеальной сферы», по слову В. Васильева. Но тогда зачем было городить столько эонов и небес и завершать творение именно на Иегове? Стало быть, так или иначе согрешил Сам шестой Эон, детище Софии и Динамиса, обратившись из Имени в Адама Кадмона и тем самым вынеся творение за пределы Плеромы. Но рассуждать подобным образом значит кощунствовать — допустить грех в Святой Семерице! (Позже противопоставление злого Иеговы доброму Богу Отцу закрепилось в учениях Маркиона, Мани, разнообразных масонских сект, но, как пишет Ренан, «в суевериях, вызванных сектой Василида, он сам, быть может, не был виновен. Некоторые из его правил прекрасны», правда «слог, судя по дошедшим до нас отрывкам, был темный и притязательный»).

Остается допустить, что змеем был первенец Отца — Ум

(Ноос). Иначе мы неизбежно отождествим с грехом все познание и всю нашу материальную культуру (в том числе книги, храмы, картины и даже издания синодальной Библии). Гегель через семнадцать веков вынужден был заявить: «Змей говорит, что Адам станет равным Богу, и Бог подтверждает, что это действительно так, что это познание ведет к богоподобию». Возможно, ранний Василид утверждал нечто сходное и даже ссылался на Христа: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными», «вы боги», «вы не от мира» (Иоан. 8, 32; 10, 34; 15, 19). Но окончательная его формула такова: происхождение всего, в том числе и зла, — глубочайшая тайна Бога и Творения. Задаваться такими вопросами можно до некоторой черты, за которой начинается кощунство: зачем было творить? зачем было рождаться? Лучше удовлетвориться тем, что дано, а неясное отнести к случайности: подобно стоикам, видевшим и в происхождении жизни, и в происхождении человека — случайность, ростки неведомым ветром занесенных семян.

И все же. Начало мышления — сомнение, говорил Декарт. Не знаю насчет мышления, но начало этой статьи — точно сомнение. Может ли роман-фантазия В. Васильева в обозримом будущем совершиться? Вернее: подлинно ли Учитель не дубль авторского сознания, а посланник иных высот, не зависимый ни от воли автора, ни даже от воли его героя? Прямо скажем: речи Учителя обескураживают:

«Ощущение старости... Не дряхлости тела: моим биологическим часам еще тикать и тикать — почти беспредельно. А вот с духовным хронометром явные нелады — не хочется смотреть назад и ничего не видишь впереди...» Далее: «Не желаю, согласившись на альтернативную смерть, растворять свой дух в океане Коллективного Разума с тем, чтобы выйти из него юным и прекрасным. Этот «океан» стал мне чужд. Я хочу умереть. Но без обмана. Я есть только Я! И настаиваю на этом!.. Но и у смерти должен быть смысл... А смысл может заключаться только в духовном опыте того, кто идет следом. В духовном опыте Ученика...»

Если Учитель то, что Он говорит, то перед нами не вышний Эон, а скорее лермонтовский Демон. Или Гамлет в собственной ипостаси: «сокрытый Господь, не могущий стать собой» (Малларме). Но ведь это мы с вами, это метафора нашей жизни, не могущей открыться, страшнейшей обнажить собственное Имя. И если «духовный опыт» заключается в осмысленной смерти, а «благая весть» — в технических знаниях и гуманизме, — мы пропали. Ибо «всякий, пьющий сию воду, возраждет опять» (Иоан. 4, 14) — роман попросту обратится в вариации на тему Кафки. Это в своем роде тоже неплохо, но в данном случае, шутка выйдет не к месту. «Кафка — невозможность трагедии» (Мамардашвили).

Что бы сказал нам Василид? Учитель, сказал бы он, высказав явным образом то, что Он нам сказал, тем самым скрывает подлинную свою миссию. И Господь наш некогда скрывался и

говорил притчами «для того, что вам (ученикам) дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумют» (Матф. 13; 11,13). Учитель лишь в словах низший ангел, в деяниях же и, главное, в возможностях (остановленное мгновение, вхождение в чужие сознания) — куда более совершенный дух. К тому же, как биологическое существо Учитель сам по себе есть лишь оболочка, которою воспользовался Ноос Моноген, и поэтому нет разницы между какой-нибудь антропоморфной сферой, «чьим биологическим часам еще тикать и тикать», или телом мягкокрыла Неуловимого. И Учитель, и Неуловимый суть воплощения одного и того же Бога в ипостаси Нооса, и все, что Он ни делает, — благо.

Вопрос не в том, что пишет В. Васильев или делает Учитель, а в том, как мы читаем и что видим. Неужели вы думаете, спросил бы александриец, что вера и Христос — вещи из рода выдаваемых литературой или искусством. Неужели вы Евангелие читаете, как Толстого или Шекспира, Гегеля или Маркса? Бог — не «манна небесная», которая кладется в рот эстетикой или философией, или религиозной пропагандой. Если Бог есть (а Он есть!), то Он, благой и праведный, пребывает и в авторе, и в Учителе, не зависимый ни от чьей воли, кроме Своей. Стало быть, наша задача состоит не в опровержении автора, а в принятии через него Адама Кадмона, Образа Божьего и Имени, даже если перед нами суеверный материалист.

На чем **собственно** стоит Библия? На том, что Книгу продиктовал Бог. Есть Некто, ответивший Моисею на вопрос об Имени Бога из горящего куста: «Я есмь Сущий» (Исход 3, 14). Так перевели на неверный человеческий язык ответ Бога: «YHWH» — Яхве. Это так называемый Тетраграмматон (Четыре Буквы). Имя «Иегова» появилось в позднее Средневековье, когда эти согласные «разбавили» гласными буквами из имени Адонаи (Господь). Получился Иегова, от которого происходит Эго, т. е. Я. Нашим ежедневным «я» мы обозначаем не только себя, но и прежде всего Бога, Которому принадлежим. Вернее, «я» — плод долгой эволюции, переносящей тайное, страшное, произносимое раз в год первосвященником, Имя Бога на нелепые агрегаты, в свою очередь названные «телом», «душой», «таемью», «рассудком», «воображением» и т. д. Вся эта совокупность, нимало не проясненная наукой, вдруг загадочным образом выступает перед нами в единстве, когда мы произносим вслух или про себя Имя, услышанное Моисеем: «Я» (Яхве). Ведь он услышал не в физическом смысле, а в его сознании отчетливо возникло одним единственным словом: «Я Тот, Кто Я есть». Вопрос о том, в какой степени Моисей открыл в этом «Я» себя, а в каком открыл весь мир Сущего, составляет предмет «прометеевой» философии Фихте, но нам достаточно и того, что автор Библии — Я. Ведь мы еще немного веруем в собственное единство, когда произносим: «Я».

И Христос сказал: «от начала Сущий» (Иоан. 8, 25). Мы Его

именуем Спасителем. Но Он не просто Спаситель. Иисус — Иешуа — Иегошуа (в полной форме) — значит «помощь Иеговы». Иегова же, как выяснили, есть Я. Стало быть, Иисус — Я-Помощь, Я-Спасение, Я-Спаситель. Весь вопрос в том, слышит ли кто-нибудь в имени Иисуса себя: «от начала Я есть Я, Кто Я есть, Спаситель!» Здесь средоточие проблемы личности. Я уже рассказывал об «эволюции» Эона от вечности к ста годам, от Бога — к «духу поколения». И вот еще одна «эволюция» Имени к пустому знаку наших телесных и душевных движений. Сказано же другое: Первое Лицо! Я!

На этом стоит Библия. И Учитель в романе следует Завету: «Я есть только Я!» Еще лучше у Него получилось в ответе Ученице, почему он не хочет покинуть этот мир: «Да, наверное, потому, что все же я — Учитель...» Именно так: Я — Учитель. Стало быть, по Василиду, Он знает свое Имя, знает, что делает и творит, и мы можем быть уверены — это будет во благо.

4.

Учение об Адаме Кадмоне, вынесшем совершенство Плеромы во внешний мир (или внесшем из Плеромы в мир), а вернее — создавшем наш внешний мир, — имело в мировой культуре влияния необозримые, неисчислимые. Каббала, магия, химия, астрономия, физика, всевозможные мистические культы и основы научного эксперимента, эпоха Возрождения, Коперник, Галилей, Леонардо да Винчи, антропология масонов и розенкрейцеров, иллюминаты и Просвещение, да и, собственно, вся европейская наука вплоть до теории относительности, гипотез о природе вакуума, коллапсаров, о действии «антропного принципа» во Вселенной, — все это стоит не столько на Прометее, сколько на христианизированном Антропосе Василида — Адаме Кадмоне. Разумеется, были книги Гермеса Трисмегиста, только входившие при Василиде в научный оборот и обозначившие триаду: «Бог, мир, человек». Был и рабби Акиба, современник Василида, высказывавший сходную идею, были до Василида Платон и Филон Александрийский, отделивший «человека небесного» от «человека земного», но именно у Василида концепция обрела ту классическую простоту и ясность, которая уже не пройдет.

И не ирония ли — именно шестой Эон, поворачивающийся к Богу именами мира, а к миру именно самим вещественным миром как Образом Совершенства Бога, — Адам Кадмон был причиной недовольства Василида самим собой и своей системой. Он отождествил творение материи с Адамом, но не мог отъединить Адама от истории грехопадения — ни символически, ни диалектически. Если согрешил Адам, Образ Божий, то, стало быть, согрешил и Абрахас...

Это была «ловушка Паука», которой Василиду не удалось избежать на манер стоиков. Тем более — на манер Гегеля, чтобы исписывать потом все по все на свете единым духом, видя

себя то Рембрандтом, пишущим автопортрет, то Господом, отображающим Себя в Природе. Василид, как никто другой, мог бы указать германскому оракулу, что диалектика, будучи Законом Иеговы, никак не «снимает» Абрахасу, Бога недвижимого и самопокоящегося. Иегова Сам есть следствие развития, «пограничный дух», и Его Закон — смесь духовного и материального — есть проклятие нашего последнего неба! В этом смысле «Новый Органон» лорда Бэкона, родоначальника диамата, ближе к истине, чем «Философия духа». Лорд Бэкон — выражение отчаяния. Он учитель Гамлета и В. Васильева.

В самом деле, мы можем задним числом вывести Иегову как движение от Адама Кадмона, а Адама Кадмона как движение от Абрахасу, но это еще не значит, что так оно и было. Святая Семерица — миф, развертывание Имени Абрахас. Или символ веры, как Троица после Тертуллиана и Оригена. Налицо же перед нами только мы сами как проблема Бога (Адам Кадмон) и мира (Адам-грешник). Учение об Абсолюте, смешавшем в одно покой и движение, не дает оснований видеть в змеискусителе Христа, а Бога Отца водить на поводке грешных наших пристрастий (по Гегелю, «основная идея христианства есть единство Божественной и человеческой природы. Бог стал человеком»). Между Иеговой и Абрахасом или между нами и Адамом Кадмоном, указал бы Василид, располагаются три с половиной сотни зон и вселенных («Небо и небо небес не вмещают Тебя» — III Царств, 8, 27).

Не мог Василид примириться и с кантианством, которое в его опыте восходит к символике Симона Волхва. У того, согласно Ипполиту, вышние Зоны располагаются по парам: в первой — упорядочивающий Ум (Ноос) и рождающая Мысль (Эпинойя). Вторую сизигию составляют: Голос (Фон) — феномен, явление, знак, материя, «Я», словом, весь наш опыт и все наши чувства; и Имя (Онома) — ноумен, смысл, истина, вещь в себе, значение, дух, Бог — все, к чему стремимся и чего не достигаем. Философия, таким образом, превращается в телеигру «Любовь с первого взгляда»: миллион женихов напротив миллиона невест, причем потенциальное число «идеальных пар» тоже миллион. Нам надо угадать хотя бы одну. Это может случиться в любой момент и в любой точке мира или языка (оно и случается каждую секунду в каждой точке), главное — поймать и не потерять тотчас. Тогда состоится «свадьба» Фона и Ономы — состоятся Мысль и Ум, Причина и Рассуждение — миллион женихов найдут миллион невест — состоится весь наш мир в подлиннике, потому что мы на этой «свадьбе» не мы, а Адам Кадмон, т. е. Первоначальный, еще не павший в грехе, — потому что мы вспомнили, наконец, те имена, которые сами же назначили вещам (Быт. 2, 20).

Но, как можно догадаться, поймать миг — дело почти невозможное (разве что стать буддой или гностиком). Кант, например, без обвиняков объявил, что вещь в принципе непознаваема, что все наше познание — «притчи», ирония в устах божества, а еще

вернее — каббала и гадание по книге Опыта. Позднее кантианцы возвысили «закон поименованности явлений», суть которого я изложил «через» Симона Мага. А если серьезно — важнейшие слова нашего бытия образованы от Имени: иметь, поймать, отымать, снимать, понимать, внимать, память, мнить, займ, имение, знамя, знание, именно и пр. Таких слов гораздо больше, чем я могу вспомнить или помыслить. Они наглядно отображают и космическое воплощение Имени в Человека, и плотно окутывают нынешнюю самую повседневность, причем Имя стремится указать на сущность (собственную сущность, она единственная: Имя Бога Отца), а человек ускользает к психическим и вещественным содержаниям: к опыту, к чувству, к «глубине души», короче — в сторону от Имени, от призвания, от Я (Яхве).

Кантианцы последовательно отождествили Бога Отца с Иеговой, сказал бы Василид, и тем самым разверзли пропасть между Фоном и Ономой. На столь близком расстоянии от Бога Адам Кадмон уже невозможен: шестой Эон тонет в суете сует грешного Адама Иеговы, а вслед за Именем исчезает и Бог, вернее, мы и тонем, и исчезаем, — в вопросе несуществования нет нужды спорить о первичности. Бог требует почтения. Единосущность Имени Бога и Адама Кадмона познается на расстоянии, чтобы стала возможной ближайшая реальность Иеговы и Адама Падшего.

Я позволил себе этот экскурс в метафизику, чтобы мы внятнее представили человека, который равно мог бы беседовать и с платоником Филоном, и с ап. Матфеем, но не нашел мира в собственной душе. Адам Кадмон — величайшее откровение его мысли — был в конце концов отвергнут Василидом как концепция противоречивая, и ученый обратился к философии имен (во множественном числе) — к герменевтике (Гермесу Трисмегисту). На место шестого Эона он не поставил никого — Плерома, именуемая Святой Семерицей, навеки запечатлена апологетами и опровергателями как Абраксас с Пятью Совершенствами.

Я думаю, Василид не смог простить Адаму Кадмону грехопадения и, подобно Иегове, изгнал его из сада Божественной Полноты.

5.

Это, повторяю, был старый мир, все изведавший, все испробовавший, так что ни в ком не осталось благородства. Художники замкнулись в музеях, ученые — в птолемеевых лабораториях, поэты — в библиотеках, где пускали друг другу пыль в глаза и «вили из песка веревку» (Ириной), изобретая какой-то ложный аристократизм, круто замешивая «томления духа» на библиографических диковинах. Лишь философы-киники, разгуливавшие посреди рынка в рубищах своих плащей и судеб, имели некоторое отношение к жизни, да бродячие артисты, как всегда, выражали самую суть ее. Все в Александрии Великой являло взору

падение Человека Первоначального, совершенного, космического.

Через полтора тысячелетия гений Леонардо возродит этот образ в знаменитом рисунке: человек, простерший руки внутри окружности, — эносфера, ходячий символ всех ноосфер, духовных и материалистических (например, облик Учителя в романе).

Это была душа эллинизма, преобразившаяся и воспрянувшая с явлением вселенского Христа. Сын Софии и Динамиса, Адам Кадмон был Микрокосм и Макрокосм, удовлетворяя антропологическую эстетику Флоренского: человек в центре мира, мир как человек, человек-мир. Он был землей (евр. «адамах») и небом, Богом и смертным, представляя в одном лице Четверицу Хайдеггера. Он был, наконец, ностальгией по Прометею и Дионису, Аполлону и Орфею и всех их вобрал в себя. Мне трудно вообразить что-либо совершеннее и прекраснее.

Именно ее, собственную душу, а вместе с ней и Космос, культуру и традиции, гордость эллина и его «вселенскую отзывчивость», словом, самые Совершенство и Красоту — Василида принес в жертву Великому Сирийцу, как именовали Иисуса Христа. И я опять же настаиваю, что это была душа, озаренная светом откровения, обновленная, в высшей степени земная, человеческая, а не нечто дряхлое и околевающее, как то живописует иная историография. Учитель В. Васильева не может сдержать восклицания: «Все же она прекрасна — душа этого мира — птица с ампутированными крыльями, с перьями, слипшимися от крови. Прекрасна в своей искренности. И несчастна в обреченности...» Учитель близок к истине.

Но «сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Матф. 10, 39). Можно сказать, в судьбе Василида, эллинистически прямо и открыто пережившего катастрофу Адама, весь эллинизм (т. е. Средиземноморье) проклял свой космос. Отныне он обратился в «тьму внешнюю, плач и скрежет зубов» (Матф. 8, 12), в «дерзновенную или злокозненную импровизацию ущербных ангелов» или в «тупиковый путь развития», по В. Васильеву. Лишенный конкретного и светозарного Образа Бог предстал теперь падшему человеку как пугающая египетская тайна: «Бог есть умопостигаемая сфера, центр которой находится везде, а окружность нигде» (Гермес Трисмегист). Борхес прослеживает движение этой метафоры до Нового Времени, до Паскаля: «Природа — это (устрашающая) бесконечная сфера, центр которой везде, а окружность нигде». Это и есть нынешний взгляд на вещи, всё и вся загнавший от солнца в «глубины души», в «мир возможностей», в «астральные тела», в музеи, лаборатории, библиотеки, — словом, в «одежды одежд».

В учении младшего современника Василида — Валентина — творцом мира выступает уже некая придурковатая Ахамот, бессознательный выкидыш Софии от неизвестно кого и потому сразу изгнанный из Плеромы. Флоренский находит здесь

поэзию: «море — это слезы Ахамот, заря — ее улыбка и т. д.» Мне, честно говоря, трудно принять в Ахамот «аналог учения ап. Павла о Христе, как втором Адаме», как и разделить эстетическую радость отца Павла Флоренского. Куда радостнее было созерцать Адама Кадмона, истинного сына Софии и Динамиса, начало материи и материального творения. Ахамот — это уже собственно гностицизм: «коллапс ноосферы».

«Я есть только Я!» — говорит Учитель в своем Большом Мире и выражает тем самым не индивидуалистический бунт Демона или показную свободу нудиста-адамита — то лишь новые «одежды» поверх прежних, — но состояние мира, в который Он пришел. Его речи, исполненные диаматовской архаики, суть «притчи», «шутки» (Ницше: «Под прикрытием шуток я говорю о деле, которым не шутят»). Учитель высказывается языком мира, потому что иного никто не поймет: «Если Я сказал вам о земном, и вы не верите, — как поверите, если буду говорить вам о небесном?» (Иоан. 3, 12). И Христос, и Иегова не сообщали о Себе большего. «Я есть Я» — нашим языком сказано. Это малое Имя, данное нам скорее для необходимостей жизни: для общения с собой, друг с другом, с миром, для противостояния Ничто, — чем подлинное великое Имя Бога Отца или Имя Нооса-Христа. Теперь, после явления Моногена, мы должны расшифровать Их и знать.

Василид, подобно Хайдеггеру, перестал доверять языку современников. Он принял толковать имена, как египтяне толковали открытые и тайные имена своих богов, демонов, наименования врат в мир иной. «Достаточно было знать имя божества или обожествленного существа, — указывает Ж. Вандье, — чтобы обрести над ним власть». Борхес в примечании пишет: «Сложился обширный словарь имен собственных, которые Василид (по свидетельству Иринейя) свел к одному-единственному неблагозвучному, воспроизводящему один и тот же набор слогов, слову «Каулакау», чему-то вроде отмычки от всех небес». Ипполит Римский установил, что «имя Каулакау, даваемое им Христу, взято у Исаии, 28, 10».

«Василид составлял апокрифические книги, экзотерические предания, приписываемые Матфею, откровения от имени фантастических лиц, Баркаббана и Баркофа, пророчества Хама», — пишет Ренан и обращает внимание на «склонность секты василидян к таинственности, ее привычку избегать дневного света и скрываться от глаз толпы, молчание, которого требовали от последователей». В это время проходит уловленная Иринеем фраза: «Я говорю для одного из тысячи». (Сравните у позднего Ницше: «Это книга для совсем немногих»).

Создается знаменитая икона — изображение Abraxas'a, существа с головой петуха, телом человека и змеями вместо ног, с великим почтением созерцаемое теософами всех времен и народов. Это «Верхнее Существо с Пятью Эманациями, отмеченными подходящими символами. Из человеческого тела,

обычной формы божества, вырастают две опоры — Ноос и Логос, символизируемые змеями, что означает внутреннее чувство и быстрое понимание. Его голова петуха, т. е. птицы, олицетворяющей предвидение и бдительность, представляет Фронезис. Его две руки держат символы Софии и Динамиса — броню Мудрости и метлу Власти» (К. У. Кинг по Беллерману).

Сын Василида Исидор продолжал его учение, комментировал его апокрифических пророков, развил его мифы, в том числе и последнее откровение Василида: «Абракадабра». Абракос (греч.) и Дабар (евр.) — Божество-Слово. Оно звучало в устах старого гностика, как «мужайтесь: Я победил мир» (Иоан. 16, 33).

Я думаю, Василид, всю жизнь конфликтовавший с церковью, в эти последние дни примирился с нею, признав догмат о Слове. «Абракадабра», — сказал он.

Есть, конечно, призрачность в этом деле, какая-то ирония, столь божественно удававшаяся Борхесу или китайцу Чжуанцзы. Можно, например, помыслить еще одного автора, который помыслил меня, который в этой статье помыслил В. Васильева, который в романе помыслил Ученицу, которая в Своем мире помыслила Айса, который в своих «цветограммах» помыслит еще кого-то... Мы получим жуткую бесконечность авторов, бесконечно пишущих одно Евангелие, если вдруг Учитель окажется всего только смертным существом или дьяволом, множащим в пространстве и времени «инфернальные круги». Ведь что такое ад? Это бесконечность совершенствования — «царство чистой совести» (Тертуллиан).

Но иное дело — язык романа. В нем шипение и гул факела во мраке пещеры, и в красноватых бликах отражается ужас происходящего (воссияет ли Имя? или оголится только грех?). Под гнетом непостижимого первородного чувства Василид Александрийский сотворил свою фантастическую реальность. Не тот же ли страх (чуть не сказал «подноготный») проступает в романе как отказ следовать эстетическому вкусу, очевидная невмещаемость стиля в рамки редакторского мышления? Шестов полагал, что именно здесь открывается новое измерение истины. В. Васильев волен выбирать художественные средства, мы вольны сомневаться в речах Учителя, как и в словах Шестова, но вкус, редактор, критик — порождения нашего «родного прамира». В затеянном деле их суждения не применимы. В. Васильев сам лишь Ученик своего Учителя. И единственный стержень, не позволяющий нам разлететься в обрывках чьего-то тяжелого сна, это вера, что с нами не шутят, что игра идет всерьез, как и полагается в божественной мистерии (вспомним жертву Василида, катастрофу Ницше). В доказательстве нуждается, собственно, одно положение: что мы снимем не только друг другу, но и Богу. Это вопрос о личной жертве...

И последнее (в порядке той же игры). Александр Македонский, основав в Египте город под своим именем, позднее пришел в наши края и основал другой город: Александрию Крайнюю, иначе — Александрию на Танаисе, приняв Сырдарью за Дон (Танаис). Тот город ныне отождествлен с Ходжентом. Но великий царь поднимался вверх по Чирчику и продолжал строить опорные пункты и крепости, впоследствии разросшиеся в город. Все они назывались Александриями и различались по именам рек, на которых стояли. Не будет особой натяжкой утверждать, что мы сегодня живем в городе, названном в древности Александрией... Обычно, в жизни только то и сбывается, во что мы действительно веруем. Василид, например, как и все греки, верил в переселение душ. В. Васильев, как минимум, допускает возможность реинкарнации. И потому, как знать...

Я просто вспомнил один из постулатов александрийца: имена возникают вновь.

Ташкент

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
МАСОНСКОЙ, ГЕРМЕТИЧЕСКОЙ, КАББАЛИСТИЧЕСКОЙ
И
РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВСКОЙ
СИМВОЛИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЕКРЕТНЫХ УЧЕНИЙ,
СКРЫТЫХ ЗА РИТУАЛАМИ,
АЛЛЕГОРИЯМИ И МИСТЕРИЯМИ ВСЕХ ВРЕМЕН

Мэнли П. Холла

ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ ФАРМАКОЛОГИЯ, ХИМИЯ И ТЕРАПИЯ

Искусство лечения поначалу было одной из секретных наук жречества, и тайна его происхождения скрыта тем же покровом, который свойственен тайне происхождения религиозной веры. Все высшие формы знания были с самого начала в распоряжении жреческой касты. Храм был колыбелью цивилизации. Жрецы осуществляли свои божественные прерогативы, творили законы и следили за их исполнением, ставили правителей и управляли ими, обслуживали нужды живущих и направляли судьбы мертвых. Все ветви обучения были монополизированы жречеством, которое допускало в свой круг только тех, кто был интеллектуально и морально подготовлен к увековечиванию божественного дара жречества. Любопытно в этой связи утверждение Платона из его диалога «Государство»: «...в Египте царю не позволяют править до тех пор, пока он не имеет жреческой власти, а если он принадлежит другому классу или же захватил трон силой, он должен принять жреческий сан».

Кандидаты, стремящиеся стать членами религиозных орденов, проходили суровые испытания для того, чтобы доказать свои достоинства. Подобные процедуры назывались инициациями, или посвящениями. Те, кто проходил испытания успешно, назывались жрецами братьями, и их посвящали в секретные

Продолжение. Начало в № 9-10, 1994 г.

учения. У древних никогда не разделялись философия, наука и религия. Каждая из этих дисциплин считалась частью целого. Философия была научной и религиозной, наука была философской и религиозной; религия была философской и научной. Совершенная мудрость полагалась достижимой только на пути полной гармонии всех трех проявлений умственной и моральной активности.

Хотя современные врачи полагают основателем своей науки Гиппократом, древние лекари считали основателем искусства лечения бессмертного Гермеса. Климент Александрийский, описывая книги, приписываемые Гермесу, разделяет священные тексты на шесть разделов, один из которых, Пастофорус, был посвящен медицинской науке. Смарагдовая (изумрудная) табличка, найденная в долине Хеврона, приписываемая Гермесу, является на самом деле химической формулой высокого и секретного ордена.

Гиппократ, знаменитый греческий врач, живший в пятом веке до Р. Х., отделил искусство врачевания от других наук храма и тем самым создал прецедент. Одним из следствий этого стало повсеместное распространение грубого научного материализма. Древние осознавали взаимозависимость наук. Современные ученые этого не осознают, и, как следствие, неполные и незавершенные системы обучения стремятся утвердить индивидуализм. Трудности, с которыми сталкивается наука нынешнего времени, являются продуктом предосудительных ограничений, наложенных на науку теми, кто не хотел признать, что есть многое, превосходящее пять первичных органов или чувств человека.

СИСТЕМА МЕДИЦИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПАРАЦЕЛЬСА

В средние века вновь были собраны, систематизированы и уточнены долго игнорировавшиеся аксиомы и формулы герметической мудрости. Теофрасту Гогенгейму, называвшему себя Парацельсом (что означает «более великий, нежели Цельс»), мир обязан многими знаниями, в частности, древних систем медицины. Парацельс посвятил свою жизнь изучению и изложению герметической философии. Каждое понятие и теория были перемолоты на мельнице его взглядов. В то время как медицинское сообщество старается умалить его достижения, поскольку не принимает его систему, оккультный мир знает, что он до сих пор является величайшим из врачей всех времен и народов. Хотя сложный и экстравагантный характер Парацельса настраивал против него людей, а его страсть к путешествиям казалась многим бродяжничеством, он был одним из немногих умов, искавших синтез искусства врачевания и философских религиозных систем язычества и христианства.

Защищая свое право искать знание во всех частях земли и среди всех классов общества, Парацельс писал: «Я полагаю,

что заслуживаю похвалы, а не хулы, что я искал знаний в странствиях. Ведь тот, кто хочет знать пути Природы, должен исходить их собственными ногами. То, что записано в книге Природы, записано буквами. Но листы этой книги — это разные земли. И если таковы Законы Природы, то и надо переворачивать эти листы» («Парацельс», Джон Стилман).

Парацельс был великим наблюдателем, и те, кто знал его, называли его вторым Гермесом или же Трисмегистом Швейцарии. Он исходил Европу из конца в конец и, может быть, ходил и по восточным землям, собирая суеверия и исследуя потерянные доктрины. От цыган он многое узнал о лекарственных растениях, от арабов — как делать талисманы и о влиянии небесных тел. Парацельс чувствовал, что лечение больных является гораздо более важным делом, нежели утверждение ортодоксальной медицинской доктрины, и поэтому он пожертвовал официальной медицинской карьерой и ценой пожизненных преследований яростно атаковал лечебные системы своего времени.

Господствующим в его мировоззрении было убеждение в том, что все в природе является благом для чего-нибудь. По этой причине он собирал плесень из склепов или росу в полночь. Он был истинным исследователем тайн Природы. Многие авторитеты придерживались мнения, что Парацельс был подлинным открывателем месмеризма, и что Месмер развил искусство врачевания в результате изучения трудов великого швейцарского врача.

Парацельс испытывал высочайшее презрение к модным в то время узким медицинским системам, и его убеждение в их неадекватности лучше всего выражено им самим в его причудливой манере: «Число болезней, которые происходят от некоторой неизвестной причины, превышает премного те болезни, которые происходят от медицинских причин, и для таких болезней наш врач не знает лекарства, поскольку, не зная причин, невозможно с болезнью справиться. Все, что врачи могут осмотрительно делать, это наблюдать больного и делать догадки, а пациент должен быть доволен, что предписанная медицина не делает ему вреда и не мешает его выздоровлению. Самые лучшие врачи это те, кто делает наименьшее зло. К несчастью, некоторые отравляют своих пациентов ртутью, другие делают им кровопускания, доводящие больных до смерти. Есть такие врачи, в которых премногая ученость начисто вытесняет всякий здравый смысл, а другие врачи гораздо больше заботятся о своих доходах, нежели о здоровье своих пациентов. Болезнь не может приспособливаться к знаниям врача; скорее, наоборот, врач должен понять причины болезни. Врач должен быть слугой Природы, а не ее врагом. Он должен вести и направлять ее в борьбе за жизнь и не воздвигать препятствия на пути к выздоровлению» (из «Парагранума» Франца Хартманна).

Убеждение в том, что все причины болезней происходят от невидимой природы человека, есть фундаментальный принцип герметической медицины, потому что Гермес, никоим образом

не отрицая важности физического тела, тем не менее верил, что материальная конституция человека является эманацией или объективизацией его невидимых духовных принципов. Далее следует краткое изложение герметических принципов Парацельса.

Имеется одна жизненная субстанция в Природе, на которой основаны все вещи. Она называется археусом, или жизненной силой, которая есть синоним астрального света или духовного воздуха древних. Относительно этой субстанции Элифас Леви писал: «Свет этот творческий агент, вибрации которого являются движением жизни всех вещей. Он скрыт в универсальном эфире, излучающемся из центров, которые, накопив его, направляют на движение и жизнь, образуя тем самым творящие токи, астрализованность звезд. Оживленный в животных, очеловеченный в людях, свет этот растит все растения, заставляет блестеть металлы, производит все формы природы и уравнивает все через законы универсальной симпатии. Это он проявляет природу магнетизма, предсказанную Парацельсом, и пропитывает кровь, будучи выделен из воздуха, когда тот вдыхается и распределяется легкими» (из книги «История магии»).

Жизненная энергия происходит из духовного тела земли. Каждая сотворенная вещь имеет два тела, одно из которых видимое и субстанциональное, а другое невидимое и трансцендентное. Второе состоит из эфирных аналогов физической формы. Оно составляет оболочку археуса и может быть названо жизненным телом. Эта эфирная тeneвая оболочка не распадается со смертью, но остается до тех пор, пока не распадается полностью физическая форма. Эти «эфирные двойники» видны часто на могилах и являются основанием веры в духов. Будучи гораздо тоньше в своей субстанции, нежели земные тела, эфирный двойник гораздо более подвержен импульсам и несогласованию. Беспорядок в этом астральном теле является причиной многих болезней. Парацельс учил, что человек с болезненным умом может отравить свою собственную эфирную природу, и эта инфекция, нарушая естественный ток жизненной силы, позднее проявится как физическая болезнь. Все растения и минералы имеют невидимую природу, состоящую из археусов, но каждая проявляется по-своему.

Относительно астрально-световых тел цветов Джеймс Гаффарель в 1650 году писал следующее: «И я вам отвечаю, что они могут быть разрезаны на куски, их можно растолочь в Ступе и даже сжечь до Пепла, и все же они сохранятся (через некоторый Секрет и волшебную Силу Природы) в Соке ли, в Пепле ли в той же самой форме, и в той же Фигуре, как и были до того, и хотя они Невидимы, все же можно Искусством сделать их Видимыми для Глаза, и может это сделать Артист. Это может показаться Невероятным для тех, кто привык читать только Заглавия Книг. Те же, кто по-настоящему заинтересован, могут увидеть подтверждение этой истины в Работях М.

дю Чесне, С. де ла Виолет, лучших Химиков, которых дал наш Век. Они утверждают, что сами видели, как Отличный Польский Врач из Кракова, который держал в склянках Пепел почти всех Трав, которые только известны, по их желанию мог взять, например, Розу из одной Склянки, то есть ее Пепел, подержать его над горящей Свечой, и можно было видеть тогда, что Пепел двигается. Взболтав его, можно увидеть Темное Облако, которое потом распадается и на отдельные части, и на каждой из них получается Роза, но такая Прекрасная, такая Свежая, такая Совершенная, что можно принять ее за вещественную Розу» («Неслыханные истории касательно Священных Талисманов персов»).

Считая расстройство эфирного двойника наиболее важной причиной болезни, Парацельс искал способы гармонизации его субстанции, приводя в контакт с другими телами, чья жизненная энергия могла бы снабдить необходимыми элементами и была достаточно сильной для преодоления болезни, существующей в ауре страдающего. Как только устранена невидимая причина, беспокойство быстро проходит.

Оболочка для археуса, или жизненная сила, называлась Парацельсом мумией. Хорошим примером физической мумии является вакцина, которая есть оболочка полуэстрального вируса. Все, что может служить медиумом для передачи археуса, независимо от того, органическое или неорганическое оно, физическое или же частично духовное, именовалось мумией. Наиболее универсальной формой мумии был эфир, который современная наука принимает в качестве гипотетической субстанции, служащей посредником между жизненной энергией и органической или же неорганической субстанцией.

Управление универсальной энергией невозможно, разве что через ее оболочку (мумию). Хорошим примером является пища. Человек не запасает питания от мертвых животных или растений, но, вбирая в себя их структуры, он сначала получает контроль над мумией или эфирным двойником животного или растения. (Получив контроль, человеческий организм затем направляет поток археуса для собственных целей. Парацельс говорит: «Все, что составляет жизнь, содержится в мумии, и, наделяя что-либо мумией, мы наделяем его жизнью». В этом состоит секрет лечебных свойств талисманов и амулетов, потому что мумии субстанций, из которых они состоят, служат каналами между лицом, их носящим, и определенными манифестациями универсальной жизненной силы.

Согласно Парацельсу, растения очищают атмосферу, принимая в себя окись углерода, выдыхаемую животными и людьми, но таким же образом растения могут перенимать от людей и животных болезни. Те низшие формы жизни, организмы и нужды которых отличны от людских, способны ассимилировать эти субстанции без вреда. Иногда же растения и животные умирают, жертвуя собой ради более разумных и, следовательно, более полезных созданий, которые при этом выживают. Пара-

цельс открыл, что в любом из этих случаев пациент постепенно выздоравливает. Когда низшая желчь ассимилирует полностью чужую мумию из пациента, она либо умирает сама, либо распадается в результате неспособности сделать это. В обоих случаях налицо лечебный эффект. Для определения того, какое растение или животное принимает мумию определенной болезни, необходимо много лет.

Парацельс открыл, что во многих случаях растения напоминали своими формами те человеческие органы, которым они могли служить наиболее эффективно. Медицинская система Парацельса была основана на теории, согласно которой устранение большой эфирной мумии из организма пациента и поглощение ее распадающейся вещью меньшего значения приводит к изменению потока археуса в человеческом организме, который заживляет и питает выздоравливающий организм, избавленный от болезни.

ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ БОЛЕЗНИ

Согласно герметической философии, есть семь главных причин болезни. Первой из них являются дьявольские духи. Таковыми считаются создания, получающиеся в результате дегенеративных действий и существующие за счет жизненных энергий тех, к кому они прикрепляются. Второй причиной является расстройство согласования духовной природы и материальной природы: эти две природы, не будучи согласованы, производят умственные и физические отклонения. Третьей причиной является нездоровье или ненормальность умственного настроения. Меланхолия, ужасные эмоции, чрезмерные страсти (похоть, алчность, ненависть) воздействуют на мумию, а через нее на физическое тело, что приводит к язвам, раку, лихорадке и туберкулезу. Древние рассматривали зародыш болезни как мумию, оплодотворенную эманациями дьявольских влияний. Другими словами, зародыши являются миниатюрными созданиями, рождающимися от злых человеческих мыслей и действий.

Четвертой причиной является то, что на Востоке называют Кармой, то есть законом Справедливости, который требует, чтобы личность платила сполна за несдержанность и проступки в прошлой жизни. Врач должен быть очень осторожен при обращении к этому закону, никоим образом не вмешиваясь в планы Вечной Справедливости.

Пятой причиной было движение и аспекты небесных тел. Звезды не вызывают болезнь, а скорее понуждают ее, приводят в действие. Герметисты учили, что сильный и мудрый человек управляет своими звездами, а слабый и плохой человек ими управляется. Эти пять причин болезней являются суперфизическими по своей природе. Они должны вычисляться дедуктивными и индуктивными заключениями и тщательным рассмотрением обстоятельств жизни и темперамента пациента.

Шестой причиной болезней является неверное использование органов тела, как, например, перегрузка мускулов или сверхнапряжение нервов. Седьмой причиной является присутствие в системе посторонних субстанций, нечистот или препятствий. В этом аспекте рассматриваются воздух, солнце, диета и присутствие посторонних тел. В этот перечень не входят раны, нанесенные случайно, поскольку они не принадлежат собственно болезням. Часто раны являются средством выражения Закона Кармы.

Согласно учению герметистов, болезнь может быть предотвращена или успешно вылечена семью путями. Первый — это заклинания и вызывания духов, когда врач приказывает злему духу выйти из пациента. Эта версия, вероятно, основана на библейской истории о человеке, одержимом демоном; Иисус вылечил человека, заставив дьявола оставить его и вселиться в стадо свиней. Иногда дьявольские духи входят в пациента по чьему-нибудь наущению с намерением навредить человеку. В этих случаях врач командует духам вернуться к тому, кто их послал. Рассказывают о случаях, когда злые духи покидали тело через рот в виде облака дыма и в виде пламени из ноздрей. Утверждалось иногда, что духи покидали человека в виде птиц или насекомых.

Второй метод лечения заключается в вибрации. Дисгармония тел нейтрализуется произнесением заклинаний и священных имен или же игрой на музыкальных инструментах и пением. Иногда больному показываются различные цвета, поскольку древние признавали, по крайней мере частично, принцип цветовой терапии, особенно в процессе выздоровления.

Третий метод осуществляется с помощью талисманов, украшений, чар и амулетов. Древние верили, что планеты контролируют функции человеческого тела и что украшениями из различных металлов можно бороться со злыми влияниями различных звезд. Например, у анемичного человека мало железа, а железо находится под влиянием Марса. Следовательно, чтобы подвести пациента под влияние Марса, следует на шею больного повесить талисман с написанными на нем секретными инструкциями, необходимыми для заклинания духов Марса. Если же в организме слишком много железа, пациент должен носить талисман из металла, находящегося под управлением планеты, антипатичной к Марсу. Этот талисман отведет энергию Марса, восстановив таким образом нормальное состояние.

Четвертый метод заключается в лечении травами и лекарственными растениями. Хотя античные врачи использовали металлы в лечении, они все-таки не одобряли минеральных лекарств для внутреннего потребления. Поэтому травы были их любимым средством лечения. Подобно металлам, каждая трава и каждое растение приписывались определенной планете. Диагностировав по звездам болезнь, врачи предписывали лечение травами.

Пятый метод лечения осуществляется молитвой. Все древние народы верили в заинтересованное заступничество Божества в

облегчении человеческих страданий. Парацельс говорил, что вера должна лечить все болезни. Однако немногие люди обладают достаточной силой веры.

Шестой метод, который скорее предотвращает болезнь, нежели лечит ее, — диета и установление правильного образа жизни. Человек, избегающий тех вещей, которые вызывают болезни, остается здоровым. Древние полагали, что здоровое состояние человека является нормой, а болезнь есть результат отказа человека следовать Природе.

Седьмым методом была «практическая медицина», состоящая, главным образом, из кровопускания, очищения организма и подобных приемов. Эти процедуры хороши в умеренном применении, но вредны в большой дозе. Много людей умерло на двадцать пять-тридцать лет раньше своего времени из-за лишней чистки или же потери крови.

Парацельс использовал все семь методов лечения, и даже его злейшие враги допускали, что он достигал фантастических результатов. В его родовом месте Гугенхейме в некоторые времена года выпадала обильная роса, и Парацельс обнаружил, что, собирая росу при определенной конфигурации планет, он получал воду, обладающую волшебными медицинскими свойствами, потому что в ней заключались свойства небесных тел.

ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ ГЕРБАЛИСТИКА И ФАРМАКОЛОГИЯ

Полевые растения во многих случаях были священными для античных язычников, которые верили, что боги создали растения для лечения людей. Правильно примененное и приготовленное растение, его корень и куст, должно приносить облегчение страданиям или же может быть использовано для духовных, умственных, моральных, а также физических сил. В своей книге «Омела и ее философия» П. Дэвидсон отдает должное растениям в таком вот виде: «Книги написаны на языке цветов и растений, поэты с незапамятных времен воспевали самые красивые из них, короли были рады иметь их эссенцию, но истинным врачам — Жрецам Природы — они говорят на более высокой и возвышенной ноте. Нет такого растения или минерала, который бы до конца открыл все свои свойства. Разве может ученый быть уверен в том, что в цветах и растениях не скрыта еще одна внутренняя сила, свойственная природе растения? Почему цветы были названы Звездами Земли, и почему они прекрасны? Разве не потому, что много времени они проводят, улыбаясь Солнцу днем, и дремлют ночью под звездами? Не пришли ли они из другого, более духовного мира на нашу землю? Ведь Бог сделал «каждое растение» ДО того, как оно оказалось на земле, а каждое полевое растение было сделано ДО ТОГО, КАК ОНО ВЫРОСЛО?»

Многие примитивные народы использовали лечение травами.

Китайцы, египтяне, американские индейцы лечили травами болезни, средства от которых не знают современные медики. Доктор Николай Кулпепер был, вероятно, наиболее знаменитым из всех гербалистов. Он умер в 1654 году. Обнаружив, что медицинские системы его времени были крайне неудовлетворительны, Кулпепер обратил свое внимание на растения и открыл средства лечения ими, что сделало его знаменитым.

В системе доктора Кулпепера астрология и гербалистика коррелировались так, что каждое растение было под юрисдикцией планеты или светила. Он верил также, что болезнь контролировалась конфигурациями звезд. Он суммировал свою систему лечения следующим образом: «Вы можете противостоять болезни Растениями планеты, противостоящей планете, вызвавшей болезнь: болезни Юпитера — травами Меркурия и наоборот, болезни Марса — травами Венеры и наоборот... Иногда болезни можно лечить Симпатией, и поэтому каждая планета лечит свою собственную болезнь. Так, Солнце и Луна лечат своими травами глаза, Сатурн — селезенку, Юпитер — печень, Марс — желчный пузырь, Венера — болезни инструмента производства» («Полный справочник по травам»).

Средневековые гербалисты только частично заново открыли древние секреты герметистов Египта и Греции. Эти древние народы развили основы почти всех современных наук и искусств. В те времена методы, использовавшиеся для лечения, были секретами инициированных в Мистерии. Мази, снадобья, приворотные зелья были непременными участниками странных ритуалов. История знает много свидетельств эффективности такой медицины. Использовались также благовония и духи.

Барретт в книге «Маг» так описывает теорию, согласно которой они, эти лекарства, работали: «Поскольку наш дух чист, subtilen, ясен, воздушен и маслянист, нет ничего более подходящего для глазной примочки, чем те пары, которые подходящи для нашего духа по субстанции. Потому что тогда, по причине их сходства, есть большее движение, притяжение и преобразование духов».

Яды были предметом тщательного изучения, и в некоторых странах в некоторые времена ядовитые растения использовались для приведения в исполнение смертных приговоров, как это было в случае с Сократом. Печально известное семейство Борджиа в Италии создало целое искусство отравления. Несчетное число людей — блестящих мужчин и женщин — тихо и эффективно устранялось с помощью почти сверхъестественного знания химии, которое долгое время было секретом этого семейства.

Египетские жрецы открыли много растений, вытяжка из которых вводила людей в состояние, в котором они могли проричать, что использовалось во время обрядов посвящения в Мистерии. Кандидату иногда в пищу подмешивались наркотические вещества, или же ему предлагался яд, природа которого ему тщательно объяснялась. Вскоре после его принятия

неофит чувствовал головокружение. Ему казалось, что он летит сквозь пространство, в то время как его физическое тело было абсолютно нечувствительно (при этом жрецы смотрели за тем, чтобы ему не было причинено вреда). Кандидат проходил в таком состоянии множество самых страшных испытаний, о которых он не помнил после того как приходил в себя. В свете нынешнего знания трудно себе даже представить, что посредством запахов, нескольких глотков испарений благовоний можно было вызвать любое поведение и видение, и все же этим искусством владели жрецы языческого мира.

Относительно этого Е. Блаватская, знаменитый оккультист XIX века, писала: «Растения также обладают мистическими свойствами в огромной степени, а секреты вызывания видений экстрактами растений потеряны для европейской науки, за исключением разве что гашиша и опиума. Но даже в этих исключительных случаях психическое действие их считается вызывающим помешательство. Женщины Фессалии и Эпира, жрицы ритуалов Сабазия не унесли с собой эти секреты. Они все еще здесь, и те, кто осознает природу Сомы, знает и свойства других растений» («Исида»).

Травы, вызывающие предсказательный транс, использовались при вызове оракулов, среди которых знаменитейшим был Дельфийский. Слова, произнесенные в транс, считались пророческими. Современные медиумы под влиянием вызванной ими же каталепсии выдают весьма похожие сообщения, но в большинстве случаев результаты их менее точны, потому что предсказатели нынешнего времени утратили знание скрытых сил природы.

Мистерии учили, что в инициации в высшие степени в инструктировании посвящаемых принимают участие сами боги или же, по крайней мере, присутствуют при этом, что само по себе считалось благословением. Поскольку боги обитали в невидимых мирах и появлялись только в своих духовных телах, узнать их неофиту было не под силу без помощи наркотиков, которые стимулировали пророческий центр его сознания (вероятно, шишковидную железу). Многие посвященные упорно утверждали, что они общались с бессмертными и лицезрели богов.

Когда вместе с упадком античного мира началось моральное разложение языческих Мистерий, истинно просвещенные отделились от остальных, сохранив при этом наиболее важные свои секреты, и исчезли, не оставив никакого следа. Остальные медленно плыли по течению, подобно кораблю без руля и ветрил, и их сносило на скалы вырождения. Некоторые из менее важных секретных формул попали в руки профанов, извративших их, и, как в случае Вакханалий, наркотики стали смешиваться с вином и давали начало самым настоящим оргиям.

В некоторых местах, как утверждалось многими мудрецами, есть такие источники, вода которых обладает священными свойствами (из-за минералов, сквозь которые она протекает). Около таких мест часто сооружались храмы, и предполагалось,

что в окрестностях естественных пещер и источников обитало божество, которому и посвящался храм.

«Стремящиеся к инициации и те, кто приходил за пророчествами богов, быстро приготавливались к этому через таинственные напитки (воды Леты и Мнемозины) в пещерах Трофонии или же в Элевсинских Мистериях. В пищу и напитки примешивались наркотики для того, чтобы сделать восприимчивым умственное состояние и вызвать желательные видения» (Сальветти, «Окультурные науки»). Тот же автор говорит, что некоторые секты раннего христианства обвинялись в использовании наркотиков для тех же самых целей, что и у язычников.

Секта ассасинов продемонстрировала еще один аспект применения наркотиков. В XI веке этот орден, захватив крепость на горе Аламонт, укрепился в Ираке. Хассан Саббах, основатель ордена, известный как Горный старец, подозревался в том, что манипулировал сознанием своих подданных с помощью наркотиков. Хассан заставлял своих последователей верить в то, что они находятся в раю, в котором они останутся навечно, если будут повиноваться ему. Де Квинси в своей книге «Признания курильщика опиума» описывает интересный психологический эффект, производимый этим продуктом мака, который и мог быть источником идеи Рая при употреблении наркотика членами секты.

Философы всех веков учили, что видимая вселенная есть только малая часть целого и что по аналогии с физическим телом человека эта реальность менее важна по сравнению с его сложной конституцией. Большинство из медицинских систем современности полностью игнорирует эту суперфизическую структуру человека. Они едва ли обращают внимание на причины болезней и все больше налегают на улучшение следствий. Парацельс, замечая ту же склонность медиков его дней, пронизательно утверждал: «Есть большая разница между силой, которая устраняет невидимые причины болезни, что и есть Магия, и силой, через которую проявляются просто внешние эффекты, заключающиеся в исчезновении симптомов болезни, и что есть Психическое Волшебство или Шарлатанство».

Болезнь — неестественное состояние, которое является свидетельством рассогласования между органами тела. Нельзя восстановить здоровье, пока не восстановлена гармония. Выдающейся заслугой герметической медицины является осознание того, что причинами физической болезни являются духовные и психофизические расстройства. Соответствующая терапия широко использовалась со значительным успехом жрецами-лекарями античности. Среди американских индейцев широко принята практика изгнания болезней с помощью мистических плясок, заклинаний и амулетов. Факт остается фактом, но, вопреки незнанию современных методов медицины, эти волшебники или колдуны вылечивают огромное число болезней, что само по себе достойно внимания.

Магические ритуалы, использовавшиеся египетскими жреца-

ми при лечении болезней, были основаны на высокоразвитой концепции того, как работает человеческий ум и как он реагирует на физические условия. Миры Египта и браминов несомненно понимали фундаментальное значение принципов вибротерапии. Посредством песнопения и мантр, в которых делался упор на определенные гласные и согласные звуки, они устанавливали колебательные реакции, устраняющие препятствия, и помогали Природе реконструировать поврежденные члены и пораженные органы. Они также применяли свое знание законов вибрации к духовной конституции человека; вызывая определенные реакции на определенные звуки, они стимулировали латентные центры сознания и увеличивали чувствительность субъективной природы.

В «Книге прихода дня» многие египетские секреты сохранились до теперешних дней. Хотя эта книга была переведена вполне удовлетворительно, мало кто понял секретное значение ее магических пассажей. Восточные расы хорошо понимают динамику звука. Они знают, что каждое произнесенное слово имеет огромную силу, и определенным порядком слов они могут создать канал, по которому сила невидимой вселенной может сильнейшим образом повлиять на физическую субстанцию. Священное Слово, коим был сотворен мир, Потерянное Слово, которое все еще ищут Масоны, и тройное Божественное Имя, символизируемое АУМ — творящий звук Индусов, — все эти три примера являются формой поклонения принципу звука.

Так называемые новые открытия современной науки являются часто переоткрытиями того, что уже сделано и было известно жрецам и философам античного языческого мира. Нечеловеческое отношение людей друг к другу явилось результатом потери знаний и формул, которые, будь они в сохранности, решили бы многие десятки проблем нашей цивилизации. Огнем и мечом расы и народы уничтожили население своих предшественников и потом неизбежно столкнулись с потребностью в той мудрости, которую они же и загубили.

*Рашид Сухов,
Алишер Гулямов*

ИНСПЕКТОР КОЛЛИНЗ

К ВОПРОСУ О ДОСТАВКЕ

Очередной вызов патрульный корабль получил с планеты «Х-19». Дежурный передал Инспектору Коллинзу данные о происшествии. Пожелав удачи, он предупредил, что завтра, на обратном пути, корабль подберет ХХХ и дальнейшие решения будут приниматься в зависимости от того, насколько успешно пойдет расследование.

На трехместном челноке Инспектор отправился выяснять, у кого же поднялась рука присвоить жалование обитателей планеты-рудника за целый год их каторжного труда.

Рудокопы, требовавшие свои деньги и отказывавшиеся спускаться в шахту, молча наблюдали за прибывшим Инспектором.

Как Коллинз и ожидал, обитатели поселка представляли собой конгломерат из самых отчаянных граждан Галактического Содружества.

Трое представителей этой компании направились к Инспектору.

— Грасс, — представился первый, угрюмый малый атлетического сложения.

— Кролл, — произнес второй, типичный представитель планеты кроллов, население которой отличалось самыми выдающимися физическими показателями во всем Содружестве.

Третий, свирепого вида Броняццер, оказался неплохим малым.

— Надеюсь быть вам полезным, — приветливо сказал он. — Зовите меня просто Боб.

— Договорились, Боб, — улыбнулся Инспектор.

Затем Коллинз обратился к представителям космических рудокопов:

— Кто первый обнаружил пропажу денег?

— Я, — ответил Грасс.

— Хорошо, к вам мы еще вернемся, — проговорил Инспектор и направился к группе обитателей поселка, настороженно переговаривающихся между собой.

Публике, не искушенной в сыских делах, непосто оценить хитросплетения процесса расследования. Поэтому, опустив перечень наикаверзнейших вопросов, заданных Инспектором всем, кого он счел необходимым опросить, отметим лишь, что к вечеру Коллинз не только имел почти полное представление о случившемся, но и знал имя преступника.

Проделав эту огромную работу, он разыскал Кролла, пошептался с ним, и они вместе направились к дому Грасса.

Возмущенный Грасс оказал яростное сопротивление группе захвата, но в Галактическом Содружестве никто не мог противостоять силе кроллов.

Скованный тяжелыми наручниками, Грасс, тяжело дыша, с ненавистью смотрел на Инспектора. Тот вывел за дверь разгоряченного борьбой Кролла и надежно замкнул дверь.

Инспектор вернулся в свое временное пристанище и удобно расположился в кресле. Настроившись на волну Патрульного Корабля, он сообщил все, что успел выяснить, и передал дежурному голографическое изображение преступника.

— Вы нашли деньги? — запросили с Корабля.

— Нет, — ответил Инспектор, — он расскажет о них на Патруле. К тому же я еще не знаю, были ли у него сообщники.

— Вам потребуется наша помощь?

— Нет, нет, — успокоил дежурного Инспектор и пояснил: — У меня в помощниках сам Кролл.

После некоторого раздумья с Патрульного Корабля ответили:

— Хорошо, завтра утром подберем вас.

Довольный собой Коллинз принялся за составление отчета.

В дверь постучали.

— Валяйте, открыто, — произнес Инспектор, не отрываясь от бумаг.

Дверь осторожно открылась, и в комнату вполз Бронящер. Некоторое время ушло на придание телу позы, соответствующей значимости предстоящей речи. Инспектор никак не реагировал на приготовления Бронящера, и тот, после некоторого замешательства, начал:

— Инспектор, вы совершаете трагическую ошибку. Я имею честь знать Грасса...

— Проваливай, — перебил его ХХХ, продолжая раскладывать бумажки.

Бронящер замер, пораженный невежливостью Инспектора.

— Давай, давай, — повторил Инспектор Коллинз. — Не то я пожалуюсь на тебя Кроллу.

Обиженный посетитель развернулся и пополз к двери. До Инспектора донеслось: «Корчат из себя сыщиков... Выпендюшки двуногие...»

Утром все обитатели поселка молча наблюдали, как Инспектор и Кролл вели закованного в наручники Грасса к трехместному челноку. Захлопнулась дверь, зашумел двигатель, и они помчались в направлении Патрульного Корабля.

Прибыв к месту назначения, Инспектор повел своих спутников по длинным, запутанным коридорам в служебное помещение.

Замыкающий шествие Кролл настороженно оглядывал различные приспособления, предусмотренные на всевозможные криминальные случаи.

К сожалению, он не сумел избежать встречи с одной из этих хитроумных штучек. В тот момент, когда Инспектор и Грасс миновали коридор, с потолка неожиданно сорвались металлические решетки, и Кролл оказался надежно изолирован.

— В чем дело, Инспектор? — зарычал взбешенный пленник.

— Все в порядке, парень, — спокойно ответил Инспектор. — Мы уже на месте.

Появившийся полицейский снял с опешившего Грасса наручники, а Инспектор, обращаясь к Кроллу, произнес:

— Никто не смог бы доставить до места назначения Кролла лучше, чем это сделал сам Кролл.

К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Инспектор и Стажер Полицейского Управления прохаживались по залу космопорта в ожидании пассажирского звездолета.

До прибытия оставалось немного времени, и Инспектор Коллинз рассказывал Стажеру о человеке, которого им предстояло встретить.

— Ровно три года назад Хокин сумел улизнуть от меня и своих кредиторов в одном из космолетов. Его дело было самым обычным — запутался в сомнительных сделках, не вернул вовремя долги и попал в очень неприятное положение. Наш отдел не занимается подобными случаями, но дело было весьма деликатным. Как вы знаете, Хокин должен был получить порядочное наследство. Он и его младший брат, Эткин, были единственными претендентами на фабрики богатого дядюшки. По условиям завещания, именно сегодня Совет Директоров должен передать управление предприятиями старшему из братьев, то есть Хокину.

— Разве кредиторы не могли подождать до вступления в права наследования? — спросил Стажер.

— Могли, но под большие проценты. А это его не устраивало. Чтобы рассчитаться с долгами, Хокин взял большую сумму из банка под залог имущества младшего брата, Эткина.

— Но почему тот решился рискнуть своим имуществом? — удивился Стажер.

— Ну, во-первых, он надеялся спасти Хокина, а во-вторых, Эткин, очевидно, имел в виду будущее финансовое положение своего старшего брата... Хотя в этом есть какая-то несправедливость — родиться на два года позже брата и только поэтому не иметь права на наследство.

После некоторого раздумья Инспектор продолжал:

— Далее Хокин вновь пустился во всяческие финансовые авантюры и, в итоге, Эткин остался без гроша. Хокин не стал устраивать судьбу брата, а просто смылся. Его искала межгалактическая полиция, но безрезультатно. Я даже допускаю мысль, что Хокин рассчитал день бегства и день возвращения. Сегодня кончается срок давности наказания за его преступление и... сегодня же он вступает в законные права наследования!

— И вы ничего не в силах предпринять, Инспектор? — спросил Стажер.

— Боюсь, что нет, — Коллинз пристально вглядывался в пассажиров приземлившегося звездолета.

— Но тогда зачем мы здесь?

— Я еще и сам не знаю, — задумчиво ответил Инспектор, наблюдая за спускающимся по трапу Хокином. — По крайней мере, попытаемся узнать, где он шатался все это время.

— Так он вам и выложил свои секреты, — усомнился Стажер.

— Теперь-то ему нечего бояться — усмехнулся Инспектор, следуя взглядом за уверенно вышагивающим Хокином. — Впрочем, похоже, нам действительно здесь больше нечего делать.

Стажер послушно направился было к выходу, но вдруг с удивлением увидел, как Инспектор Коллинз решительно преградил Хокину дорогу. Неприятно поражала перемена, происшедшая с Инспектором Коллинзом — тот бурно восхищался ловким наследником:

— Какая замечательная идея — путешествовать на звездолете с околосветовой скоростью. Информация о задержании вас до корабля не доходит. Здесь, на Земле, прошло ровно три года, а вы полетали где-то сто дней и... уже наследник.

— Сорок дней, — снисходительно поправил Инспектора Хокин.

— Сорок дней... — умиленно повторил Коллинз. — Вы даже не представляете, как я рад вашей находчивости. Уговорили Капитана звездолета, а он, очевидно, согласился показать вас в долг, и теперь — все восхитительно!

Было похоже, что Хокину надоела болтовня Инспектора и он приготовился с ним распрощаться.

— А что будет, если, предположим, вы не сможете расчитаться с Капитаном? — поинтересовался Инспектор.

— Мне пришлось бы отрабатывать всю сумму, болтаясь обслугой у него на Корабле. А в чем, собственно, дело, Инспектор? — забеспокоился Хокин.

Проигнорировав вопрос, Инспектор обратился к Стажеру:

— Предупредите Капитана, чтобы он хорошенько присмотрел за этим парнем, — и пояснил: — Хокин не в силах расплатиться за свое путешествие!

— Уж не хотите ли вы сказать, Инспектор, что найдется человек, способный помешать мне получить наследство? — угрожающе проговорил Хокин.

— Он уже нашелся, — ухмыльнулся Коллинз.

— И кто же это?

— Вы сами, Хокин, — спокойно ответил Инспектор и любезно пояснил:

— В результате путешествия, вы, Хокин, стали «младше» своего младшего брата, а по условиям завещания наследство получает старший из вас.

К ВОПРОСУ О ТРИУИЗМАХ

— Отныне ни у одного преступника нет шансов избежать наказания, — с гордостью говорил Изобретатель, демонстрируя Инспектору Коллинзу свою последнюю разработку Детектора Лжи «Эго-12». — Любое, даже малейшее уклонение подозреваемого от правды будет немедленно замечено. Ошибки исключены абсолютно, и именно поэтому «Эго-12» рекомендован всем Полицейским Управлениям Галактического Содружества.

Инспектор скептически рассматривал последнее чудо в области раскрывания чужих секретов. Изобретатель, заметив недоверие Коллинза, предложил Инспектору самому опробовать «Эго-12» и убедиться в его безграничных возможностях.

Поразмыслив, Инспектор согласился предоставить для испытания Детектора Лжи одного, как выразился Коллинз, «очень загадочного человека».

— Года три назад я вел его дело. Связано оно было с очень необычным преступлением. Должен сказать, что этот человек вообще обладает весьма своеобразным, даже изощренным складом ума. Уже во время расследования, — продолжал Инспектор, — я убедился в выдающихся способностях Токинга. Сейчас мы поддерживаем довольно дружеские отношения. Кажется даже, он испытывает ко мне нечто вроде признательности. Сейчас Токинг как раз находится в моем кабинете, так что к тестированию на вашем чуде техники можно приступить немедленно.

Заинтригованный Изобретатель без колебаний принял вызов и в ожидании Инспектора и его «загадочного» Друга еще раз проверил готовность к работе «Эго-12». Когда Инспектор с Токингом появились у Изобретателя, Детектор Лжи был во всеоружии.

Токинг действительно производил впечатление незаурядной личности, но на «Эго-12» это никак не подействовало: бесстрастная машина приготовилась выпотрошить из него только правду и ничего кроме правды.

— С чего начнем? — поинтересовался Изобретатель, нажимая кнопку включения.

— Что ж, давайте для начала я сделаю заявление. Итак, я утверждаю, что последние три года своей жизни я провел за решеткой тюрьмы Лонг-Лонг, — четко и ясно проговорил Токинг.

— Замечательно, — одобрил Изобретатель. — «Эго» отмечает правдивость ваших слов. Что дальше?

— Мне больше нечего добавить, — спокойно ответил Токинг.

— Нечего? Ну, хорошо. Тогда спрашивать буду я. Вы раскаиваетесь в преступлении, которое совершили, будучи, возможно, в состоянии аффекта, или по чужой воле, или по другим смягчающим обстоятельствам?

— Я не совершал никакого преступления, — так же спокойно ответил Токинг.

— Не совершали? Десять из десяти преступников говорят то же самое... Впрочем, подождите. Удивительно, но «Эго» подтверждает правдивость и этих ваших слов. Я готов допустить, что три года назад, когда не существовало моего «Эго-12», произошла судебная ошибка и вы попали в тюрьму, не будучи виновным. Впрочем, это мы сейчас выясним.

Изобретатель связался с Компьютерным Центром Полицейского Управления, передал данные Токинга и с удивлением обнаружил, что такого человека за последние три года в тюрьме Лонг-Лонг не было.

— Не хотите ли вы мне дать дополнительную информацию? — обратился к Токингу растерянный Изобретатель.

— Пожалуйста. Последние три года я провел в тюрьме Лонг-Лонг за решеткой камеры № 309.

Озадаченный Изобретатель бросился проверять полученную информацию и не смог скрыть своего разочарования: «Эго-12» подтверждал искренность слов Токинга, а Компьютерный Центр сообщал, что камера № 309 последние три года не была никем занята.

Сочувствуя вконец расстроенному Изобретателю, Инспектор принялся его успокаивать:

— Не отчаивайтесь, дорогой Изобретатель. Просто вы еще один, кто убедился в уникальности этого человека. Он способен поставить в тупик кого угодно.

— Ах, не успокаивайте меня, Инспектор, — с горечью

произнес Изобретатель. — Я сейчас же попрошу Главное Управление Полиции мой «Эго-12» с производства снять.

— Не торопитесь делать это, — улыбаясь, остановил Изобретателя Инспектор Коллинз. — Ваша машина предназначена лишь для отделения правды от лжи. И, очевидно, она хорошо знает свое дело. А потому не стоит отказываться от ее услуг лишь на основании болтовни этого мистификатора Токинга. Он действительно говорил правду, сообщая о своем местонахождении, но не уточнил, с какой стороны решеток обретался последние три года... Находился же он не внутри камеры, а по другую сторону. А значит на свободе.

К ВОПРОСУ О ХИМИИ

Инспектор Коллинз появился в Центре Экспериментальной Химии, когда расследование по делу об отравлении зашло в тупик. Он прохаживался вдоль длинного коридора вместе с Детективом Эвансом, который вводил Инспектора в курс дела.

— Эта лаборатория занимается разработкой новых химических компонентов. И это единственное, что я смог понять из отчета о деятельности Центра. Однако, если вы интересуетесь более подробной информацией...

— Нет, нет, — поспешил успокоить Детектива Инспектор. — Пожалуйста, продолжайте.

— Хорошо. Утром шеф лаборатории Покинс собрал всех сотрудников, включая уборщиц, механиков, электриков и прочий персонал, всего около двадцати человек. Он информировал собравшихся о том, что из лаборатории украдены дорогостоящие химические реактивы, используемые в опытах. Покинс объявил о нежелательности привлечения полиции для расследования этого дела: он рассчитывает на добрую волю провинившихся. Шеф объявил также, что подозревает кое-кого, но, не имея абсолютно достоверных доказательств, не хочет указывать на него пальцем.

К сожалению, миротворческие призывы не нашли отклика в сердце похитителя. Через несколько часов после обеденного перерыва Шеф почувствовал сильное головокружение и потерял сознание. Заместитель вызвал медицинскую помощь, и Покинса увезли в больницу. Мы взяли на анализ все, что Покинс за это время мог пить или есть, и обнаружили в кофейнике у него в кабинете смесь из самых разнообразных химических веществ, включая и следы сильнейшего яда. Но все эти компоненты смешались самым причудливым образом, и в итоге получилось такое снотворное снадобье, что, по мнению врачей, Покинс проспит в больнице еще дня три.

— Замечательно, — проговорил Инспектор. — А за это время похититель сумеет замести следы. Но как он мог получить доступ к химическим реактивам?

Детектив открыл дверь в лабораторию и показал на сто-

лы с аккуратно расставленными на них колбочками и бутылочками.

— Доступ в комнату имеют только сотрудники лаборатории, включая обслуживающий персонал, и каждый из них ознакомлен с правилами обращения с химическими веществами. Кроме того, каждая из этикеток с формулами на этих склянках имеет свой цвет. Это сделано в целях дополнительной безопасности для обслуживающего персонала. Нейтральная жидкость, к примеру, отмечена темно-синим ярлыком, опасный химикат — ядовито-красным цветом и так далее. Вероятнее всего, отравителя следует искать среди высших специалистов. Только профессионал мог приготовить столь специфическую смесь.

— Вы так думаете?.. — задумчиво проговорил Инспектор. Он что-то взвешивал про себя.

— Мы собрали всех сотрудников лаборатории, — продолжал Эткинс, — и объявили о смерти мистера Покинса. Мы следили за реакцией каждого из собравшихся. Ни у кого никаких признаков потрясения, раскаяния, — а значит, в намерения преступника, замешавшего этот адский раствор, действительно входило желание навсегда избавиться от ставшего опасным начальника. Но только зачем понадобилось смешивать все эти компоненты? Боюсь, что этого мы так и не узнаем, как и имени преступника, — с горечью закончил Детектив.

Инспектор, погруженный в размышления, ответил не сразу. Наконец он поднял голову и улыбнулся.

— Я думаю, мы получим ответы на все ваши вопросы, если заглянем в медицинские карточки каждого из подозреваемых. — И, увидев удивленный взгляд Эванса, пояснил: — Преступник смешал все растворы в надежде, что по крайней мере один из них окажется ядом. Он не был знаком со значениями химических формул и не мог выяснить, какая из них означает яд. Но почему же он не выяснил этого по цвету этикетки? А потому, — закончил свою речь Инспектор Коллинз, — и в его медицинской карточке это должно быть записано, — десять против одного, что он дальтоник.

К ВОПРОСУ О ВКУСАХ

— Мы благодарны вам, Инспектор, за ваше согласие разобраться в наших проблемах, — горячо благодарил Инспектора Коллинза управляющий фирмой «Кремы на каждый день».

— Я вовсе не обещал разобраться в ваших проблемах, — ответил Инспектор. — Я лишь согласился покопаться в вашем деле.

Управляющий высоко оценил скромность Инспектора и перешел к основной части разговора.

— Должен вам сказать, Инспектор, что наша фирма

выпускает кремы на все случаи жизни, для людей обоего пола и любого возраста. Успешная наша деятельность на протяжении столь длительного времени позволяла не ставить под сомнение репутацию ни нашей продукции, ни наших сотрудников. Но, очевидно, именно это и не дает покоя нашим конкурентам из корпорации «Кремы днем и ночью». Сегодня мы получили самый сильный удар за все время нашего существования.

Как вы знаете, правила позволяют запускать в серийное производство только ту продукцию, которая прошла всестороннее испытание. Наш новый крем — наша гордость, наше чудо для лучшей половины человечества, — с блеском прошел самое сложное тестирование и показал свои безграничные возможности. Мы уже были готовы завоевать благодаря ему весь Галактический рынок, но тут случилось то, из-за чего мы и решились побеспокоить вас, уважаемый Инспектор. Поверьте, этот крем...

— О креме я уже слышал, — осторожно напомнил Коллинз. — Прошу видеть во мне только инспектора, но никак не оптового покупателя.

— Простите, — сконфузился Управляющий. — Обещаю вам больше не отвлекаться. Так вот, возможно вы не знаете, что кроме официальных испытаний существует еще и тест, не предусмотренный правилами, но без которого ни одна уважающая себя фирма не выбросит на рынок свою продукцию. Суть его заключается в следующем: генератор случайных величин Объединенного Совета фирм выдает название трех планет, где фирма, представляющая свой товар, должна получить не менее восьмидесяти процентов положительных отзывов.

Обычно это выглядит так. На планеты, которые называет Совет, мы посылаем рекламный проспект и просим указать, какое количество нашей продукции требуется им прислать для последнего теста. На этом этапе цена изделия чисто символическая.

Нас уведомляют, сколько человек хотели бы испытать новый крем, мы посылаем необходимое количество и ждем ответа. Не хотелось бы выглядеть нескромным, но жители многих планет знают нашу фирму и готовы испытывать предлагаемые кремы. И, смею вас заверить, — отзывы самые благоприятные.

Так было и в случае с новым кремом: на двух планетах приняли заявки, которые мы удовлетворили, как обычно, в самые короткие сроки... Простите, на этом останавливаться не буду, — поспешил убрать рекламные интонации Управляющий. — Так вот, представьте себе наше изумление, когда все сто процентов жителей третьей планеты отказались даже слышать о нашем новом креме. **ВСЕ СТО ПРОЦЕНТОВ!**

Мы не можем объяснить этот факт иначе как происками наших конкурентов: именно эта часть Галактики контроли-

руется корпорацией «Кремы днем и ночью». Кроме того что это незтично, это еще и преступно! Инспектор, прошу вас, помогите раскрыть миру истинное лицо этих разбойников из «Кремов днем и ночью»! Ведь скоро будут опубликованы результаты проверки и... я боюсь даже думать о дальнейшем, — с горечью закончил Управляющий. — Инспектор, вы поможете нам?

— Я сделаю все, что в моих силах. Но если мои предположения верны, то вы никогда не получите даже пятидесяти процентов на этой планете... Впрочем, я вам позвоню завтра утром. Советую не раскисать и смелее смотреть в будущее.

На следующее утро счастливый Управляющий принимал поздравления Инспектора.

— ...Несомненно, мы сейчас же попросим Совет фирм выбрать нам другую планету. Но я до сих пор не могу поверить, что конкуренты абсолютно не участвовали в этом деле. Вы, Инспектор, просто блестяще провели расследование.

— Не знаю, не знаю... — скромно ответил Инспектор. — Я просто счел необходимым поинтересоваться, какой контингент населяет эту планету. Оказалось, что там обитает всего лишь один оператор промежуточной космической станции, который, к тому же, не интересуется женскими кремами.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА ВОСТОКА» ЗА 1994 ГОД

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОКА

ал-Ма'арри. Высказывания, афоризмы, поэтические фрагменты. № 3-4.

Али Сафи. О мудрости и остроумии. Фрагменты книги. № 5-6.

Амир Тимур. «Я знал, ценил и уважал народ...» Мысли, высказывания, изречения. №№ 5-6, 7-8.

Булгаков Д., Султанов И. Тайная книга. № 9-10.

Пайзи Д. Сулук. Жизнеописание Ахмада Яссави. №№ 1-2, 3-4.

Унсуралмаали. Кабус-наме. №№ 1-2, 3-4.

ПРОЗА

Агзамов Э. Закрой на мгновение глаза. Рассказ. № 7-8.

Александров В. Возвращение. № 5-6.

Алимбаев А. Рассказы. № 9-10.

Аносов В. Го-то-го. Рассказ. № 7-8.

Баграмов В. Рассказы. № 3-4.

Буччибабу. Одиночество. Роман. № 9-10.

Васильев В. И тьма не объяла его... Роман-фантазия. № 11-12.

Дашевский Ю. Missent to Jakarta. Рассказ. № 7-8.

Дурандин А. Мистерия. Рассказ. № 5-6.

Исматуллаев Р. Моралист. Рассказ. № 3-4.

Карташев С. Древние мотивы. № 5-6.

Малик Т. Прощай, «счастливое детство...» Повесть. № 11-12.

Мухтар А. Вечность и тленность. Рассказ. № 5-6.

Родити Э. Рассказы. № 3-4.

Солодовникова О. Описываю свою жизнь... № 5-6.

Танидзаки Д. Татуировщик. Рассказ. № 9-10.

Устименко А. Странствующие в золотом мираже. Исторический роман. №№ 1-2, 3-4.

Шмырин О. «Я, Мартин, и ты, Эльза». Двенадцать образцов риторики. № 3-4.

ПОЭЗИЯ

Абдуллаев Ш. Стихи. № 9-10.

Валиев З. Стихи. № 5-6.

Завьялов С. Стихи. № 7-8.

Закиров Х. Стихи. № 9-10.

Изетов Э. Стихи. № 9-10.

Кондратьев В. Стихи. № 3-4.

Кузьмин М. Стихи. № 1-2.

Мадалиев С. Стихи. № 11-12.

Парфи Р. Стихи. № 3-4.

Ферлегер В. Стихи. № 9-10.

Хайрулло. Стихи. № 7-8.

Шер А. Стихи. № 7-8.

ЭССЕ О ПОЭЗИИ

Абдуллаев Ш. Чтение. № 7-8.

Галь Д. Одно стихотворение Верлена. № 5-6.

Исмаилов Х. Узбекская газель: поэтика. № 1-2.

Кислов Д. Поэзия на колесах. № 1-2.

Криль Р. Определить. № 1-2.

Лапинский И. Controversia. № 9-10.

Левкин А. Бродский. «Римские элегии». № 3-4.

Скидан А. Поэзия и мысль. № 7-8.

Тодрани Ж. Поэзия и Средиземноморье. № 11-12.

МИР ЕДИН: ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЭЗИЯ СЕГОДНЯ

Амихай И. Стихи. № 3-4.

Витон Ж. Стихи. № 3-4.

Гроховяк С. Стихи. № 1-2.

Дагларджа Ф. Стихи. № 7-8.

Зах Н. Стихи. № 5-6.

Ламбовски Б. Стихи. № 1-2.
Ор Г. Стихи. № 7-8.
Симич Ч. Стихи. № 7-8.
Сипехри С. Стихи. № 5-6.
Стрэнд М. Стихи. № 11-12.
Танака А. Стихи. № 5-6.
Хеджинян Л. Стихи. № 3-4.

ПОЭЗИЯ ЭМИГРАЦИИ

Вишневецкий И. Стихи. № 3-4.
Суханов М. Стихи. № 11-12.

ПОЭЗИЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Капцан Г. Эссе. № 9-10.
Павезе Ч. Стихи. № 7-8.

ИЗ ОПЫТА МИРОВОЙ ПОЭЗИИ

Бретон А. Перелетные птицы.
Раненый. № 5-6.
Гаскойн Д. Стихи. № 7-8.
Дикинсон Э. Стихи. № 9-10.
Кокто Ж. Стихи. № 3-4.
Луци М. Стихи. № 5-6.
Оутс Д. К. Стихи. № 9-10.
Фаррохзад Ф. Стихи. № 9-10.

ПОЭЗИЯ КАК ПРОЗА

Абдуллаев Ш. Конец города.
Рассказ. № 1-2.

ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ

Сисон. № 3-4.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПОЭЗИЯ

Олевский Е. Стихи. № 1-2.

ПОЭЗИЯ И КИНО

Джармен Д. Стихи. № 1-2.

ПУБЛИЦИСТИКА

Германов В. Контрабанда. № 7-8
Джангужин Р. Обретение обретенного. № 1-2.
Кривцова Н. Черный квадрат.
№ 11-12.

КАРАВАН ВЕКОВ

Асанова Г. Он исполнял желания достойных... № 9-10.
Владимир. Путь святого апостола. № 7-8.

Шукуров Ш. Восточный базар.
№ 3-4.

КОСМОС, ЖИЗНЬ. ЧЕЛОВЕК

Кришнамурти Д. Бомбейские беседы. № 1-2. Парижские беседы. № 11-12.

МаймониД. Из трактатов. № 7-8.
Сахни К. «Белка в колесе». Духовное и телесное: взгляд с Востока. № 3-4.

Тростников В. Беседы. № 5-6.
Энциклопедическое изложение Массонской, Герметической, Каббалистической и Розенкрейцерской Символической Философии. №№ 9-10, 11-12.

ДРАМЫ «КРАСНОГО» ВОСТОКА

Выдрин А. Фитрат, Поливанов, Сталин и другие. Языковая политика в Узбекистане. № 5-6.

Горшенина С. «...Какой мне сон приснился ныне». № 9-10.

ЭПОХА И ЛИЧНОСТЬ

Кычанов Е. Жизнь Темучжина. № 11-12.

Садуллаев А., Улжаева Ш. Наследство. № 7-8.

Улугбек. Зидж-и Джадид-и Гурагани. № 7-8.

ВОСТОЧНЫЙ ДИВАН

Орден Накшбанди. № 11-12.

СТАРИННЫЙ МАНУСКРИПТ

Японские сказания о вещах не совсем обычных. № 9-10.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Грачев А. Приглашение на казнь. № 3-4.

КРИПТОГРАММЫ

Егеубаев К. Роман-фантазия В. Васильева и Евангелие Вэсилада. № 11-12.

ЛОТОС

Баба С. Поучения. № 3-4.

Нирвана. Буддийское сказание.

№ 7-8.

Спиридонова А. Полет на пантере в сопровождении воробьев. № 9-10.

Фатыхов С. История красоты. № 5-6.

ДЕТЕКТИВ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА

Боллард Д. Рассказы. № 7-8.

Карр Д. Д. Джентльмен из Парижа. Рассказ. № 1-2.

Монсаррат Н. У законное убийство. Рассказ. № 9-10.

Сухов Р., Гулямов А. Инспектор Коллинз. № 11-12.

Харнесс Ч. Шахматисты. Рассказ. № 3-4.

Чандлер Р. Золотые рыбки. Рассказ. № 5-6.

На обложке рисунок **Сергея ПАКА**

Технический редактор **Гуля РАМАЗАНОВА**

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию ИПК «Шарк» по адресу: 700000, ул. Буюк Турон, 41.

Адрес редакции: 700000, Ташкент, ГСП, ул. Буюк Турон, 41.

Телефоны: главного редактора и отв. секретаря — 33-42-68; отделов: прозы, поэзии, публицистики, литературной критики — 33-07-78.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Перепечатка без соглашения с редакцией не допускается, ссылка на «ЗВ» обязательна.

Сдано в набор 20.10.94 г. Подписано к печати 09.01.95 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Офсетная печать. Усл. п. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 11,76. Уч.-изд. л. 15,75. Тираж 14821. Зак. № 3138. Цена договорная.

**Типография издательско-полиграфического концерна «Шарк»,
700083, Ташкент, ул. Буюк Турон, 41.**